

КУЗНЕЦКАЯ
СТАРИНА

УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ КУЛЬТУРЫ АДМИНИСТРАЦИИ
г. НОВОКУЗНЕЦКА
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ МУЗЕЙ
«КУЗНЕЦКАЯ КРЕПОСТЬ»

КУЗНЕЦКАЯ СТАРИНА

Выпуск 2

Издательство «Кузнецкая крепость»
г. Новокузнецк,
1994 г.

Отв. редактор и. и. и. Ширин Ю. Я.
Отв. секретарь и. и. и. Огурцов А. Ю.
Рецензенты и. г. и. Ткачев С. Д.

и. ф. и. Чудожков А. И.

Художники
Мигулин Николай Петрович.
Тюрин Валерий Вячеславович.

Редактор Рехванов В. А.
Технический редактор Семчишина Н. А.

Книга издается по заказу и на средства
музея «Кузнецкая крепость» в г. Новокузнецке

Выпуск подготовлен по материалам научного семинара,
проведенного в честь 375-летия Кузнецка. В сборнике
представлены работы специалистов по археологии, истории,
музейоведению, искусствоведению, фольклорные истории
Кузнецкого края и смежных территорий.

Рекомендуется для историков, археологов, а также для
широкой масс читателей, интересующихся историей род-
ного края.

М ЛР № 040360
Л 77 (03) — 84

РУССКАЯ ЭКСПАНСИЯ В ЮЖНОЙ СИБИРИ (постановка вопроса)

Сибирь — необъятный бело-зеленый континент за Уральским хребтом, поле для героических подвигов русских переселенцев. Тысячи верст за один исторический миг проштагали они на восток через таежные дебри до берегов Тихого океана. Именно тогда был заложен потенциал будущей великой Российской империи. Но как эта страна, населенная весьма воинственными аборигенами, оказалась в составе России, какие факторы являются главными в процессе присоединения Сибири, какие второстепенными? Ответить на эти вопросы пытаются все новые и новые поколения историков.

До революции 1917 г. подавляющее большинство исследователей безусловно признавали главным военно-насильственным элементом. В роли организатора «завоевания» восточных территорий, естественно, выступало государство, либо самостоятельные вооруженные отряды (1). К такому выводу историков подталкивали вопиющие факты кровавых вооруженных столкновений между аборигенами и русскими колонистами. Концепция «завоевания» Сибири господствовала в литературе до Великой Отечественной войны. Ей отдал дань патриарх советского сибиреведения С. В. Бахрушин (2). Она прочно укоренилась и в массовом историческом сознании населения СССР.

После войны произошел коренной перелом в отечественной историографии, связанный с работами В. И. Шункова, который взглянул несколько под иным углом зрения на историю сибирской колонизации. Он обнаружил, что огромную роль в освоении (именно освоении!) Сибири сыграли русские крестьяне (3). С тех пор идеи Шункова продолжали кристаллизоваться, пока не отлились в форме пятитомного фундаментального труда под общей редакцией А. П. Окладникова, где второй том был посвящен периоду феодализма (4).

После работ Шункова и официального пятитомника совет-

ские историки дружно бросились критиковать идеи своих до-революционных предшественников, они отреклись от идеологически вредной концепции «завоевания» и присоединились к новой теории «присоединения» Сибири к России, предложенной Шунковым (5).

Некоторые советские исследователи колонизационного процесса за Уралом пошли еще дальше, обнаружив, что это присоединение являлось «преимущественно добровольным» (6). Это был ловко срежиссированный ход развития отечественной историографии. Видимо, необольшевицкие идеологи решили с патриотических позиций исторически обосновать существование «дружной семьи» народов СССР, отказавшись от прежних ленинских идей относительно прошлой имперской сущности России.

Между тем, точка зрения Шункова была более осторожной и взвешенной, чем ангажированные заявления его последователей. Некоторые диалектичные мысли Шункова до сих пор существуют исключительно в форме парадоксальных стереотипов, не наполненных реальным содержанием. В первую очередь это замечание относится к его размышлениям о двойственном характере присоединения Сибири. Он даже попытался сформулировать механизм решения сложнейшей задачи (квалификации процесса присоединения в связи с изучением земельных отношений русских переселенцев и аборигенов, которые складывались не всегда гладко).

Особенно перспективной ему представлялась попытка «по некоторым итоговому данным выявить, как часто были столкновения между местным и русским населением в тот или иной отрезок времени» (7). Историки не обратили внимание на это предложение известного ученого. Исключив термин «завоевание» из своего словаря, они сами загнали себя в ловушку, пытаться выбраться из которой считалось довольно неприятным.

Последним «смолянником» в этом смысле долго оставался А. П. Уманский, употреблявший опальный термин еще много лет спустя после коренного изменения курса отечественной историографии (8). Он изучал весьма сомнительные, с точки зрения «добровольности присоединения», взаимоотношения русских и аборигенов Южной Сибири, причем резко осудил жестокие меры царского правительства против коренных сибиряков. Впрочем, даже ему пришлось отдать дань идеологической моде в предисловии к монографии о взаимоотношениях русских и телеутов, отказавшись на словах от идеи завоевания части Южной Сибири Россией с помощью войск (9).

Таким образом, преимущественное внимание к русской крестьянской колонизации привело к известному перекосу в отечественной историографии в сторону бесконфликтности «присоединения» Сибири к России. Порою случались даже весьма анекдотичные случаи.

Например, внимание некоторых исследователей к разноплановой деятельности военно-служилых людей за Уралом воспринималось остальными историками довольно прохладно, если не сказать подозрительно, ибо именно казаки в первую очередь являлись главным инструментом военного насилия. Робкие попытки Н. И. Никитина реабилитировать сибирских служилых людей привели к тому, что Н. А. Миленко вообще отказала им в праве на существование, облизав их с крестьянами, лишь на том основании, что некоторая часть служилых людей вышла из крестьянства (10). Другие исследователи колонизации упорно пытались доказать, что крестьяне часто шли впереди военных отрядов, прокладывая им дорогу среди неприятелей (11).

Короче говоря, советские историки под видом органичного отращения к насилию и к его носителям свернули со столбовой дороги развития историографии и принялись петлять по сторонам, пытаясь замести следы насилия Русского государства в Азиатской России, затушевать сложную историческую реальность, подменив одностороннюю концепцию «завоевания» не менее односторонней, выхолащенной концепцией «преимущественно добровольного присоединения», противоречащей идеям самого автора — В. И. Шуккова.

Впрочем, этап советской историографии нельзя назвать бесплодным. Именно в это время заново сформировалось мощное направление в отечественной историографии — сибирское крестьяноведение, которое, в сущности, исследовало с разных точек зрения процесс земледельческого освоения Сибири.

Задача данной работы заключается отнюдь не в смене терминов или возвращении к старым азбучным истинам, наоборот, гораздо интереснее на основании новых данных построить более динамичную теорию колониального процесса с учетом огромного количества факторов, требующих адекватной интерпретации. Автор уже высказывал близкие идеи в собственной диссертации и публицистических работах, но до широкого их обсуждения и всесторонней критики специалистами руки пока не доходили (12). Надеюсь, что данная работа послужит толчком к дальнейшим исследованиям в области методологии колониального процесса за Уралом.

Оценка присоединения Сибири к России обычно сводится

к выяснению роли насилия, часто делается вывод о том, что благородная миссия русских крестьян обеспечивала преимущественно мирный и бескровный характер присоединения. При этом не учитываются два важнейших момента.

Первый — присоединение и колонизация не тождественны друг другу. Политический акт — «присоединение» являлся лишь прелюдией дальнейшего заселения и освоения новых территорий. Второе — отдельные части и разные народы Сибири входили в состав России не одновременно.

Для того, чтобы получить объективную картину исторического процесса, именуемого «присоединением», необходимо абстрагироваться от второго акта драмы — собственно земледельческого или иного освоения и локализовать ее действие хронологически и территориально. Для примера мы попытаемся проанализировать военно-политическую историю региона Южной Сибири, где наблюдались различные модели вхождения новых земель в Российское государство.

На самом западе Сибири в Тоболо-Ишимском междуречье присоединение новых земель, особенно в XVIII столетии, не сопровождалось насильственным захватом пастбищ у соседних кочевников киргиз-кайсаков (казахов), военно-инженерные средства использовались русским правительством вынужденно для присоединения временно пустующих земель. Движение Ишимской линии на юг вынуждалось необходимостью защиты российских подданных от набегов воинственных кочевников, которые постоянно терроризировали пограничное население.

Кайсаки сдавались на свободные пастбища после откочевки ордатов (калыков) на Волгу; они не являлись коренными жителями урало-сибирских степей, что признают даже добросовестные казахские историки (12). Новая граница между земледельцами и кочевниками сложилась вполне естественным путем. Некоторые военные специалисты в прошлом веке, например, подполковник Генерального штаба Михаил Венюков, настаивали на том, что эта старая граница, существовавшая до «несчастливого приобретения Бирона» (принятия в подданство киргиз-кайсаков — А. О.) была «совершенно естественной... лучше которой... у нас потом не было никогда» (14).

Новая Ишимская линия почти не затронула новых кочевий киргиз-кайсаков, не говоря о старых, находившихся южнее Кокчетавских гор и на Сыр-Дарье. Линия оформила прежние аморфные очертания границы между двумя народами, сохранившиеся до межевания в советское время, когда часть сибир-

ских земель (например, Сибирского казачьего войска) отошла к Казахстану.

Любопытно, что большевики не первые пошли на уступки номадам. Известный либерализм и слабость, политика земельных уступок зародились гораздо раньше — еще в период императора Павла I, позволившего киргиз-кайсакам селиться на внутренней стороне уральских и сибирских линий. В XIX в. либералы всех мастей строчили писквили на сибирских казаков и доклады императору, побуждая его отдать исконные казачьи земли в десятиверстной полосе степным соседям. Николай II не позволил перекраивать карту Сибири (15).

Иначе в составе России оказалась долина Иртыша. В начале XVIII в. здесь кочевали калмыки, которые пришли в Сибирь более века назад. Долгое присутствие калмыков оставило после себя материальные следы. На левом берегу Иртыша против Усть-Каменогорской крепости сохранялись развалины Аблакетского монастыря, где «фигуральные идолы», развешенные на проволоке, пугали посетителей буддийского капича. Возле Семипалатной крепости находились развалины семи кирпичных зданий (отчего крепость получила название). По сведениям казаков и служилых татар, здесь располагался один из административных центров бывшего Джунгарского ханства. В районе Ямышевской крепости и в устье Бухтармы имелись другие джунгарские укрепления. (16).

В 1714 г. царь Петр I, введенный в заблуждение сибирским губернатором Матвеем Гагариным, который сообщил ему фантастические сведения о добыче в больших масштабах песочного золота в глубине Джунгарии — в Восточном Туркестане возле города Яркенда, приказал отправить по Иртышу и через пески Средней Азии военные экспедиции для поиска и захвата месторождений драгоценных металлов.

Обеспечивая дипломатическую подготовку акции, первый русский император заранее лицемерно объявлял джунгарскому контайше новость о том, что все земли, лежащие в верховьях великих сибирских рек Иртыша и Оби, исконно принадлежат России. Он назвал старинные джунгарские пастбища, на которые калмыки пришли более века назад «пустыми», где якобы им было позволено «из милости» кочевать, и приказал вернуть их хозяину (17). Джунгарский контайша неприятно удивился новостям из России, предприняв ответные меры.

Авантюра Петра и Гагарина закончилась трагически. Злой 1715—1716 гг. погиб от голода и холода отряд подполковника Ивана Бухольца, окруженный джунгарами в Ямышевской крепости. Не вернулся из Хивинского похода в отряд

князя Александра Бековича-Черкасского. Петр не смирился с обидным поражением от азиатских противников.

В 1716—1720 гг. русские военные отряды заложили на Иртыше пять крепостей. Опираясь на них, планировалось достигнуть заветной цели — Яркенда. Однако в 1720 г. экспансия России на юг по Иртышу была приостановлена на долгие годы возле озера Нор-Зайсан, где столкнулись вооруженные отряды соперников — с одной стороны батальон гвардии майора Ивана Лихарева, а с другой — армия под командованием наследника ханского престола, будущего знаменитого контайши Галдан-Церена (18).

В 1722 г. царь Петр попытался мирными средствами склонить контайшу принять подданство России, но безуспешно. Хотя программа-максимум (захват Яркенда и присоединение Джунгарии) была не выполнена, все же русское правительство решило другую важную стратегическую задачу — оно отторгло у Джунгарии всю долину Иртыша от устья Оми до Усть-Каменогорской крепости.

Сложность квалификации присоединения Обь-Иртышского междуречья, Барабы и Северного Алтая к России заключается в трудности фиксации здесь этнополитических границ и сфер влияния двух соседних держав.

К приходу русских многие народы, проживавшие к востоку от Иртыша, еще не сложились в единый этнос; они были раздроблены на отдельные роды (сеоки), подчинялись различным «владельцам», по-разному относились к русской экспансии. Официальные границы, естественно, отсутствовали, а границы родовых владений были размытыми; продолжалась и активная миграция аборигенов на новые земли.

Самое крупное и воинственное племя на Алтае — телеуты, в силу экономических и политических причин подчас меняло территорию кочевания, распадаясь на локальные группировки, которые ориентировались на разные силы — Россию или Джунгарию. Дестабилизирующее влияние на военно-политическую обстановку в Южной Сибири оказывали енисейские киргизы, действующие часто весьма независимо, подобно телеутам. Аналогично действовали и различные обратские группировки, пока не сформировалось Джунгарское ханство. Его образование внесло некоторую ясность в запутанную ситуацию, облегчив работу будущим историкам.

Разобраться в этой сложной обстановке было трудно тогда, а тем более сейчас. Однако стремиться к этому необходимо. Что касается Кузнецкой земли, то, безусловно, до прихода сюда русских местное население находилось под политиче-

ским контролем более сильных кочевников-телеутов, енисейских киргизов, которые позже стали кыштымами джунгарского контайши.

Прорвавшись вверх по Томи из Томска, русские сразу столкнулись с сопротивлением противников, объединившими усилия против опасного врага. Ойраты из торгоутско-дербетской группировки Хо-Урлюка быстро поставили кочевые силы под свой контроль, и к 1613 г. они уже уверенно верховодили союзными войсками, развернувшими масштабные военные операции против Томска (19).

Кузнецкие татары, раздробленные на отдельные секи, почти не пытались вести собственную политику, плетясь в фарватере сильнейшего, хотя их прямой интерес явно заключался в ослаблении обеих сторон. — России и агрессивных степных кочевников, покушавшихся на их независимость. Однако многовековая «сила» иерции и инстинкт самосохранения подсказали некоторым секам иной путь, проверенный практикой — откуп пушниной и железом от врагов. Одна часть кузнецких татар продолжала опираться на воинственных кочевников, другие оказались мудрее.

Первой признала зависимость от России Абинская волость во главе с князем Базаяком, расположенная в устье Кондомы. О чем говорят воеводские указы томским служилым людям, посланным «в Кузнецы» для сбора ясака. Им рекомендовалось строить временные острожки-фактории во владениях князя Базаяка, «что прямит (т. е. служат) государю». Старый вождь вбичев оказал немало ценных услуг русским казакам. Он неоднократно спасал их от гибели, информировал о замыслах противников, склонявших кузнецких татар к войне, посылал своих «улусных мужиков» за ясаком, давал провожатых, снабжал продовольствием и т. д.

Однако томская администрация почему-то не полностью доверяла своему новому союзнику. Однажды воеводы предложили ему переселиться в Томск, намереваясь, очевидно, держать его заложником, но мудрый князек отказался от подобной чести, мотивируя опасения за жизнь семьи (20).

Другие секи кузнецких татар присоединились к телеутам, киргизам и ойратам. Трудно сказать, насколько этот шаг был добровольным. Не исключено, что кузнецкие аборигены поддались давлению. С другой стороны, если Базаяк смог совершить смелый шаг и радикально поменять «владельца», то почему бы другим князькам не повторить его подвиг? Следовательно, они вовсе не стремились следовать за Базаяком.

Сильные антирусские настроения среди кузнецких татар

откровенно обнажились и в самом Абинском улусе после смерти князя абинцев Базаяка (если судить по исчезновению его имени из источников она произошла в 1612 г.). Смерть авторитетного туземного вождя моментально привела к измене абинцев, которые отмежевались от России и присоединились к походу кочевых сил на Томск. С тех пор до строительства Кузнецкого острога абинцы неизменно оставались во враждебном лагере, отказываясь платить ясак в царскую казну. Измена абинцев поставила под вопрос присутствие России на Северном Алтае.

Как только опасность для Томска исчезла, его власти срочно отправили в Кузнецкую землю войска для жестокого наказания изменников. Сотник Иван Пушина и атаман Бажен Константинов разгромили Абинскую волость, а на месте укрепленного городка абинцев соорудили деревянный острожек. Затем казаки атаковали Сарышорский и Баштаков улусы. Каратели были остановлены объединенными силами телеутов, киргизов и ойратов, которые совместно с кузнецкими туземцами окружили острожек Пушина и держали его в осаде пять недель. С большим трудом казакам удалось разбить неприятелей в контратаке и прорваться в Томск. Вопреки мнению некоторых историков после рейда Пушина будущее Кузнецкого края оставалось туманным (21).

Отдельные «ближние волости», действительно, шертвовали (присягнули) царю, но другие отказались; ясак вообще регулярно никто не платил, сборщики ясака постоянно находились в опасности, влияние России в Кузнецком крае оставалось крайне слабым по сравнению с авторитетом ближайших соседей с Оби и Енисея. Русским отказывались подчиняться крупнейшие татарские сёки — Тюлюберский, Абинский, Шовский, Сарышорский, Кивинский, Кобинский и др. (22).

В условиях полного господства кочевников на Северном Алтае сооружения Кузнецкого острога в 1618 г. на устье Кондомы явилось чрезвычайно смелым шагом, повернувшим историю в иное русло. Строительство острога четко продемонстрировало главное направление будущего удара русских войск. Стационарная русская крепость в глубине неприятельской «землячки» стала надежным оплотом московского царя, откуда очень медленно русское влияние распространялось на всех северных алтайцев.

Первые десять лет у местных русских властей едва хватало сил только для обороны ближайшей к острогу территории. О слабости позиции России на Северном Алтае свидетельствуют периодические отказы кузнецких татар, кумандинцев и

алтайцев от уплаты ясака в царскую казну, что было равносильно отказу от русского подданства. (23).

Пока Россия собиралась с силами, джунгары также не теряли времени даром. После откочевки группировки Хо-Урлюка на Волгу контроль над Южной Сибирью взяли на себя оставшиеся ойраты во главе с чирокским тайшой Хара-Хулой и его сыном Батуром. В 1736 году Батур принял титул хунтайджи (контайшия и стал правителем Джунгарского ханства — мощного по азиатским понятиям государства. Ему были вынуждены подчиниться телеуты и енисейские киргизы со своими кыштымами. Образование Джунгарского ханства явилось своеобразной гранью, разделяющей два периода.

В первом периоде военно-политическое соперничество за Кузнецкую землю (да и за Южную Сибирь) происходило между Россией и разными кочевыми группировками, а во втором — на пути России встала Джунгария, собравшая под свое крыло всю прежнюю кочевую рать. На правах хозяина телеутских и киргизских кыштымов джунгары продолжали собирать дань с северных алтайцев (часто пользуясь услугами прежних владельцев), вынашивая мечту о тотальной гегемонии в Южной Сибири. Те же самые желания одолевали и русское правительство, но, опасаясь большой войны, обе стороны до поры старались не провоцировать друг друга, не лезли откровенно «на рожон».

В 1640 г. Россия и Джунгария даже заключили своеобразный пакт о разграничении сфер влияния — договор о режиме двоеданчества. Часть аборигенов Сибири была вынуждена одновременно платить дань двум соседним державам. Более ста лет двоеданцами являлись почти все кузнецкие татары (за исключением Абинского и других сеоков, расположенных в низовьях Кондомы) и другие северные алтайцы. Весьма часто этот договор не соблюдался, особенно на рубеже XVII и XVIII вв., когда обе стороны активно мешали действиям сборщиков дани в двоеданческих волостях на Алтае и в Барабе.

Военно-политическое соперничество России и Джунгарии имело тяжелые последствия для обеих сторон и для аборигенов. Бесчисленные набеги ойратов и их кыштымов на русские деревни и ясачные волости серьезно тормозили развитие Томского, Красноярского и Кузнецкого уездов.

Во второй половине XVII в. Кузнецк выдержал три крупнейшие осады объединенных кочевых сил, а в первом десятилетии следующего столетия неприятельские войска еще дважды вторгались на территорию его уезда. В 1710 г. кочевники сожгли Бикатунский острог, где девять дней стойко обороня-

лись кузнецкие казаки, построившие новую крепость, в глубине спорных с Джунгарией территорий. (24). Количество мелких набегов вообще невозможно подсчитать.

Сибирские служилые люди жаловались в Сибирском Приказе, что «неприятельские люди» — телеуты, киргизы и ойраты приходят войной под Кузнецк (и другие «ограничные города») ежегодно по многу раз. Общие потери Кузнецкого уезда с 1690 по 1710 гг. составили 21345 рублей. (25). Для малочисленного, малопашенного уезда это была огромная сумма, сопоставимая с потерями целой страны в большой войне с сильным противником. Русские войска также не оставались в долгу, совершая ответные рейды в степь на кочевые улусы, жестоко истребляя неприятелей.

Кровопрлитный конфликт полыхал в Южной Сибири до тех пор, пока джунгары не вывели из Минусинской котловины и с Алтая своих кыштымов-киргизов и телеутов, вынужденные уступить военно-инженерному наступлению России, которое направлялось из Томска и Кузнецка. Строительство новых острогов (особенно на Оби) привело к ликвидации двойственного статуса спорных земель в Южной Сибири и закрепило их за одним хозяином — Российской империей. Военно-насильственный элемент в присоединении Обь-Иртышского междуречья и Северного Алтая заключается в том, что Россия успешно использовала силу для вытеснения Джунгарии из спорных районов и победы в ожесточенной борьбе за полную гегемонию в Южной Сибири, а также для подчинения различных групп аборигенного населения.

Таким образом, выше были рассмотрены три модели присоединения локальных районов. В первом случае русское правительство специально не прибегало к военному насилию, ограничившись «мягкими» военно-инженерными средствами для присоединения Тоболо-Ишимского междуречья. Кстати, аналогично произошло расширение русских владений на Горном Алтае в конце XVIII в. Классическое военно-насильственное отторжение чужих территорий у независимого Джунгарского ханства произошло на Иртыше, где Россия действовала в откровенном силовом стиле.

Наконец, более сложный процесс протекал в Обь-Иртышском междуречьи и на Северном Алтае, где фиксируются мирный и насильственный элементы с преобладанием последнего. Первый заключался в добровольном переходе в русское подданство отдельных групп аборигенов (томских татар, выезжих телеутов, абинцев и некоторых других сеоков кузнецких татар в янзоях Кондомы).

Однако именно военно-политическая деятельность русского правительства позволила закрепить за Россией большую часть спорных с Джунгарией территорий вместе с населением. Русским крестьянам никогда бы не удалось распахать пашни в плодородных степных и лесостепных районах Южной Сибири без поддержки армии и государства. Вероятно, в Сибири встречались и иные модели присоединения, которые нуждаются в специальном исследовании.

Итак, присоединение Сибири к России представляет собой чрезвычайно пеструю мозаику, в которой мирный и насильственный элементы создают разнообразную цветовую гамму со множеством оттенков. Подобная картина наблюдалась во многих странах Европы, Америки и Азии, где шло расширение и формирование многонациональных государств — мировая практика не знает исключений. Искусственный исторический изоляционизм, помещенный на традиционном русском мессианстве, бесперспективен с любой стороны. Пришла пора более реалистично оценить некоторые аспекты региональной русской истории.

Однако данный вывод совершенно отвергает современные политические спекуляции, которые абсолютизируют одну из моделей присоединения с целью разжигания национализма и сепаратизма. История не может служить ни оправданием, ни обвинением для современных политиков, она абсолютно индифферентна к смешным амбициям людей, которые часто не склонны замечать сложные элементы реального мира, отдавая предпочтение идеальным конструкциям.

Холодное равнодушие прошлого не порок — оно проявление подлинной искренности и страстности, скрывающихся за теоретическими моделями и концепциями ученых, стремящихся не только глубже проникнуть в суть фундаментальных проблем, но и парализовать вулкан человеческих страстей посредством объективного анализа исторического процесса и извлечения из него практического положительного опыта, необходимого для возвращения к нормальной жизни общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. Мирзоев В. Г. Историкография Сибири. М., 1970, с. 3—386. Он же. Историкография Сибири. Кемерово, 1965, с. 3—297. Мищенко Н. А. Историкография Сибири. Новосибирск, 1978, с. 3—81.
2. Признавая факт «завоевания», Бахрушин С. В., между прочим, еще в 1928 г. отметил, что советскую историографию уже не интересует последовательный ход военного продвижения, даже не военное продвижение само по себе, а «действующие силы мир-

ного присоединения страны, завоевание не мечом, а трудом и культурой...». По его мнению, главная задача советской историографии заключается отныне в «изучении внутренних процессов колонизации». Вакрушин С. В. Задача исторического изучения Сибири. // Научные труды. М., 1955, т. 3, ч. 2, с. 260.

3. Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири. XVII в. М., 1958.
4. История Сибири. М.-Л., 1968, т. 2.
5. Шунков В. И. Основные проблемы изучения истории Сибири. // Вопросы аграрной истории России. М., 1974, с. 210—213.
6. Там же. Кадешников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII — начале XIX вв. Омск, 1973, с. 4—8.
7. Шунков В. И. Некоторые проблемы истории Сибири. // Вопросы аграрной истории России. М., 1974, с. 230—235.
8. Умалский А. П. Памятники культуры Алтая. Барнаул, 1959, с. 11.
9. Он же. Телуги и русские в XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1980, с. 3—4.
10. Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск, 1980, с. 3—15.
11. Будыкин Ю. Н. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974, с. 17.
12. Огурцов А. Ю. Военно-низвержная полчатина русского правительства в Западной Сибири в XVIII в. Свердловск, 1980, Автореферат канд. дисс., Он же, Русская эмиграция за Уралом. // Сибирская газета, 1980, декабрь, номер 48.
13. Бисик В. Я. Казахстан в системе внешней политики России в первой половине XVIII в. // Россия и Казахские ханства в XV—XVIII вв. Алма-Ата, 1971, с. 68.
14. Венюков М. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб., 1873, с. 26.
15. Катанцев Г. Е. К вопросу о т. н. «земельных захватах» Сибирского казачьего войска. Омск, 1898, с. 3.
16. Абрамов Н. Город Семипалатинск // Записки РГО. СПб., 1861, номер 1, с. 115—118. Гейман В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов. М., 1937, с. 625—626, ЦГВИА, ф. 418, д. 971, ф. 20. Оп. 1/47, д. 448, л. 18 об.
17. Памятники сибирской истории. СПб., 1985, т. 2, с. 67.
18. Миллер Г. Ф. Известия о песочном золоте... // Ежемесячные переводы и сочинения и пользе и увеселению служащие. СПб., 1760, янв.—февр.
19. Миллер Г. Ф. История Сибири. М.-Л., 1937, т. 1, с. 428, 429—430, 433—436, 441—442 и др.
20. Там же, с. 421, 435.
21. Там же.
22. Там же, с. 442—444.
23. Там же, с. 446, 1841, т. 2, с. 309, 370.
24. ГАОО, ф. 1, св. 1, д. 198, л. 342.
25. ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д.

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА Кузнецка XVIII—XX вв. и его памятники

Формирование градостроительной структуры Кузнецка в ее современных направлениях относится к последней четверти XVIII — первой половине XIX вв. Архитектурно-планировочные принципы ее определялись сложностью рельефа правого берега реки Томи и сооружениями, занимающими к этому времени в силуэте города доминирующее положение. Три террасы, спускающиеся от горы Вознесенской в южном направлении вдоль береговой линии — Нагорье, Подгорье, Фортштадт — составили пространственно-ландшафтную среду, формировавшую застройку города.

Освоение территории будущего городского ядра начиналось на высоком береговом уступе верхней террасы (Нагорье). Длительное время застройка ее была деревянной и носила нерегулярный характер. Это обстоятельство иллюстрируется рисунком художника И. Берхана, посетившего Кузнецк осенью 1734 г. в составе экспедиции Ф. Миллера. Выполненный с натуры рисунок документально фиксирует наличие деревянной застройки на двух террасах по типологии северорусской традиции — высокая клеть, пятистенки. Над башнями еще сохраняющихся острожных укреплений доминируют два деревянных храма¹. В 70—90 гг. XVIII века система пространственных связей Кузнецка значительно меняется, обогащаясь за счет каменного зодчества, о чем свидетельствует карта города 1786 г.² Каменное зодчество Кузнецка этого периода воплощает общерегиональные черты, но более всего по своим стилевым приемам приближено к иркутской барочной традиции.

Основные архитектурные сооружения Кузнецка на рубеже XVIII—XIX вв. следует классифицировать по функциональному признаку — культовые, гражданские, фортификационные. Каменное зодчество в городе и Кузнецком крае начиналось с культовых построек, у истоков которых значится фигура купца

И. Д. Муратова. Архивные сведения об этой самобытной личности скупы и немногословны. Просьба в Кузнецкое Духовное правление о разрешении на строительство Богородице-Одигитриевской каменной церкви написана рукой ее старосты И. Д. Муратова, между тем его дом в экспликации карты Кузнецка 1786 г. помечен как принадлежащий крестьянину Муратову³. В кляровых ведомостях он характеризуется как купец и «доброхотодатель», т. е. жертвовал значительные средства на возведение храма и богадельни при нем. «Памятная историческая записка...» И. С. Конюхова повторяет эти сведения и дополнительно сообщает о Муратове как о купце, который в начале XIX века являлся головой города, скончался в 20-е годы XIX века⁴. Из записки также известно (ее автор относительно недолго был современником Муратова) о приглашении И. Д. Муратовым артели каменщиков с подмастерьем Почекунным из Иркутска⁵. Прибывшие из Иркутска каменщики бесспорно обладали солидным профессиональным опытом, и здесь, в Кузнецке, артель приняла участие в закладке и строительстве четырех каменных сооружений — Одигитриевской церкви, богадельни при ней, дома купца И. Д. Муратова, Спасо-Преображенского собора (по сведениям И. С. Конюхова).

Об архитектуре Богородице-Одигитриевского храма в настоящее время можно судить только по фотографиям городского краеведческого музея. Впервые храм упоминается в документах второй половины XVII столетия (1676 г.) как деревянный храм первого поколения. Его силуэт четко просматривается на рисунке художника Берхана 1734 г. По описанию автора «Памятной исторической записки...» И. С. Конюхова современная ориентация его местоположения соответствует скверу кинотеатра им. Калнина. К последней четверти XVIII столетия деревянный храм пришел в ветхость и был непригоден для богослужений.

Богородице-Одигитриевский храм второго поколения являлся первым каменным сооружением Кузнецкого края. Возводился он на новом месте, у границы верхней и нижней террас, по инициативе и непосредственному участию как старосты и жертвователя И. Д. Муратова. В местных условиях артель Почекунина владела производством кирпича, колокола привозятся из Иркутска. Строительство храма продолжалось пять лет, его закладка состоялась 22 мая 1775 г., освящение — в 1780 г.⁶ Согласно заказу прихода артель Почекунина возводила каменную двухэтажную, двухсветную церковь с двумя престолами. В нижнем теплом этаже — с престолом Святого Ве-

ликомученика Георгия, в верхнем холодном — с престолом Пресвятой Богородицы Одигитрии (Путеводительницы). Архитектурный облик храма воплощал стилевые приемы сибирского барокко периода расцвета, выразившиеся в общекомпозиционных принципах и декоративно-пластическом убранстве. По продольной оси «восток—запад» он имел традиционное трехчастное деление объемов — храм с абсидой, трапезную, колокольню. Вертикальные границы объемов храма по фасадам членились широкими пилястрами; собственно храмовый объем был пятиглавый, фасады его завершались изящными трехлепестковыми фронтонами. Основной прием декоративно-пластического убранства фасадов строился на чередовании невысоких полуколонн, неглубоких ниш, многоступенчатых наличников калевидного завершения, углубленного рельефа стилизованных форм (креста, пламенеющей свечи, картушей).

В 1870 г. к храму пристраиваются двухэтажная паперть и сторожка, нарушившие симметрию основных объемов и общие его пропорции. В 1898 г. Одигитриевский храм значительно пострадал от землетрясения, длительное время капитально ремонтировался, но в 1919 г. был сожжен бандой роговцев⁷. Пустующий остов его в конце 20-х гг. был разобран.

На протяжении всей истории храма духовно-нравственная и просветительская деятельность священнослужителей имела громадное значение в жизни прихожан. Так после окончания строительства храма по инициативе И. Д. Муратова в приходе возводится каменное здание богадельни. При храме комплектуется архив и библиотека, которой пользовались причт и прихожане. Наиболее успешной в истории храма была деятельность протоиерея Е. И. Тюменцева, прослужившего в нем сорок лет (1852—1893)⁸. Именно ему была уготована честь 6 февраля 1857 г. в Богородице-Одигитриевской церкви венчать семипалатинского офицера Ф. М. Достоевского⁹.

Барочный стиль в Сибири XVIII в. формировался преимущественно в культовом зодчестве, но имел также влияние на развитие гражданской архитектуры. Обратимся к сохранившемуся уникальному памятнику XVIII столетия, находящемуся на Советской площади. Это каменное здание, известное в истории города как Окружное Казначейство, возведено в 1780 г. после завершения Одигитриевской церкви (по сведениям И. С. Колюхова)¹⁰. Строилось оно той же артелью каменщиков с водмастерем Почекуниным по заказу И. Д. Муратова как каменный жилой дом, первый в Кузнецком крае. С разрешения из Петербурга в 1799 г. дом был приобретен для Окружного Казначейства, которое в нем находилось до

20-х годов нашего века¹¹. Некоторое время в доме наряду с Казначейством помещался Окружной Суд. Уникальность дома как памятника определяется хронологией его возведения, сочетанием традиционной русской типологии в объемно-планировочной структуре и барочными приемами в декоративно-пластическом убранстве фасадов. Небольших размеров с цокольным этажом дом завершался высокой кровлей, т. к. имел палату-горницу с восьми окнами с лотковым сводом¹⁷. Приемы сибирского барокко воплотились в изящной фигурной форме наличников, овально-ступенчатом карнизе с четко выделенной линией валика, угловых пиллястрах, небольших контрфорсах по главному фасаду. Дом Окружного Казначейства окончательно сформировался к концу 80-х гг. XIX века. Вероятно, землетрясение 1823 г. было учтено при его первом капитальном ремонте 30—40 гг. XIX века, и сходы в доме были разобраны, что привело к снижению уровня кровли. В 60-е годы XIX в. предпринимается попытка при очередном ремонте модернизировать облик дома в приемах поздней классицистической архитектуры, оставшаяся несуществующей. В городском пожаре 1884 г. дом Казначейства горел, и при его капитальном ремонте с северного фасада пристраивается новый небольшой объем с входным узлом и каменным крыльцом. В настоящее время памятник находится в состоянии реставрации.

К концу XVIII века появилась необходимость в новой Спасо-Преображенской церкви, т. к. деревянная второго поколения была уже обветшавшей, и Кузнецкое Духовное Правление начинает сбор народных пожертвований на возведение каменного собора. Строительство храма длилось 43 года, с 1792 по 1835 гг. в зависимости от поступления средств и наличия рабочей силы¹². Его закладка и первый этап строительства осуществлялись той же артелью Почекунина. Нижний этаж храма был освящен в 1801 г. Интересные сведения по истории храма даны в клировых ведомостях, а также в «Памятной исторической записке...» И. С. Конюхова, чему он сам был свидетель: «...В 1821 году 23 августа Господни Корпусной Командир Петр Михайлович Паскевич по убеждению которого начат строить верхней этаж Соборной церкви, в построении которого он будучи Генерал Губернатором много помог присылкой поселенцев до 80 человек для работ... В 1835 году в 6 число августа посетил Кузнецк Томской Епископ Агапит, по благословению коего в 5 число Августа присланным от него Барнаульским Протоиереем Созонтом Куртуковым, освящен верхней храм Преображения Господня»¹⁴.

В архитектурном облике, внутреннем благолепии Преоб-

раженского собора выявлялось его значение как главного храма Кузнецкого благочиния. Возводился он двухэтажным, двусветным, трепрестольным, с трехчастным делением объемов по продольной оси «восток—запад». В нижнем этаже два престола — во имя Иоанна Предтечи и Николая Чудотворца, в верхнем этаже — престол во имя Преображения Господня¹⁶. Колокольня четырехъярусная, храмовой объем и трапезная по южному фасаду в одном створе и членятся пилястрами. Архитектура собора по строгим пропорциям объемов, сдержанной декоративно-пластической разработке фасадов воплощала стилистику классицизма с незначительной «оглядкой» на сибирское барокко. Симметричная компоновка полуциркулярных окон и люкарн по фасадам храма, карнизы сложной многоступенчатой формы из поясков сухариков, сдвоенные колонки верхних ярусов, волютки по граням барабанов, изящных очертаний маковки иллюстрировали эту тенденцию. Храм Преображения Господня на втором этаже двусветный, с восьмигранным сомкнутым сводом, световым барабаном в куполе, высоким пятиярусным иконостасом был особенно хорош своим интерьером и акустикой.

При Преображенском соборе хранился уникальный архив с подлинной царской грамотой М. Ф. Романова 1623 г., летописью храма, большой библиотекой для причта и прихожан¹⁶. Все это погибло в пожаре 1919 года при переговках. К 1926 г. первый ярус храма был отремонтирован и функционировал до 1933 г., когда приход закрылся. В годы ВОВ храм приспособляется под хлебозавод, затем длительное время был бесхозным и разрушался. В конце 80-х годов нашего века решением сессии городского Совета народных депутатов собор передан верующим, приход восстановлен. В настоящее время в нем идут реставрационные работы.

В 1799 г. на горе Вознесенской начинается возведение каменных крепостных сооружений, завершившееся к 1820 г. Как уникальное архитектурно-фортификационное сооружение Кузнецкая крепость может быть темой отдельного исследования. Но помимо этого аспекта выявляется громадное значение ее, наряду с храмами, как одной из градообразующих доминант в силуэте Кузнецка, формирующей его архитектурно-планировочное пространство. Так, ориентация перспектив формирующихся улиц нижней террасы через Нагорье к крепостным сооружениям замыкалась их основными акцентами (ул. Зеленая, теперь Полосухина; ул. Байкальская). Вообще первая половина XIX в. внесет существенные коррективы в формирование градостроительной структуры Кузнецка и определит ос-

новые аспекты ее последующего развития. Прежде всего, это обстоятельство выразилось в организации на верхней террасе Базарной площади с деревянными лавками между Преображенским собором и Одигитриевским храмом. От нее по мере формирования в южном и восточном направлениях лучами расходились улицы и переулки Кузнецка. Одновременно по краю верхней террасы в восточном направлении формируется односторонняя улица Набережная (позднее Нагорная, теперь Народная), ориентированная главными фасадами на нижнюю террасу с речкой Картаса.

В свое время улица Набережная застраивалась жилыми каменными двухэтажными домами, принадлежащими состоятельным кузнечанам. Первый из них — дом купца Муратова, позднее Казначейства. Следующий дом — вновь купца Муратова (1805 г.) в рядом с ним — дом купцов Ловыгинных (1815 г.)¹⁷. Два последних дома являются единственным примером в архитектуре Кузнецка первой половины XIX века, в облике которых частично воплотились типовые «образцовые» проекты, рекомендуемые Петербургом и корректируемые в Томске губернским строительным комитетом для уездных городов. Их архитектурно-художественный облик определялся приемами провинциального классицизма, что прослеживается в планировочно-пространственной схеме через симметричное распределение объемов относительно центральной оси, анфиладность комнат без строгой геометрии и сдержанную декоративно-пластическую компоновку главных фасадов. Композиционное решение их характеризуется симметричным распределением окон лучкового завершения с поэтажным совмещением осей, членением фасадов по вертикали пилястрами и лопатками, фиксирующими объемы, межэтажными декоративными поясами и каменными наличниками, имитирующими форму деревянной лобовой доски.

Одновременно каждый из этих домов менял свой изначальный облик, формируясь во времени. Так, дом И. Д. Муратова с небольшой двухэтажной пристройкой к северному фасаду в 20-е годы XIX в. увеличил свои объемы. Новый владелец дома купец П. Баранов в 1852 г. к центральному окну второго этажа пристроил балкон, первый в Кузнецке¹⁸. В 80-е годы другой владелец дома купец М. Васильев пристраивает дополнительный двухэтажный объем к восточному фасаду, сохраняя по главному изначальную стилистику. Но уже в духе художественных вкусов последней четверти XIX в. дополнительно вводятся декоративные кокошнички по граням крыши с южной

и западной стороны, по коньку ее пропускается кованая решетка.

После землетрясения 1898 г. углы и фасады здания укрепляются контрфорсами. В 50—80-е годы нашего века с восточного и западного фасадов пристраиваются два объема, полностью изменившие облик дома. В настоящее время здание как памятник поставлено на реставрацию.

Другой дом — купцов Ловыгиных — позднее был продан нарымским золотопромышленникам Родюковыми, которые в свою очередь в 1838 г. продали его Кузнецкому Уездному училищу. После длительного ремонта дома училище обособляется в нем только в 1863 г. Окончательно дом сформировался во второй половине 80-х годов (после пожара 1884 г.). С северного фасада к нему пристраивается небольшой двухэтажный объем с входным узлом и лестничными маршами на второй этаж. На главном фасаде по центральной оси добавляется аттик, его декоративно оформленные фигурные столбики, медальоны, пояски сухариков обрамляли рельефную надпись названия учреждения. Внешний облик здания, как и объемно-планировочная структура, с тех пор не менялась. Реставрация памятника закончена в 1993 г.

В первой половине XIX в. Кузнецк несколько раз менял свой статус, переходя из разряда «малых» в «средние» города. Это обстоятельство регулировалось количеством жителей, в нем проживающих, при населении свыше 1,5 тыс. человек город считался «средним». В 1834 г. был утвержден императором первый план Кузнецка в связи с переходом города в разряд «средних». К этому времени подходит к завершению строительство каменной Успенской церкви на кладбище (1807—1837 гг.), Преображенского собора в центре города и одновременно идет активное формирование улицы, их соединяющей, получившей изначально название Соборной, а к концу века — Успенской¹⁰. В связи с этим пространство перед собором значительно сокращается из-за приближающихся обывательских домов. Общественность Кузнецка обращается в Петербург с просьбой об оставлении перед храмом дополнительной территории для организации Соборной площади. В 1846 г. новый план Кузнецка с Соборной площадью был утвержден Императором. С этого времени развитие градостроительной схемы Нагорья север-восточной ориентации приобретает более целенаправленный характер. Наличие двух градообразующих доминант каменных храмов, величественного силуэта крепостных сооружений на горе Вознесенской и сложного рельефа местности формировали здесь архитектурно-пла-

нировочное пространство. Улица Соборная также явилась отправной точкой в последующем формировании параллельных ей улиц вверх к горе Вознесенской (ул. Маринская, Крепостная).

В 50-е годы вдоль крутого оврага Подкаменной слободы, вверх от Соборной площади, формируется улица Водопадная, получившая одностороннее развитие. Местоположение ул. Водопадной, обусловленное сложностью рельефа, определило исключительную выразительность ее силуэта с четко выраженными акцентами. Принцип одностороннего развития улицы ориентировал главные фасады ее строений в западном направлении, в сторону р. Томи. На пересечении улиц Водопадной и Маринской строится купеческий дом, который в силуэте улицы являлся ведущим акцентом. Дом не утрачен до настоящего времени, представляет исключительный интерес как памятник архитектуры и истории Кузнецка второй половины XIX в. Сейчас в нем располагается администрация Историко-архитектурного музея «Кузнецкая крепость». Его определение как памятника обусловлено архитектурно-художественной образностью, характерной традиционной типологией, временем возведения и формирования. Вероятно, до 1917 г. у дома было только два владельца. Первый, строивший его, — И. С. Конюхов, автор «Памятной исторической записки...», умерший в 1881 г.; второй — А. Е. Фонарев, кузнецкий купец, переехавший в Кузнецк в конце 80-х годов, умерший до революции, но имевший наследников²⁵. Итак, по имени первого владельца Конюхова дом представляет собой двухэтажное сооружение, цокольный этаж — каменный, второй — деревянный, рубленный в лапу, по типологии двойной связи. Характерная для Кузнецка конца XVIII — первой половины XIX вв. типология избы связью в 50-е годы усложняется и приобретает двойную связь. Дом И. С. Конюхова, вероятно, мог быть первым домом в Кузнецке с этой типологией. Архитектурно-художественная выразительность дома исключительно велика, несмотря на многочисленные утраты в его облике. Цокольный этаж сохранил себя почти без изменений. Строгость пропорций, скупость приемов объемно-пластической разработки его фасадов идут от стилистики архитектуры Кузнецка первой половины XIX в., в значительной мере руководствуясь ею как аналогом. Фасады дома членились лопатками, переходящими в пилястры, выявляя объемно-планировочную структуру связей цокольного этажа. Большую выразительность фасадам придают сложной компоновки окна. Сдвоенные, лучкового завершения, они обрамлены тягами и наличниками с карнизом на

трехступенчатой тяги, на западном фасаде переходящей в непрерывную текучую линию. Монументально-статичные формы цокольного этажа завершаются деревянным сооружением другой эпохи, выразившейся в нарядных деревянных фасадах, изящном силуэте второго этажа. Общее впечатление нарядности достигается комплексом приемов, прежде всего композиционной компоновкой окон, их оформлением. Окна декорированы наличниками килевидного завершения с многопрофильным карнизом, профильной сквозной и накладной резьбой растительного орнамента. Карнизы дома, кроме южного, прорезаны фронтонами. Карнизные доски по периметру фасадов декорированы резьбой, поясами сухариков.

Этот облик второй этаж дома приобрел в 80—90 гг. XIX века, после пожара 1884 г. Изначально он был двойной связи, но простых форм без затейливых приемов. Отстроенный, заново деревянный этаж воплощал характерные тенденции в развитии архитектурно-художественных вкусов последней четверти XIX века.

Улица Водонадная застраивалась двухэтажными добротными купеческими домами по типологии простой, двойной связи, крестовика (дома Родионовых, Конюховых-Фонаревых, Абрамовых, Лиевых и т. д.). В 90-е годы ее формирование завершилось у крепостной горы двухэтажным домом простой связи, в котором нижний этаж был каменный, второй — деревянный, владельцем его являлся «лекарский помощник» Лиев. (Этот дом в 1905—1906 гг. арендовала семья Куйбышева, подполковника Кузнецкой воинской команды). Как видим, к середине XIX века каменное строительство почти угасает, изредка возрождаясь в цокольных этажах нескольких обывательских домов.

В последней четверти XIX — начале XX вв. в социально-экономической, общественной жизни Кузнецка наметился значительный подъем — увеличивается число жителей (до 3 тыс.), оживляется торговля с гг. Бийском, Барнаулом, Томском, складываются основательные купеческие и золотопромышленные капиталы. Городская территория увеличивается за счет полного освоения Подгорья, частично — Форштадта, в восточном направлении приближается к черте старинного кладбища. Регулярная застройка через Полицейское Управление контролировалась Томским губернским строительным комитетом.

В архитектуре Кузнецка этого времени прослеживаются два аспекта, один из них, преобладающий, определяется традициями сибирского деревянного зодчества. Другой аспект

воплотился в возрождающемся каменном зодчестве. В начале 70-х годов разбирается обветшавший верхний ярус Барнаульских ворот на крепости, второй ярус частично сохранили для того, чтобы начать строительство надвратной Ильинской церкви для арестантов, находящихся в крепости. Для работ по возведению каменного храма привлекается почетный гражданин г. Томска, купец Я. Н. Петров, Артель каменщиков была местной, но для выполнения иконостаса приглашались томские мастера (резчики, позолотчики), иконы для него по заказу Я. Петрова писали монахи Дивеевской женской обители (Арзамасский уезд Нижегородской губернии). В 1876 г. 20 июня надвратная Ильинская церковь была торжественно освящена²¹.

Архитектурный облик этого храма характеризуется простотой, отсутствием пышного декора. В один этаж, двусветный, двуглавый, с шатровой деревянной колокольней, объем храма пропорционально соотносился с сохранившимся ярусом проезжей части Барнаульских ворот. Перепады объема конструктивно выявляли функциональные начала. Фасады церкви оживлялись декоративными поясами, нишами, наличниками полуциркульного завершения с медальонами. Однопрестольная надвратная церковь воспринималась как новый градобразующий акцент в силуэте Кузнецка. Ильинская церковь принадлежала к приходу Спасо-Преображенского собора и своего причта не имела. Кроме того, на территории крепости, но за острожной стеной, находилась деревянная часовенка Вознесения Господня второго поколения, первая была возведена еще в 1717 г. Своим силуэтом перекликалась с ней деревянная Фрололаврская часовня на Подгорье, построенная в 10-х годах XIX в. на берегу р. Казачьей.

Далее каменное зодчество прослеживается в гражданской архитектуре, продолжающей традиции и приемы первой половины XIX века. Наиболее характерным примером этой тенденции могут служить два дома, заполнившие свободное пространство на Базарной площади (второй дом купца М. Васильева) и ул. Набережной (женское приходское училище). Но в конце 80-х годов с северной стороны Базарной площади возводится каменный двухэтажный жилой дом купца С. Шукшина, архитектурный облик которого значительно обновляется. По типологии двусторонней связи, в композиционной разработке его фасадов основной акцент архитектурно-художественной выразительности переносится на боковые крылья, выступающие ризалитами, завершавшимися сложным карнизом и фигурной формы аттиком. В 90-е годы XIX в. С. Шукшин

сдает в аренду под общественное собрание второй этаж этого дома, где местной интеллигенцией ставились спектакли классического репертуара, проводились концерты, доходы с которых употреблялись на благотворительные цели²¹.

Построенный в 90-е годы рядом с домом С. Шукшина каменный с цокольным этажом магазин купчихи Емельяковой по декоративно-пластической разработке фасадов приближал архитектуру Кузнецка к восприятию стилистики модерна. Возведенный в начале XX в. жилой дом при государственном винозаводе эту тенденцию подкреплял. Двухэтажный дом, нижний этаж каменный, второй — деревянный, с небольшими ризалитами боковых крыльев, оформленных крутыми фронтонами, резьбой, завершался высокими шпильми. Лобовые доски резных наличников на ризалитах повторяли форму фронтонов, усиливая архитектурно-художественный эффект. Фасады нижнего этажа укреплялись декоративно оформленными, фигурными контрфорсами.

Архитектурно-художественная образность деревянного зодчества Кузнецка выразилась в традиционной типологии и богатом декоративно-пластическом убранстве внешнего облика. Для Кузнецка этого времени особенно характерна типология двойной связи и крестового дома с обшивкой фасадов декоративными досками. В начале XX в. в городе работало по найму несколько небольших артелей плотников, достаточно профессиональных, способных выполнять сложные заказы. Дерево как материал в руках кузнецких умельцев превращалось в затейливое кружево наличников, карнизов, фронтонов. Декоративно-пластическое убранство в деревянной архитектуре города значительно усложняется за счет введения новых мотивов и приемов резьбы. Простой профиль наличников, накладной ромб, солнышко и волютки соседствуют с пропиленной сквозной резьбой сложного орнамента (дом Городской Управы, Тусая-Байкалова, Шутова, Тытыякова). Особенно поражают красотой узора наличники княвядного завершения, декор мезонивов (дом Окулова)²².

Деревянная архитектура Кузнецка конца XIX — начала XX вв. развивалась в русле региональных тенденций, возможно и не достигая той классической ее завершенности, как это было в больших сибирских городах. Последним исключительно значительным сооружением Кузнецка явился Народный дом. Идея строительства просветительского учреждения в городе зрела в течение нескольких лет и в 1905 г. выразилась в форме Народного дома им. А. С. Пушкина. Его строительство (1905—1906 гг.) осуществлялось на пожертвования по ли-

нии Почечительства о народной трезвости. Отвод земля под строительство Народного дома был определен по ул. Набережной, рядом со зданием Уездного училища. Ассимметрично составленные деревянные объемы в один этаж, с выходом главного фасада в сторону нижней террасы выявляло выразительность его силуэта. Оформление боковых крыльев главного фасада ризалитами с гнутыми формами окон, крутыми фронтонами, башенкой, фиксирующей декоративно разработанный вход по центральной оси здания, иллюстрируют наличие в архитектуре Кузнецка сибирского деревянного модерна. Использование традиций народного зодчества с приемами модерна в архитектурно-художественном решении Народного дома определяют его как памятник архитектуры начала XX века. Народный дом, как и большинство памятников города, был утрачен в советское время.

Архитектура Кузнецка XVIII—XX вв. являлась неотъемлемой частью художественной культуры сибирского региона, сформировавшейся в русле проблем российской истории. Многие сведения по истории Кузнецка, его наиболее значительных памятников, использованные автором из архивных источников, впервые вводятся в научный оборот.

Список литературы и источников

1. Ночеданов В. И. Первые русские города Сибири. М., Стройиздат, 1978, с. 109.
2. ГААК. ф. 50, оп. 13, д. 95, л. 1.
3. Там же, д. 95, л. 1.
4. Конюхов И. С. Памятная историческая записка. Рукопись. НБТГУ, ВИТР 783. Глава «О церквях».
5. Там же. Глава «О начале каменного строения в Кузнецке».
6. ТФГАТО. ф. 156, оп. 1773, д. 19, л. 3.
7. ГАТО, ф. 170, оп. 7, д. 72, л. 1, 2.
8. ГАТО, ф. 170, оп. 1, д. 617, л. 8.
9. Достоевский Ф. М. Материалы к исследованию. Л., Наука, 1987.
10. Конюхов И. С. Памятная историческая записка. Рукопись. НБТГУ, ВИТР 783. Глава «О начале каменного строения в Кузнецке».
11. ГАТО, ф. 6, оп. 1, д. 1298, л. 19.
12. Там же, д. 1298, л. 56.
13. Там же, ф. 170, оп. 1, д. 3379, л. 2.
14. Конюхов И. С. Памятная историческая записка. Рукопись. НБТГУ, ВИТР 783. Глава «О бадаганах».
15. ГАТО, ф. 6, оп. 1, д. 3379, л. 2.
16. Там же, ф. 170, оп. 3, д. 3493, л. 26, 29.
17. Конюхов И. С. Памятная историческая записка. Рукопись. НБТГУ, ВИТР 783. Глава «О начале каменного строения в Кузнецке».
18. Там же.
19. ГАТО, ф. 6, оп. 1, д. 428, л. 195.

20. Новокузнецкий городской краеведческий музей. НФ-Д. оп. 1. раздел В. д. 35.
21. Конохов И. С. Памятная историческая записка. Рукопись. НВГУ, ВИТР 783. Глава «О церквях». (К статье «О церквях»).
22. Новокузнецкий городской краеведческий музей. Фотофонд.

ПРОБЛЕМЫ СИБИРСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ГОРОДОВЕДЕНИЯ

«Приобретение» Сибири Россией — это тема, важность и актуальность которой объясняется масштабностью, сложностью и глубиной тех историко-политических, социально-экономических, культурно-этнических явлений, присущих процессу русской колонизации Сибири, понимаемому как заселение и хозяйственное освоение посредством переселения и освоения постоянных поселений¹.

Хотя сама колонизация принадлежит прошлому, познание ее истории приобретает с годами все более современное звучание. Несмотря на углубленную разработку этой темы в научной литературе, степень ее изученности не может считаться ни исчерпывающей, ни удовлетворительной, на что указывают практически все авторы².

Остается слабоизученной и проблема истории возникновения и развития русских городов и острогов, особенно конца XVI—XVII вв., хотя именно они выступали опорными пунктами для переселения и закрепления на новых землях, средоточием всех граней внутригородской жизни и прилегающей округи.

Конец XVI—XVII вв. характеризуется укреплением централизованного государства и активизацией внешней политики России на Востоке. Можно утверждать, что в этот период московские власти осознают, что освоение Сибири должно вести только на солидной долговечной основе. Для достижения успеха, формирования хозяйственного единства центра страны и окранны необходимо было выбрать верные цели, задачи и пути колонизационной политики и выработать действенный механизм их выполнения. Ведущая роль отводилась городам и острогам, сеть которых в пространственно-хронологическом измерении становилась все более широкой и плотной. Установка на обращение Сибири в органическую неотторжимую часть России обусловила многофункциональность русского города

развитие в нем ремесел, земледелия, промыслов, торговли, перерастание городских поселений в политико-социальные, культурно-идеологические центры.

Темпы урбанизации сибирского региона, достижение крупными сибирскими центрами уровня развития городов Европейской части России свидетельствуют о плодотворности политики освоения края, отвечающей не только назревшим потребностям XVII в., но запас прочности, жизнеспособности, дальновидности которой простирается до современности.

Сама «многоликая и многогранная»³ природа города предполагает комплексный подход к его изучению. Ни одна отрасль в отдельности не в состоянии раскрыть во всей полноте и разнообразии феномен города, поэтому междисциплинарные исследования должны стать ключевыми в городоведении. Видимо, настало время для объединения усилий различных специалистов (историков, археологов, философов, искусствоведов и др.) с целью создания единой комплексной науки о сибирском градостроительстве⁴.

Как известно, концепции только тогда убедительны, когда они опираются на факты⁵, потому-то задача расширения источниковой базы не только за счет роста их количества, но и использования разного рода источников остается крайне актуальной.

Здесь хотелось бы уделить внимание археологическим источникам, качественно отличным от письменных по способу закодированной в них информации.

Археологическое обследование последних четырех десятилетий русских поселений Сибири (Верхотурье, Пелым, Ермаково городище, Лозвинский и Карачинский городки, Казымский и Саянский остроги, Мангазея, Зашиверск, Илимск, Томск, Кузнецк и др.)⁶ создало определенную источниковую базу, предоставило полноценные источники для изучения генезиса позднефеодального города и его материальной культуры.

Крупномасштабные работы на ряде памятников показали, что практика использования археологических данных в качестве только корректирующего, иллюстративного материала к письменным документам должна отойти в прошлое, что археологические источники представляют самостоятельный научный интерес, поскольку несут в себе исключительно важную и обширную по объему информацию, они объективны в том смысле, что не создавались преднамеренно для передачи сведений о прошлом.

Вместе с тем проведенные исследования выявили и сла-

бые места в археологическом городоведении: значительные территориальные и хронологические лакуны, различные, подчас несопоставимые масштабы изысканий, невостребованность и неразработанность большей части археологических коллекций, разобщенность археологов, занимающихся раскопками городов, совершенная недостаточность взаимосвязей с другими ветвями городоведения.

В связи со сказанным представляется целесообразным и необходимым разработать комплексную программу археологического сибирского городоведения; содержанием которой является целенаправленный поиск и изучение путей проникновения в Сибирь, этапов развития русского города, его функций и роли в процессе включения сибирских земель в состав феодальной России.

Среди основных задач такой программы можно выделить следующие:

1). Накопление археологических источников путем организации планомерных раскопок методом больших площадей и систематизация имеющихся данных;

2). Разработка шкалы археологически уловимых критериев для определения облика поселения и его статуса (местоположение, размеры поселения, наличие и тип оборонительных укреплений, величина посада, набор административных, производственных, торговых сооружений и т. д.);

3). Выявление конструктивных особенностей оборонительной системы, домостроительства, дворовых комплексов и проч.;

4). Характеристика экономики, ее прогрессивного поступательного развития в процессе формирования государственности (виды хозяйственной деятельности, степень развития городского ремесла, особенности технологии различных производств и т. д.);

5). Изучение социальной структуры города, который становится естественным средоточием многосторонних и разнообразных связей и отношений и значение которого как социально-политического центра по мере роста концентрации населения повышается;

6). Исследование жизненной среды и быта — изучение вещей не самих по себе, а как свидетельств, в которых отражается массовая повседневная трудовая практика, социальное поведение и другие сферы жизнедеятельности, что обуславливается укладом (социально-экономическим строем), уровнем (материальным благосостоянием) и качеством (духовным благосостоянием) жизни, т. е. образом жизни;

7). Проблема взаимодействия культур русских переселенцев и местных народов. Вслед за В. А. Александровым⁷ приходится констатировать, что и сегодня «в значительной степени еще остается открытым вопрос о процессе хозяйственно-культурного взаимодействия между народами, непреходящая актуальность которого тем более обуславливается усложнением многонационального характера Российского государства после присоединения к нему Сибири»⁷;

8) Исследование тенденций, под воздействием которых шли процессы колонизации и градостроительства; с одной стороны, преемственность, устойчивость укоренившихся обычаев в ремесле, водчестве, быте и т. д., т. е. воспроизводство привычных общерусских этно-культурных традиций при освоении новых земель, с другой стороны, формирование новых традиций под влиянием особой историко-культурной среды, в специфических природно-климатических, ландшафтных условиях, что накладывало отпечаток самобытности на облик сибирского города и создавало своеобразие его внутреннего содержания;

9). Разработка и реализация мероприятий по охране и реставрации историко-архитектурных и археологических памятников, восстановление комплексов исторической застройки с целью «оживления» градостроительного наследия в материальную и духовную ткань современного города.

Здесь сформулированы лишь некоторые задачи по предложенной программе. По ходу работы, по мере накопления источников круг научных, краеведческих, организационных и других задач будет расширяться. Нужна скоординированность действий и взаимоподдержка научно-исследовательских и властных структур, общественного мнения.

Нельзя не высказать некоторые мысли о судьбе историко-культурного наследия Кузнецкого края, основываясь на изложенных позициях.

Объем проведенных археологических изысканий в Кузнецке весьма незначителен. Это любительские раскопки местных краеведов и начавшиеся с середины 80-х гг. исследования Новокузнецкого краеведческого музея и института «Сибнедрпроектреставрация», носящие эпизодический характер. Но и столь малый масштаб раскопок показал их хорошую результативность и высокий информационный потенциал культурного слоя. Остатки жилых построек XVII в., принадлежавших жителям Кузнецкого острога, земляных укреплений в урочище Красная Горка, богатая коллекция хозяйственно-бытового инвентаря доказывают перспективность дальнейших работ.

Представленный на международном симпозиуме в 1991 г.

по проблемам историко-культурной среды Сибири и Арктики материал из раскопок Кузнецка вызвал неподдельный интерес⁴.

Начало положено, есть добротный задел, этот пока еще ограниченный успех необходимо развить, разработав план археологических исследований в рамках программы реставрации исторических памятников и создания историко-мемориальной зоны г. Новокузнецка. Комплексные раскопки должны охватить не только каменную Кузнецкую крепость, но и территорию Кузнецкого острога XVII в. с его деревянными постройками, давно разрушившимися, погребенными в земле и, казалось, ушедшими в небытие. Археология помогает хоть в какой-то мере восстановить целый этап в истории города, в развитии его культуры и архитектурного облика. Возродить прошлое нужно в возможно более полном объеме и начинать с его истоков, а для Новокузнецка это острог XVII в. Следует развернуть раскопки на Красной Горке. Пусть археология скажет свое веское слово в споре о первоначальном расположении Кузнецка и о том, переносился ли он с левого берега Томк на правый.

Насыщенная событиями история Новокузнецка насчитывает 375 лет. Основанный в 1618 г. как важный опорный военно-административный пункт на юге Западной Сибири, с постройкой которого было в основном завершено включение этого обширного региона в состав Русского государства, Кузнецк эволюционировал в крупный экономический, торговый, культурный центр.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. СЭС, М., 1986, с. 803, 987.
2. Вышков О. Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI — начала XVIII вв. Новосибирск, 1990, с. 15—18; Он же. Сибирский город конца XVI — первой четверти XVIII в. в современной русской советской историографии. // *Сибирь в прошлом, настоящем и будущем*. Новосибирск, 1978; Емельянов Н. Ф. Город Томск в феодальную эпоху. Томск, 1984, с. 11; Оборин В. А., Шмыров В. А. Характеристика источников по истории городов Урала XV—XVII вв. // *Деревня и город Урала в эпоху феодализма: проблема взаимодействия*. Свердловск, 1986, с. 14; Преображенский А. А. Город, деревня и государственная власть в России в XVII—XVIII вв. // Там же, с. 5—6; Резун Д. Я. О работе Г. Ф. Миллера над источниками по истории городов Сибири XVII в. // *Дрейверусская рукописная книга и ее бытование в Сибири*. Новосибирск, 1982, с. 153; *Сибирские города*. Новосибирск, 1961) и др.

3. Лавро Г. М. Рассказы о городах. М., 1978, с. 3.
4. Белов М. Н., Овсянников О. В., Стариков В. Ф. Мангазель. Мангазейский морской ход. Л., 1980, ч. 1, с. 5—7; Нирнелов В. В. К проблеме изучения древнерусского города XVI—XVII вв. //Русский город. М., 1984. Вып. 7, с. 39; Нирнелов А. Н., Лебедев С. Г., Дубов И. В. Северная Русь (некоторые итоги археологических исследований) //КСИА. № 164. М., 1981, с. 3—10; Крадин Н. П. Планировочная и архитектурно-конструктивная форма первых русских поселений в Сибири (Ляписная городок) //Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири. Новосибирск, 1986, с. 136—152; Куза А. В. Малые города древней Руси. М., 1989, с. 12; Оборин В. А. Некоторые вопросы археологического изучения уральских городов XVI—XVII вв. //Памятники древней истории Евразии. М., 1975, с. 264—270.
5. Кирьяков В. В. Указ. соч. с. 19.
6. Вадер О. Н. Археологические памятники Тагильского края. //УЗПУ. Пермь, 1953, т. VIII, Вып. 2, с. 315—318; Белов М. Н., Овсянников О. В., Стариков В. Ф. Указ. соч.; Оди же. Мангазель. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI—XVII вв. М., 1981, ч. II; Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. М.-Л., 1951; Молодкин В. И. Раскопки Казымского острога. //Историко-архитектурный музей под открытым небом (Принципы и методики организации). Новосибирск, 1979; Оборин В. А., Русанова К. М., Шмыров В. А. Остатки русского города Пельым и Пельымского поселения. //АО 1974 года. М., 1975; Окладников А. П., Васильевский Р. С., Молодкин В. И. Раскопки Илимского острога. //Там же; Окладников А. П., Гоголев Э. В., Ащенинов Е. А. Древний Зашиверск. М., 1977; Пархимович С. Г. Некоторые итоги изучения памятников русской колонизации Восточного Урала и Западной Сибири (XVI—XVII вв.) //Проблемы Урало-Сибирской археологии. Свердловск, 1988; Россадович А. И. Освоение русскими Урала по данным археологии //VI Уральское археологическое совещание. М., 1977; Черная М. П. Томская крепость XVII в. по археологическим источникам //Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири. Томск, 1992; Шаловалов А. Б., Снобелев С. Г. Раскопки Саянского острога в 1886—1881 гг. //Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск, 1992; Ширин Ю. В. Археологическое изучение Куанецкого острога //Разысканная (историко-краеведческий альманах). Кемерово, 1990, Вып. 1; и др.
7. Александров В. А. Российское государство и освоение Сибири (конец XVI — начало XIX вв.) //Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. С. 4.
8. Снобелев М. Р.: The Archaeological Study of two Medieval Russian Towns in Siberia: Tomsk and Kuznetsk. //Specimina Sibirica. T. 5. The Arctic Papers of an International Conference. Savaria, 1992 p. 63—70.

РАЗВИТИЕ ХОЗЯЙСТВА МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ И ТОМИ В XVII в.

Одной из частей изучения единой темы о роли и месте в жизни общества материальной культуры является обращение к особенностям существования, развития и взаимодействия между собой ее этнических и региональных вариантов в определенные временные промежутки. Развитие таких вариантов материальной культуры и средств труда часто обуславливается степенью взаимодействия их между собой. Сюда может быть отнесена и материальная культура различных групп местного коренного населения крупного региона Сибири — бассейна Среднего Енисея и прилегающих территорий бассейна Оби в определенный исторический промежуток (XVII в.), характеризовавшийся активными процессами общения в сфере материальной культуры между местным и русским населением.

Целенаправленно вопросы влияния русских на материальную культуру местного населения еще никем не изучались. Лишь исследователи-областники писали в общих выражениях о негативности процесса присоединения Сибири для судеб местного населения, распространяя без конкретных ссылок эти положения и на народы региона. Уже в XIX в. начались археологические раскопки позднесредневековых памятников. Так В. В. Радловым, С. К. Кузнецовым, А. В. Адриановым, а затем М. П. Грязновым было раскопано несколько десятков погребений, где в составе погребального инвентаря выявлен ряд вещей русского происхождения. Широкое изучение позднесредневековых памятников на Чулыме и Оби провел в 50-е годы нашего столетия А. П. Дульзон. Им был успешно решен вопрос соотношения изученных памятников с определенными этносами, выявлен и охарактеризован комплекс русских заимствований. А. П. Дульзон впервые сделал вывод о развитии отдельных отраслей хозяйства местного населения в XVII в. на основании находок новых орудий труда,

несомненно, полученных от русских. Отдельные раскопочные работы на позднесредневековых памятниках проводились А. Н. Липским, А. А. Гавриловой и др. Ряд замечаний общего характера о значении влияний для некоторых групп местного населения дан в работах известных историков и этнографов С. В. Бахрушина, Л. П. Потапова, З. Я. Вояршиновой. В целом же степень изученности темы еще недостаточна. Имеется ряд вопросов, которые не рассматривались даже косвенно, и среди них такие, как состояние материальной культуры населения центральной части региона ко времени прихода русских, ее изменения на протяжении века; значение заимствований для комплексного развития производительных сил; обратные заимствования, сделанные русскими у коренных жителей и т. д.

На Среднем Енисее и прилегающих территориях в позднем средневековье проживали различные по этническому происхождению группы населения. Подробный анализ этнического состава населения региона дан в работе Б. О. Долгих.¹ Здесь чересполосно проживали тюрко-, кето- и самоедоязычные группы. Определяющим были процессы тюркизации, в основном, со стороны кыргызов. Отдельные группы населения, различные по своему происхождению, часто жили на одной территории, занимаясь сходными формами хозяйства. Наиболее развитые тюркоязычные группы населения находились на стадии разложения патриархально-родовых отношений и перехода к раннему феодализму, а остальные этнические группировки в массе своей господствующими имели патриархально-родовые отношения.

Период с XIV в. и до времени прихода русских изучен в археологическом отношении очень слабо.

К числу археологических памятников XV—XVII вв. енисейских кыргызов относятся могильники Койбалы и Койбалы-1 на р. Абакан, Чегерак на Енисее. Состоят из погребений по обряду трупосожжения и поминальников, а также погребений по обряду трупоположения, принадлежащих кыргызским кыштымам (зависимым людям). По месту нахождения, внутреннему порядку, конструкции погребальных сооружений (округлые каменные выкладки на уровне дневной поверхности), погребальному обряду, «типовому» набору инвентаря могильники мало отличаются от аналогичных памятников кыргызов XI—XIV вв. Вместе с тем, ряд вещей из состава погребального инвентаря имеют очень своеобразный облик. Так, удлиненно-ромбовидные массивные наконечники стрел имеют аналогии только в памятниках XVI—XVII вв.; это

же относится к четырехгранным и уплощенно-гранным наконечникам с вытянутой шейкой. К монгольскому и послемонгольскому времени относятся пробы с упорами в виде четырехлепесткового цветка. Характерного облика костяные накладки на лук «монгольского» типа, нефритовые поясные накладки, связываемые с монгольскими влияниями, стрелы и удила с крупными кольцами также свидетельствуют о позднесредневековой принадлежности могильников. Говорят об этом и находки своеобразной поздней керамики. О бытовании в XVII в. у кыргызов обряда трупосожжения сообщают письменные документы. Сопоставление археологического материала с данными всех других источников говорит о прямой преемственности их со средневековыми кыргызами.

Позднесредневековые памятники других групп населения, зависимых от кыргызов, так называемых «кыштымов», изучены лучше. В основном, это могильники. Они располагаются в самых высоких местах над окружающей местностью по берегам рек. Конструкции погребальных сооружений имеют прямую преемственность с погребениями средневековых «кыштымов». На Енисее это различной мощности каменные выкладки средних размеров; в Томском Прибые и там, где нет выходов камня — земляные насыпи. Господствующий обряд — трупололожение на небольшой глубине (при нескольких случаях трупосожжения). Ориентировка погребенных самая различная. Они могут находиться прямо в грунте, в рамах из плах, в колодах, на берестяных подстилках, в гробах, в грунтовой яме с перекрытием. Каких-либо закономерностей в устройстве погребальных камер не прослеживается, за исключением повсеместного применения бересты. Отличием от аналогичных погребений XI—XIV вв. является полное отсутствие каменных ящиков, замена камня деревом и берестой. При раскопках обнаружены кости животных — следы тризны или помещения с покойником прици. Имеются случаи находок костей птиц и рыб; в одном случае обнаружены зерна ячменя. Погребальный инвентарь, общий для всех могильников, разделяется по категориям. К орудиям труда относятся железные тесла (17 экз.) Форма большинства их не отличается от средневековых образцов. Вместе с тем, появляются тесла с ярко выраженными плечиками, которые можно выделить в отдельный тип и назвать теслами-корнекопалками. Тесла использовались как многоцелевые орудия. Имеются находки ножей, которые имеют небольшие размеры. Известно 8 случаев находок луков (так называемых «монгольского», «лесного» и смешанных типов, что

свидетельствует о процессах этнического смещения на территории региона), 5 случаев находок колчанов из бересты или тонких дощечек. Наиболее массовые находки — наконечники стрел (222 — кость, 138 — железо). Это свидетельствует о высокой роли охоты в хозяйстве. Имеется несколько находок костяных шильев, пряслиц. Как видно по материалам раскопок, одежда, в основном, делалась из кожи и меха. Количество тканых изделий невелико. Широко представлена конская сбруя — стремяна и удила, седла, распределители ремней, характерного облика железные накладки, остатки ремней, арканов, войлока и т. д. Украшения редки. Лишь иногда встречаются бронзовые подвески с ушком в виде концентрических окружностей, соединенных радиальными линиями, раковины каури и т. д. Специфической чертой стал обычай укладывания с покойником украшений в мешочке. Интересной особенностью является почти полное отсутствие предметов чисто боевого назначения, что свидетельствует о мирном характере развития производительных сил этих групп населения. Широко известна керамика — лепная, плоско- и круглодонная, хорошо обожженная. Она представлена горшками, мисками и чашками. Вместе с керамикой бытовала и берестяная посуда. Позднесредневековые поселения раскапывались на р. Томя. Установлено, что жилищами служили землянки, имевшие в плане квадратную форму.

Представление о религиозных верованиях, профессиональном снаряжении шамана дает шаманское погребение в составе могильника Ортызы-Оба на р. Табат в Хакасии. Погребальный инвентарь насчитывает более 100 предметов, среди которых имеются орудия труда, оружие, принадлежности быта, конская упряжь, украшения; здесь же детали шаманского снаряжения — «стреляющий змей», шумящие подвески, украшения головного убора и плаща шамана. Погребение выполнено по обряду трупоположения в деревянном гробу, что характерно для некургызского населения.

В XV—XVII вв. в регионе бытовали два основных погребальных обряда — трупосожжение и трупоположение, что говорит о многоэтничности населения. Прослеживается прямое родство памятников XV—XVII вв. с более ранними. Об этом говорит преемственность в использовании разных погребальных обрядов одновременно на одной территории. Для кыргызов сохраняется почти полная неизменность конструкций погребальных сооружений, выбор мест захоронений. Для других групп населения прямая преемственность здесь также сохраняется, но прослеживаются и отдельные новые черты —

устройство захоронений в самых высоких точках местности, полная замена каменных ящиков на дерево и бересту. Для всех памятников характерен один набор погребального инвентаря: тот же, что и ранее состав орудий труда, деталей вооружения, верховой сбрун, такие же предметы быта, украшения и т. п. Некоторые вещи за несколько веков даже не изменили свою форму. Это тесла без плечиков, некоторые ножи, отдельные типы наконечников копий и стрел, накладки на луки, колчаные крюки, часть деталей сбрун, калачевидные кресала, некоторые украшения. Однако в вещаом комплексе прослеживается ряд новых черт, характерных именно для XV—XVII вв. Это общее преобладание вещей из железа, значительная часть которых ранее делалась из других металлов или кости, исчезновение таких характерных вещей, как подпругные костяные пряжки, серьги в виде несомкнутых колец с подвесками, фигурные псални, бронзовые тройники и другие типы накладок на сбрую, украшенные орнаментом. В целом вещи приобретают более простой, рациональный облик, наблюдается тенденция увеличения размеров предметов, сделанных из железа. Появляются новые типы изделий — специфические наконечники стрел, в том числе с черешками, имевшими резьбу, как у шурупа, железные сбруйные накладки с округлыми или заостренными окончаниями, шитковидные, подковообразные и в виде буквы «т» нефритовые поясные накладки, неподвижные и подвижные распределители ремней характерного облика, пробои с кольцами и упорами, тесла с сильно выраженными плечиками. На основании сравнительно-исторического анализа материала можно предварительно выделить этап позднего средневековья (XV—XVII вв.) в археологии региона. Археологический комплекс свидетельствует об отсутствии заметного прогресса в развитии производства в сравнении с предшествующим временем. Существовавшие орудия труда развивались медленно, а появления новых не отмечено, что говорит о застое в производительных силах.

Неразвитость основных форм хозяйства человека всегда предполагала его прямую зависимость от природных условий. Ситуация, сложившаяся к XVII в. в регионе, полностью соответствовала этому положению. Основные формы хозяйства, культура и быт местного населения во многом зависели от конкретных природно-климатических условий. Кочевое скотоводство здесь представляли кыргызы, обитавшие в степных районах Хаквесско-Минусинской котловины. Корма на зиму для скота не заготавливались, круглый год использовались подожные. Кыргызы занимались также охотой с целью

заготовки мяса, рыболовством, некоторыми ремеслами (например, у них широко было развито серебрение железных предметов). Иным было положение у населения окружающих котловину районов, жившего, в основном, в лесных районах. Ведение кочевого животноводства здесь было затруднено, и существовавшие формы хозяйства были адекватны конкретным природным условиям. Типы хозяйств были смешанными. Бытовала в разных соотношениях занятая скотоводством, охотой, рыболовством, собирательством. Ряд этнических групп знала занятия мотыжным земледелием (качинцы, аринцы, тюрки-чулымцы, шорцы и др.) и железодельным ремеслом (шорцы и енисейские остяки). Уровень развития земледелия был крайне низок, стойловое животноводство отсутствовало. Вместе с тем, данные группы были более подготовлены к восприятию влияния, т. к. у них в неразвитой форме существовали те же способы хозяйственной деятельности, что и у русского населения.

Итоговая характеристика уровня развития материальной культуры местного населения накануне прихода русских говорит о серьезной изолированности населения региона от процессов общемирового развития. К приходу русских население находилось под властью западно-монгольских феодалов, доставшейся им по наследству после крушения империи Юань. Монгольское завоевание и его последствия серьезно затормозили экономическое развитие.

Археологические памятники следующего исторического этапа (XVII — начала XVIII вв.) дают хорошее представление о направлениях развития материальной культуры в регионе в это время. О росте производительных сил, повышении роли производящего хозяйства говорят многочисленные находки новых орудий труда, полученных от русских. В первую очередь это проушские топоры, бывшие и у русских одним из главных орудий производства. Высокоэффективное специализированное орудие деревообработки значительно превосходило по производственным показателям тесла, использовавшиеся у местного населения. Русские проушские топоры высоко ценились. На примере ряда памятников видно, как они быстро вытесняют из употребления тесла. Топоры появляются даже в составе шаманского снаряжения. Со временем местное население начинает их собственное производство — такие образцы обнаружены уже на некоторых памятниках. Для ношения топоров изготавливались футляры из кожи или бересты. В составе инвентаря имеется также большое число ножей русского производства. Их главная отличительная черта —

крупные размеры. О продаже местным жителям именно ножей крупных размеров упоминают письменные источники. Ножи с «Руси» завозились в Сибирь в XVII в. в больших количествах. У местных жителей появляются ножи совершенно новых типов (складные, ножи-бритвы). Имеются также находки скобелей, резцов по дереву, проушных молотков, аналогий которым нет в более ранних памятниках, но есть на «Руси». Сюда следует отнести находки железных шарнирных ножиц, бронзовых и медных наперстков, железных игл. К новым орудиям рыболовства относятся железные крючки, остроги, пешни (пешни использовались при подледном лове рыбы). Находок новых сельскохозяйственных орудий еще мало. Сюда можно отнести только 2 сошника, а также 2 серпа из числа случайных находок. Известна одна железная оковка лопаты. К числу совершенно новых предметов из металла относятся находки железных ключей (2 экз.). Оружие русского производства в памятниках XVII в. встречается редко. Сюда, предположительно, можно отнести только куяк из раскопок В. В. Радлова, топоры, которые могли использоваться и в военных действиях, бердыш. Многочисленны находки посуды русского производства. Это медные, бронзовые, железные котлы и тазы, котелки, медный горшочек с посеребрением. Известны и экземпляры русской керамики. В XVII в. в памятниках появляется большое количество деревянной посуды и ложек, что связано с наличием новых инструментов деревообработки. Многие деревянные предметы имеют и прямые аналоги в русских памятниках. В конской упряжи также прослеживаются определенные русские влияния. Таковы стремяна зрочной формы с выгнутой подножкой, прямоугольные прижки и т. д. Самая многочисленная группа русских предметов — украшения (свыше 1600 экз.). Ассортимент также велик. Это перстни и кольца, бусы, подвески и серьги, накладки, браслеты, шейные гривны, бубенчики и колокольчики, цепочки, медные и серебряные монеты, западноевропейские счетные жетоны и т. д. К предметам быта относятся зеркала из стекла, гребни из дерева, рога и кости, пинцеты и булавки, пуговицы. Известно и большое число находок привозных тканей, пошумента, вышивального шелка, остатков одежды и обуви. Характерен типично русский прием в шитье сапог — берестяные задники. Совершенно новыми являются находки курительных трубок — привозных и изготовленных на месте. Предметы христианского культа известны в небольшом числе и только в одном могильнике.

Подводя количественный анализ инвентаря русского про-

исхождения, следует отметить, что наиболее массовая категория заимствований — украшения (более 1,5 тыс. предметов). На втором месте по количеству — ткани, остатки обуви и одежды русского происхождения. Затем следуют предметы быта, орудия труда, оружие. В количественном отношении новые вещи превосходят изделия местного производства. Качественный состав вещей русского происхождения характерен тем, что включает в себя такой же набор вещей, как и в русских памятниках. В почти полной номенклатуре представлены орудия труда. Имеются случаи находок орудий труда, сделанных на месте по русским образцам. Все это привело к концу XVII в. к сложению специфического погребального комплекса, почти полной замене предметов погребального инвентаря на совершенно новые при неизменности погребального обряда. Поэтому памятники XVII в. имеют характерный облик, непохожий на погребения предшествующих эпох и последующие, выполненные уже по стандартной христианской обрядности.

К местному населению вещи русского производства, в том числе и новые орудия труда, попадали различными путями. Первыми русскими, с кем встречались местные жители, были обычно охотники-промысловики, деятельность которых на территории региона проходила в течение всего века. Численность их в регионе в XVII в. была достаточно велика — до 2 тыс. чел. в год. По характеру своей деятельности промысловики были очень близки жителям лесных районов — и те, и другие в первую очередь были охотники. Русские принесли новые способы добычи пушнины, в основном, с помощью различного рода стационарных ловушек. Т. к. они обычно брали на промысел большое количество промыслового снаряжения, инструментов для его изготовления, часть которых путем торговли или захватов попадала и к местным жителям, то тем самым создавалась и материальная база для заимствований. Кроме припасов, необходимых для промысла, промышленники часто брали с собой «русские товары» для торговли с местным населением. Уже с первых лет XVII в. отмечается активное проникновение русского купечества в пределы региона. Объем торговли с местными жителями был велик, а товарный рынок обширен. Доставка «русских товаров» стимулировалась высокими ценами (в 3—5 раз выше, чем в России). Археологические раскопки в Мангазее, Красноярском, Кузнецком и Илимском острогах свидетельствуют о развитой русской торговле в Сибири. Орудия труда русского производства продавались местному населению в полной номенклатуре.

Купеческая торговля велась по всей территории региона и со всем населением. Кроме прямой торговли, купечество обеспечивало товарами и другие категории русского населения, имевшие товарный обмен с местными жителями. Важным путем получения новых товаров было «государево жалованье», состоявшее из ходовых вещей и продовольствия. Оно выдавалось местным жителям за сданный ясак, за приятие русского подданства, за услуги, оказанные местной власти. Кроме того, «жалованье» выдавалось иногда местным жителям при голодовках, стихийных бедствиях. За «государево жалованье» выкупались пленные. Применялась администрацией и практика торговли «русскими товарами». Раздавались они при принятии христианства. Одновременно с этим представители русской администрации на местах вели широкую торговлю в личных целях. Наиболее массовыми в сфере материальной культуры были контакты с русским крестьянством. В основном, крестьянское освоение шло в тех районах, где у местных жителей уже существовали начатки земледелия. Они были подготовлены к восприятию влияния в наиболее высокой сфере — сфере производящего хозяйства. Русское земледелие, переносимое в Сибирь, находилось на более высокой стадии развития (большое число возделываемых культур, более совершенная система полеводства, агротехника, применение тягловой силы животных, использование удобрений и т. д.). Ранее всего заимствовались более совершенные сельскохозяйственные орудия (соха-рогальюха, бороны, серпы). Находки сошника, серпов встречаются в составе инвентаря археологических памятников. Русское крестьянство обладало развитыми способами промысловой деятельности. С ростом численности крестьянства росли добыча полезных ископаемых, выплавка железа, меди, серебра, развивалась металлообработка. К местному населению поступало большое число орудий труда, предметов быта, украшений и т. д.

Занствование у русских в течение короткого времени большого объема новых орудий труда создавало предпосылки для ускоренного развития производительных сил. Наиболее активно эти процессы проходили там, где коренное население близко проживало с русскими. Так как это, в основном, лесные районы, то местные жители в первую очередь контактировали с русскими промысловиками, заимствовали от них более совершенные способы добычи пушнины. Источники XVII—XVIII вв. сообщают о повсеместном использовании различных типов новых ловушек, изготовление которых было бы невозможно без новых деревообрабатывающих инструмен-

тов — топора, коловороты, скобеля и т. д. Как считает А. П. Дульзон, подтверждением факта заимствования русских способов добычи с применением ловушек являются находки в погребениях чулымцев XVII в. топора и ножа русского типа — необходимых «...для жизни в лесу и устройства охотничьих ловушек», орудий.² В источниках отмечается, что местные жители к концу века имели уже «многие русские бо-рошни... топоры, котлы и промышленные сети».³ В XVII в. предки хакасов вели пушной промысел уже с помощью ловушек или сетей. Подтверждением факта заимствования орудий охоты стало обозначение их в языке местного населения русскими словами. Это же относится и к рыболовным принадлежностям. У русских был заимствован гужевой транспорт. В XVII в. начинается заготовка кормов для скота на зиму, что приводило к развитию стойлового животноводства. В регионе быстро развивались товарно-денежные отношения, в которые втягивалось и местное население. В результате тесных взаимоотношений с крестьянами местные жители начинали переходить к такому же образу жизни, какой имели и русские. У них появляется пашенное земледелие русского образца. Хотя находки сельскохозяйственных орудий в памятниках редики, обнаруженные в погребении XVII—XVIII вв. могильника Чегерак на северной окраине Хакасско-Минусинской котловины железного кованого сошника позволяет вместе с определенными данными русских письменных документов говорить о такой тенденции в развитии хозяйства местных жителей. Изделие относится к типу втульчатых широколопастных или сошников с плечиками. Такие поздние русские сошники (или наральники), датируемые XIV—XVI вв., в отличие от домонгольских, приобретают заметно большие размеры (до 30 см) и отверстие для гвоздя на лопасти, что и отмечено на обнаруженном экземпляре.⁴ На Руси в X—XIII вв. и позднее подобные обнаруженному наконечники пахотных орудий существовали вместе с другими, более развитыми формами, в зонах с преобладанием лесного ландшафта, а также использовались в качестве вспомогательного орудия. Так на твердых грунтах первопахотных и перелоговых земель плуг или соха с достаточно широким сошником дополнялись ралом с более узким лезвием, близким по размерам описываемому сошнику, который, несомненно, принадлежит однозубому пахотному орудью. Именно такие и использовались на участках, недавно очищенных от леса, либо на каменистых почвах.⁵ Несомненно, что в XVII—XVIII вв., здесь, на севере Хакасско-Минусинской котловины в подта-

ежной зоне условия для пахоты были тяжелыми. Земли, в основном, были первопахотными, с большим количеством камней. Данным условиям и отвечало использовавшееся для первоначальной обработки таких тяжелых почв легкое пахотное орудие, которое можно часто вынимать из земли, обходя корни вырубленных деревьев, камни и т. д. Часть местного населения в XVII в. находилась на русской военной службе и вела ее уже с пашни. Как писал С. П. Крашенинников, некоторые поселения чулымцев уже в первой трети XVIII в. невозможно было отличить от русских деревень.⁸ О развитии домостроения свидетельствуют находки ключей и памятниках. Сближение с русским населением приводило и к началу христианизации, что начинает отмечаться и в археологическом материале. Развитие производительных сил вело к росту благосостояния, увеличению численности местного населения.

Включение региона в состав Русского государства было объемным и многогранным процессом. Невозможно имели место и некоторые негативные моменты — вооруженные столкновения, гибель людей и материальных ценностей, феодальная эксплуатация местного населения со стороны государства. Русские принесли с собой новые болезни, которых здесь ранее не знали; и т. д. Степень восприимчивости была различной. В наиболее благоприятном положении находилось население, проживавшее вблизи русских земледельческих районов. Здесь заимствования воспринимались в полном объеме. В меньшей степени это происходило в отдаленных районах. Минимальным был уровень заимствований у киргизов, как из-за враждебных отношений с Россией, так и отсутствия у них такой крупной сферы хозяйства, какую имели русские.

В целом к концу века основная масса местного населения была уже в той или иной мере втянута в систему общероссийских экономических связей. Уровень развития их материальной культуры на базе заимствования новых орудий труда рос значительно быстрее, чем раньше.

В течение века шел и процесс обратных влияний. Объем его был меньшим, но достаточно содержательным. В первую очередь заимствовались формы одежды, приспособленные к местным условиям. Свидетельством этого стали их местные названия («тулуп», «дах», «яга», «салахай», «калауз» — сумка, кошелек, «унты», «коколды» — рукавицы и т. д.). Местные жители познакомили русских со свойствами флоры и фауны («волчий корень», панты, мускус, «каменное масло» и

т. п.). Широко в регионе и в Сибири целом применялись новые способы заготовки рыбы («юрок» — вяленая рыба без костей; «юкола» — сушеная рыба; «спорса» — сушеная мелкая рыба). Русские по опыту местных жителей стали широко применять грузила для сетей, сделанные из оббитых галек, поскольку обычные для русского рыболовства глиняные грузила часто бились в быстрых реках с каменистым дном. В ходе раскопок на территории Кузнецкого и Саянского острогов такие грузила встречались неоднократно. Русскими использовался прием подбивки лыж шкурами с лошадиных или оленьих ног. Уже в XVII в. широко применялись карты.

Очень важным для развития ремесленного производства были знания местного населения о месторождениях полезных ископаемых в крае. Как отмечал Я. И. Сунчугашев, наиболее известные железорудные месторождения были открыты по указаниям местных рудознатцев.⁷ У русского населения были в употреблении вещи местного производства, искусно инкрустированные серебром. Наиболее массовыми были влияния в антропологии. Так, широко были распространены смешанные браки, проживание местных жителей среди русских, их обрусение и вхождение в состав русского населения. На территории Красноярского острога были обнаружены остатки двора крещеного местного жителя; местный обычай оборачивать погребальные колоды берестой отмечается при раскопках русских кладбищ XVII—XVIII вв. в Томске, на площади Кузнецкого и Саянского острогов вместе с русской найдено и большое количество местной керамики, железные и костяные наконечники стрел. В язык широко вошла местная топонимика. Заимствования, полученные от местных жителей, существенно помогали русским в жизни на новых местах, обеспечивали быстрое освоение региона. Они, в целом, имели положительное значение.

Вхождение региона в состав Русского государства стало поворотным пунктом в истории коренного населения. Археологические памятники XV—XVII вв. свидетельствуют о низком уровне развития его материальной культуры, отсутствии заметного прогресса в производительных силах. Вместе с тем, значительная часть населения была готова к восприятию влияний. В течение XVII в. в археологическом материале появляется большое количество вещей русского происхождения. К концу века вещи местного производства полностью заменяются на новые образцы. Населением в полном объеме были освоены новые орудия труда. Значительно интенсифицируется охотничья деятельность, рыболовство, появляется "

начинает развиваться стойловое животноводство. На пашенной основе растет земледелие. В результате растут благосостояние и численность местного населения. Начинаются процессы слияния многих его групп с русскими. Вместе с тем, степень восприятия влияния отдельными группами населения была различной. Часть их, проживавшая в отдаленных районах, влиянием была затронута слабо и сохраняла на длительное время специфику своей материальной культуры и быта. Русское население также испытало на себе заметное влияние со стороны местных жителей, хотя объем его был меньшим.

Материальной сутью процесса присоединения народов региона к Русскому государству стал прогресс в развитии их материальной культуры и производительных сил. Это привело к улучшению условий жизни и быта, заметному росту численности населения. Именно в XVII в. были заложены основы, приведшие к «демографическому взрыву» в конце XVIII—XIX вв. Процесс присоединения, несмотря на отдельные незначительные негативные моменты во взаимоотношениях, был глубоко положительным.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1960, 622 с.
2. Дульзон А. П. Чулышские татары и их язык // Уч. зап. Томского гос. пед. ин-та. Томск, 1952, т. IX, с. 100.
3. Памятники Сибирской истории XVIII века: В 2-х тт. СПб., 1982, т. 1-я (1700—1713 годы), с. 16.
4. Древняя Русь. Город, замок, село — М.: Наука, 1985, с. 223.
5. Археология Урало-Сибирской ССР. — Т. 3. Раннеславянский и древнерусский периоды. — Киев, Наукова думка, 1986, 575 с.
6. С. П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. — М.: Л.: Наука, 1986, 241 с.
7. Сузчугашев Я. И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. — Новосибирск: Наука, 1979. — 192 с.

**РЕМЕСЛО И ТОРГОВЛЯ КУЗНЕЦКА XVII ВЕКА.
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ
ПО ПИСЬМЕННЫМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ
ИСТОЧНИКАМ)**

В последнее время наблюдается значительный интерес к исследованию различных аспектов начального этапа освоения русскими Сибири, жизни сибирских городов в первое столетие этого освоения. Уже опубликовано большое количество работ по истории многих сибирских городов в этот период, и только Кузнецк среди них, увы, остается практически до сих пор «белым пятном». Это объясняется, на мой взгляд, не только недостаточным исследованием архивных материалов, но и почти абсолютным игнорированием археологических раскопок, с помощью которых можно было бы собрать уникальный вещественный материал, позволяющий полнее представить жизнь Кузнецка в XVII веке. Все это, я думаю, является следствием слабого интереса к истории нашего города со стороны ведущих научных центров Сибири.

Начиная свои исследования, я, конечно же, учитывал все это и не мог упустить отличную возможность именно на основе использования как письменных, так и археологических источников изучить жизнь родного города в первое столетие его существования, тем более, что к этому времени в мое распоряжение был предоставлен богатейший материал, собранный во время археологических раскопок на территории Кузнецкого острога, которые стали проводиться экспедицией Новокузнецкого краеведческого музея под руководством Ю. В. Ширнига со второй половины 80-х годов и которые продолжают по настоящее время уже экспедицией Новокузнецкого историко-архитектурного музея «Кузнецкая крепость» под руководством все того же исследователя. Моя работа была бы просто немыслима без этого любезно предоставленного мне материала, за что я очень признателен Юрию Викторовичу:

Данная публикация, основанная на анализе и сопоставлении письменных и археологических источников по истории

Кузнецка XVII века, а также на анализе трудов отечественных ученых не только по этой тематике, но и вообще по истории Сибири того времени, носит характер предварительного сообщения, так как работа только началась и потребуются какое-то время и определенные усилия для того, чтобы накопить необходимый материал и делать с помощью этого материала уже какие-то выводы и заключения.

Подобные исследования в Сибири почти не проводились, исключение составляют, пожалуй, лишь работы по Старой Мангазее, когда были привлечены не только материалы, собранные в ходе комплексной экспедиции, возглавляемой М. И. Беловым, но и архивные источники по истории этого города, а также научные труды по различным проблемам российской истории периода раннего и позднего средневековья. В результате вышло в свет издание, состоящее из двух частей. Его вторую часть, посвященную материальной культуре русских полярных мореходов и землепроходцев, а также аборигенного населения края, я активно использовал в своей публикации для сравнения с материальной культурой жителей Кузнецка в XVII веке¹.

Переходя непосредственно к теме своего исследования и говоря о развитии торговли и ремесленной деятельности кузнецян в этот период, следует отметить, что ввиду специфического географического положения города, который находился в стороне от основных торгово-транспортных путей русских в Сибири, «посересть немирных инородцев», это развитие проходило крайне медленно и имело свои особенности. Эти особенности я и попытаюсь выяснить в данной статье.

Следствием специфического географического положения Кузнецка было то, что с самого начала своего существования город стал испытывать трудности со снабжением «русскими» товарами. Вплоть до середины XVII века, когда местная сибирская промышленность утвердилась в крупных городах (Тобольск, Томск, Енисейск) и стала поставлять свою продукцию на внутрисибирский рынок, Сибирь снабжалась «русскими» товарами через Тобольск. Затем поток этих товаров из Европейской России значительно снизился, некоторые товары вообще перестали посылаться, Сибирь начала вывоз своей продукции (пушнина, готовые меховые изделия, рыба, мамонтовая кость) за Урал. Что касается Кузнецка, то тобольские таможенные книги лишь один раз, в 1655/1656 годах, зафиксировали провоз «русских» товаров через Тобольск в Кузнецк на 2 тысячи 159 рублей². Анализируя эти данные, О. Н. Вилков в своей работе «Ремесло и торговля в Запад-

ной Сибири в XVII веке» замечает, что провоз этих товаров, в том числе и в Кузнецк, через Тобольск «...был невелик и нерегулярен»³. И дальше это он объясняет тем, что снабжение Кузнецка шло, в основном, не через Тобольск, а через Томск⁴. Но это стало возможным, по-видимому, только с середины XVII века, когда потребности последнего в товарах были удовлетворены, а томская промышленность не только снабжала местный рынок, но и стала вывозить свои товары в другие сибирские города, в том числе и в Кузнецк.

В таких сложных условиях, в каких оказался наш город, необходимо было с самого начала налаживать собственную ремесленную базу. Основной особенностью ее функционирования являлось то, что ремеслом вынуждены были заниматься многие категории населения города, причем для некоторых из них ремесленная деятельность была основным занятием, хотя и не приносящим большой прибыли, так как изделия производились, в основном, на заказ. Уже в середине XVII века в Кузнецке насчитывалось 25 ремесленников⁵, которые платили налог с ремесла, что составляло в то время около 10% от всего населения города. Ремесло было основным занятием для крестьян, отошедших от земледелия, а также для «тулящих» людей, ведь оно давало им хоть какие-то средства к существованию. Ремеслом занимались и служилые люди, но, по преимуществу, это были пешие казаки и обслуживающий персонал (сторожа и воротники, кузнецы и оружейники). Они хоть и находились на государственной службе и получали «государев жалованье», но вынуждены были заниматься ремеслом, чтобы несколько улучшить свое материальное положение. Такая ситуация объясняется тем, что эти категории служилых людей мало того, что получали самое низкое жалованье, так оно еще и доставлялось в город с большими задержками и зачастую не в полном объеме⁶. Служилая «верхушка», в которую входили также и высокооплачиваемые конные казаки, свое жалование получала, как правило, и регулярно, и в полном объеме, чему в немалой степени способствовало и то, что она использовала сопровождение ясака в Москву, которое было, в основном, ее привилегией, и для решения своих финансовых проблем, иногда получая жалование сразу за несколько лет⁷. Ремесленная деятельность кузнецкая носила преимущественно кустарный характер, и для более крупного ремесленного производства в городе не было достаточных людских и материальных ресурсов, да и пограничное положение Кузнецка не способствовало этому. Тем не менее, в городе были представлены многие

ремесленные специальности, без которых бы просто не смог бы нормально функционировать.

Кроме уже названных кузнецов и оружейников, в городе были плотники и они явно не скучали без работы, ведь Кузнецк постоянно расширялся, прибывали новые поселенцы, нужно было строить дома, укреплять городские стены от частых набегов кочевников. Да и пожары, которые здесь не были редкостью, происходившие не только по вине все тех же кочевников, но зачастую и самих кузнецов, прибавляли забот местным плотникам. То, что в Кузнецке того времени пожары были частыми, подтверждается с помощью археологических источников: во время раскопок на территории острога, при зачистке культурного слоя, выявлялись зольные и углистые прослойки⁸.

Среди кузнецких ремесленников были и другие мастера по обработке дерева. Здесь, в частности, изготавливались ложки, так необходимые в быту: при раскопках 1991 года был обнаружен ложкорез (рис. 1, 8).

Были в Кузнецке, вероятно, и люди, специально занимавшиеся изготовлением рыболовных снастей, тем более, что эта продукция пользовалась в городе повышенным спросом. Жители Кузнецка ловили рыбу в большом количестве, ведь она имела огромное значение в их рационе питания, зачастую заменяя хлеб, поставки которого в город в виде жалования служилым людям и от местных крестьян были нерегулярными и недостаточными⁹. В доказательство того, что горожане активно занимались рыбной ловлей, можно привести археологические данные: на каждом объекте при раскопках был обнаружен довольно значительный слой чешуи и рыбных костей¹⁰, а также очень часто попадались отдельные детали орудий лова: кованые крючки (рис. 1, 16), керамические, глиняные и галечные грузила для сетей (рис. 1, 2, 3, 5). И хотя в Кузнецк могли поступать «с Руси» уже готовые снасти: мережи, сети неводные, их количество, видимо, было недостаточным, и сюда шли полуфабрикаты: бичевы белые, пряженые неводные, дели неводные¹¹, с помощью которых городские ремесленники изготавливали необходимые наделки.

Была известна не только в городе, но и за его пределами продукция кузнецких портных и суконщиков. Например, «среди ввозимых из Томска в Кузнецк в Тобольск в 1639—1687 годах «мягкой рухляди» и кож лосиных можно было встретить как полноценную пушнину... так и неполноценную... Наряду с пушниной, подвергшейся лишь первичной обработке (шкурки), имелись и меха, прошедшие всю промышленную

переработку и превратившись в результате ее в готовые меховые изделия — шубы, шапки, рукавицы, пластины (несколько хребтов, сшитых вместе), исподы, подскоры. Наличие таких готовых и совершенно не ношенных вещей позволяет говорить о превращении томского и кузнецкого скоряжничества и портняжничества в мелкое товарное производство»¹².

В городе занимались и винокурением. Так, например, «...в 174 году (в 1666 году — А. К.) сижено 14 браг вина, в высижено 124 ведр для даровой раздачи служилым и другим людям»¹³. Интересно, что по царскому указу от 15 июня 1663 года корчемное курение и продажа вина строго воспрещались, а все кабаки и кружечные дворы сдавались «на откуп» и «на веру»¹⁴. Этим указом государство фактически вводило свою монополию на изготовление и продажу спиртных напитков и ставило под свой контроль деятельность витейных заведений. Казенных винокуренных заводов во всей Сибири в течение XVII века не было, казенное винокурение производилось «с подряда»¹⁵. Приведенный выше документ по истории Кузнецка подтверждает все это.

Было развито в городе и литье цветных металлов, что доказывается, в частности, тем, что при раскопках 1990 года были найдены бронзовый литник (рис. 1, 7), а также два медных крестика, отлитых по одной и той же форме (рис. 3, 18, 19). Видимо, и некоторые украшения из бронзы и меди из материалов раскопок острога также были местного производства.

Были здесь и люди, занимавшиеся плавкой серебряной руды и, возможно, изготовлением изделий из серебра. Так, в отписке томского воеводы Денила Борятинского кузнецкому воеводе Григорию Волкову от 1673 года о сыске серебряной руды, хрусталя, слюды и проч., в частности, говорится, что «...по сказке же де в Тоболску Кузнецкого служилого человека Федки Серебренника... из... Телеского озера, в прошлых годах, привозил в Кузнецкой руды атаман Андрей Федоров, и тое де руду он Федка плавил и в плавке серебра не объявилось, потому что руды было немного...»¹⁶. Столкнувшись с первыми неудачами, правительство все-таки настойчиво искало месторождение богатой серебром руды, так как оно, да и государство в целом, испытывали острую нужду в этом драгоценном металле (вспомнить хотя бы вынужденный выпуск медных денег в середине XVII века и последствия этого шага — А. К.). Как казалось правительству, такое месторождение было найдено в 1696 году на реке Каштак (север нынешней Кемеровской области — А. К.). Два года спустя

здесь был поставлен небольшой острог и начата добыча серебряной руды, но «с начале XVIII века из-за низкого содержания серебра в руде, частых затоплений шахт водой завод был заброшен, а вскоре киргизы сожгли и острог»¹⁷. Вероятнее всего, что если в XVII веке в Кузнецке и изготовлялись изделия из серебра, то они делались из привозных сырья и полуфабрикатов.

В городе работали печники. Они делали не только глинобитные печи, которые почти повсеместно были в домах кузнечан в XVII веке, судя по археологическим раскопкам¹⁸. Со второй половины века в Кузнецке, видимо, появляются и кирпичные печи. Подтверждением этого могут служить не только чертеж С. У. Ремезова из его «Чертежной книги Сибири»¹⁹ (кстати, до недавнего времени этот чертеж относили к 1701 году, но сейчас некоторые исследователи — например, А. Ю. Огурцов — склонны отнести его к более раннему времени (у Огурцова это 1668—1673 годы²⁰) — А. К.), где на крышах многих домов как в кремле, так и в его окрестностях видны печные трубы (хотя это вполне могут быть и дымники — А. К.), но и находка в 1991 году на территории кремля фрагмента красноглиняного изразца с закопченной задней стороной (рис. 2).

Удовлетворяя потребность в своей продукции среди жителей Кузнецка, городские ремесленники и промышленники вышли со своими товарами и за его пределы. Почти с самого основания города под его стенами возник так называемый «колмацкий торг», где русские предлагали свои ремесленные изделия и продукты промыслов, а также ткани, которые получали в счет жалования вместо денег, а «инородцы» — пушнину, лошадей, скоту, железные изделия²¹, которые кузнечане зачастую перековывали на «русский обывай». Торговля эта носила, как правило, меновой характер. Жители города даже стали получать китайские товары через посредничество телеутов, джунгар и киргизов еще задолго до того, как у русских «в 1674 году завязалась торговля с Китаем через Монголию»²². Это были, прежде всего, китайские ткани, китайский чай и китайский фарфор — традиционные предметы китайского экспорта. Наличие в Кузнецке в XVII веке китайской фарфоровой посуды подтверждают и археологические раскопки (рис. 1, 11—13).

На внутрисибирский рынок кузнечане поставляли готовые изделия из меха и ткани, а также рыбу и пушнину. Но приказники крупных сибирских и российских купцов зачастую скупали у кузнецких промышленников рыбу и меха и, минуя

сибирский рынок, везли эти товары в Европейскую Россию. Последний вид торговых операций был очень выгоден для жителей города, так как они сразу же, на месте, получали за свой товар или необходимые им вещи и продукты, или деньги. Хотя они, очевидно, и теряли при этом значительно в деньгах, но зато не надо было везти товары в другие сибирские города и там ими торговать, что в условиях Сибири того времени было небезопасно. Да и в каждом крупном сибирском городе уже имелись свои таможи, где проезжающие с товаром люди должны были платить таможенные пошлины. Как мы можем убедиться, кузнечанам выгоднее было идти к оптовикам-скупщикам и поэтому очень редко продукция местных промысловиков, и вообще кузнечские товары, попадали на внутрисибирский рынок, центром которого был Тобольск. Но все же иногда это происходило, и это были не только уже упоминавшиеся готовые изделия из меха и ткани, а также пушнина и рыба, но и железный лом, и полуфабрикаты из железных изделий, которые кузнечане выменивали у местных «инородцев». Так, например, «...23 ноября 1670 года приехал из Кузнечьего острога кузнечских конных казаков пятидесятник Григорий Корнилов и явил «по кузнечьей проезжей грамоте» 2 пуда «кришного железа» на 3 рубли, 1,5 пуда «тогоного железа» на 2 рубли, 8 алтын 2 деньги, пуд «дельного железа» на 1,5 рубли. Тогда же привез из Кузнечьего острога пеший казак Микифор Микифоров 2 пуда «кришного железа» на 3 рубли»²³. Везли это железо, очевидно, те служилые люди, которые направлялись в Москву с кузнечным ясаком, но оно шло не в счет ясака, ведь еще в 1631 году наказ очередному кузнечьему воеводе предписывал брать ясак железом только в крайнем случае, и не везти его в Москву, так как «...в том государевой казне в полводах в дальной возке чинилась многая убыль»²⁴, а оставлять в Кузнечке и «...велети из него делати сапки и косы, и отдавати пашенным крестьянам, или то железо велети продавать всяким людям и татарам... по тамошней цене»²⁵.

А что же могли поставлять из Тобольска в Кузнечь?— Из Тобольска в Кузнечь могли поставлять следующие товары местной тобольской промышленности, которые пользовались большим спросом в то время в сибирских городах: мыло, свечи, некоторые виды пищевых продуктов²⁶.

«С Руси» через Тобольск и Томск шли, очевидно, также товары, которые были необходимы жителям города и многие из которых мы находим при раскопках: уже упоминавшиеся выше мережа и сети неводные, бичевы белые, пряженье не-

водные и делн неводные, а кроме них: кошельки ровдужные, рюмки стеклянные (да и вообще стеклянная посуда — А. К.), кремни пищальные, бисер, одекуй (стеклянные или пастовые бусы различных цветов — А. К.), пуговицы одекуйные, некоторые виды железных изделий²⁷.

Во время раскопок было найдено множество предметов из железа, и трудно определить, какие из них местного производства, а какие — привозные. Если смотреть на примере Тобольска, то на протяжении всего XVII века сюда осуществлялся постоянный привоз некоторых товаров «с Руси», пользовавшихся, очевидно, повышенным спросом, в том числе: косы-горбуши, серпы и топоры²⁸. К тому же, через Тобольск проходил транзит множества «русских» товаров в Сибирь, но доминирующее положение занимали (из железных изделий): ножи, петли дверные, замки всех систем, замки немецкие, шурупы пищальные, замки пищальные, крючки железные²⁹. Что касается ассортимента железных изделий, то здесь следует сказать, что главное отличие Кузнецка от Тобольска в этом плане состоит в том, что из-за нестабильного снабжения первого «русскими» товарами, его ремесленники вынуждены были изготавливать многие железные изделия «на месте».

Наличие в Кузнецке в XVII веке стеклянной посуды подтверждается материалами археологических раскопок. Многие из этих предметов, по-видимому, были изготовлены в Западной Европе, как, например, фрагмент изделия из розового стекла с белой эмалевой росписью богемского производства³⁰. Вообще, потребности российского рынка в стеклянной посуде в XVII веке удовлетворялись, главным образом, за счет западноевропейской продукции, которая ввозилась в страну через Архангельск, а также за счет стеклянной посуды из Украины, откуда в Россию поставлялась продукция из так называемого «черкасского» стекла. Это объясняется тем, что первые стекольные заводы появились в стране лишь во второй половине XVII века и они были еще очень маломощными. По-видимому, найденные во время раскопок фрагмент стеклянного штофа с эмалевыми полосами³¹ и, вероятно, горлышко штофа «зеленой воды» (рис. 1, 4) принадлежат посуде из «черкасского» стекла. Это подтверждается и аналогичными предметами из раскопок Старой Мангазеи³². Но это вполне могла быть и продукция русских заводов, так как «...русские заводы XVII—XVIII веков выпускали посуду на «черкасский манер»³³.

При раскопках Кузнецка также были найдены и пищаль-

ные кремни (например, рис. 1, 9, 10), причем некоторые из них с отработанными гранями (например, рис. 1, 10). В кузнецкой археологической коллекции встретились и стеклянные и пастовые бусы, обычно черного, белого или голубого цветов (рис. 3, 1—6), костяные и медные пуговицы (рис. 3, 7—9), роговая и стеклянная шаровидные пуговицы (рис. 3, 10, 11).

Кроме вышеперечисленных, в разряд ввозимых «с Руси» товаров могут быть включены, например, роговые или сделанные из бивня мамонта гребни, налчие которых в Кузнецке того времени также подтверждается материалами археологических раскопок (рис. 3, 27, 28), а также медные серьги со стеклянными подвесками разных цветов (рис. 3, 20—22), медные и обмедненные перстни (рис. 3, 16, 17), костяные и керамические орнаментированные и резные предметы: трубочки (возможно, чубуки курительных труб), (рис. 3, 12—15), пластины и накладки на различные вещи (рис. 3, 23—26). Все они являлись типичными «русскими» товарами и, в основном, находят свои аналогии в матгазейской коллекции⁸⁴.

Перечень товаров, которые могли бы попасть на кузнецкий рынок «с Руси» через Тобольск и Томск, может быть подтвержден и дополнен на основании следующего документа: в 1679 году по проезжей грамоте «...отпустили из Тобольска в Томской город важенина, торговца человека Мишку Давыдова, а у него привозу его из верхотурской проезжей русского товару: четыре кафтана бараньих, шесть оачин малых, три фунта меди разной..., шестеры рукавицы варег, три топора середних, семь фунтов прядема неводного, фунт нитей...»⁸⁵

В Сибирь шли товары через Тобольск не только «с Руси» и из Западной Европы и, может быть, из Украины (стеклянная посуда); но и из Средней Азии. «Постепенно Тобольск, находившийся в узле важнейших торговых путей с «Руси», в Сибирь, Среднюю Азию, Джунгарию и Китай, превратился в центр российско-восточной торговли в Сибири... Российско-восточная торговля через Тобольск, основную роль в которой до середины 70-х годов играли приезжие и сибирские бухарцы, была взаимно выгодна. Россия в обмен на пушнину и меховую одежду, выделанные кожи, сукия и другие предметы получала с Востока в основном недостающие ей хлопчатобумажные, шелковые, пеньковые и льняные ткани, мерлушек и скот»⁸⁶. Опираясь на вышесказанное и зная, что вывозили из Сибири «бухарцы», мы можем предположить, что кузнецкие пушнина и готовые меховые изделия попадали и в Среднюю Азию, и в Китай, а среднеазиатские и китайские товары — в

Кузнецк. Возможно, «бухарцы», как тогда называли всех среднеазятов, приезжали торговать и непосредственно в Кузнецк, на что указывает, в частности, до сих пор сохранившееся название места в окрестностях города — «Бухарский холм» или «Бухарская горка». Таким образом, мы уже сейчас можем сказать, что торговые связи Кузнецка в XVII веке, как прямые, так и через посредников, были довольно обширными.

В своем исследовании я попытался как-то осветить многие доселе неизученные вопросы, привлекая не только письменные, но и археологические источники. Не все еще кажется сейчас бесспорным, но это только начало пути, и дальнейшая работа поможет уточнить, дополнить, а может, и пересмотреть многие страницы истории моего родного города в XVII столетии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI—XVII веков. М.: Наука, 1981, т. 2.
2. Вилков О. Н. Ремесло и торговля в Западной Сибири в XVII веке. М.: Наука, 1967. Таблица 14.
3. Там же, с. 136.
4. Там же.
5. Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989, с. 194.
6. Сорочин М. Е. Кузнецк и Кузнецкий уезд в XVII веке: //Новокузнецк в прошлом и настоящем (Материалы научной конференции, посвященной 350-летию основания Кузнецка). Новокузнецк, 1971, с. 30.
7. Там же.
8. Например, Шарин Ю. В. Отчет об археологических работах НКМ на юге Кемеровской области в 1989 г. //Архив НКМ. Оп. 1, р. 1, д. № 48, с. 6.
9. Воиришинова Э. Я. Ранние страницы истории Кузнецкого города. //Новокузнецк в прошлом... С. 19—20, 22; История Сибири: в 5 т. Л.: Наука, 1988, т. 2, с. 66—67; Шуняков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1958, с. 80.
10. Например, Шарин Ю. В. Указ. соч., с. 6.
11. Вилков О. Н. Ремесло и торговля... Таблица 16.
12. Вилков О. Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVII — начала XVIII века. Новосибирск, 1980, с. 66.
13. Отлобжин Н. Н. Обзорные столбцы и книги Сибирского приказа (1592—1768 гг.). М., 1888, т. 2, с. 92—93.
14. Александров В. К. История Сибири. СПб., 1880, т. 2, с. 226, 227.
15. Там же, с. 229.
16. ДАН — СПб., 1867, т. 6, № 96, с. 329.
17. Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Указ. соч., с. 176.

18. Например, Шишкин Ю. В. Указ. соч., с. 6, 9, рис. 43.
19. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году, СПб., 1882, я. 13.
20. Огурцов А. Ю. К вопросу о датировке чертежа «Града Кузнецкого» Семена Ульяновича Ремезова // Куанецкая старина. Новокузнецк, 1933, вып. 1, с. 107.
21. Сорочкин М. Е. Указ. соч., с. 29.
22. Андриенко В. К. Указ. соч., т. 2, с. 222.
23. Вилков О. Н. Ремесло и торговля, с. 58.
24. Сергеев В. И. Железодобывающее производство в Томске и Кузнецке в первой трети XVII века // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). М., 1973, с. 127.
25. Там же, с. 128.
26. Вилков О. Н. Ремесло и торговля, с. 44—67.
27. Там же. Таблица 10.
28. Там же. Таблица 3.
29. Там же. Таблица 16.
30. Шишкин Ю. В. Археологическое изучение Кузнецкого острога // Разыскания Кемерово, 1990, вып. 1, с. 96.
31. Шишкин Ю. В. Отчет... с. 9.
32. Белов М. Н., Овсянников О. В., Стариков В. Ф. Указ. соч., т. 2, рис. 9, таблица 51. 1—6.
33. Там же, с. 49.
34. Там же. Таблица, 42, таблица 44, таблица 49, 3, 5—7.
35. Исторические акты XVII столетия (1633—1699). Материалы для истории Сибири. Собрал и издал Инн. Кузнецов. Томск, 1897, вып. 2, № 8, с. 13—14.
36. Вилков О. Н. Бухарцы и их торговля в Западной Сибири в XVII веке. // Торговля городов Сибири конца XVI — начала XX века. Новосибирск, 1987, с. 208—209.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЯ

НКМ — Новокузнецкий краеведческий музей.
 ДАН — Дополнения к «Актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией».

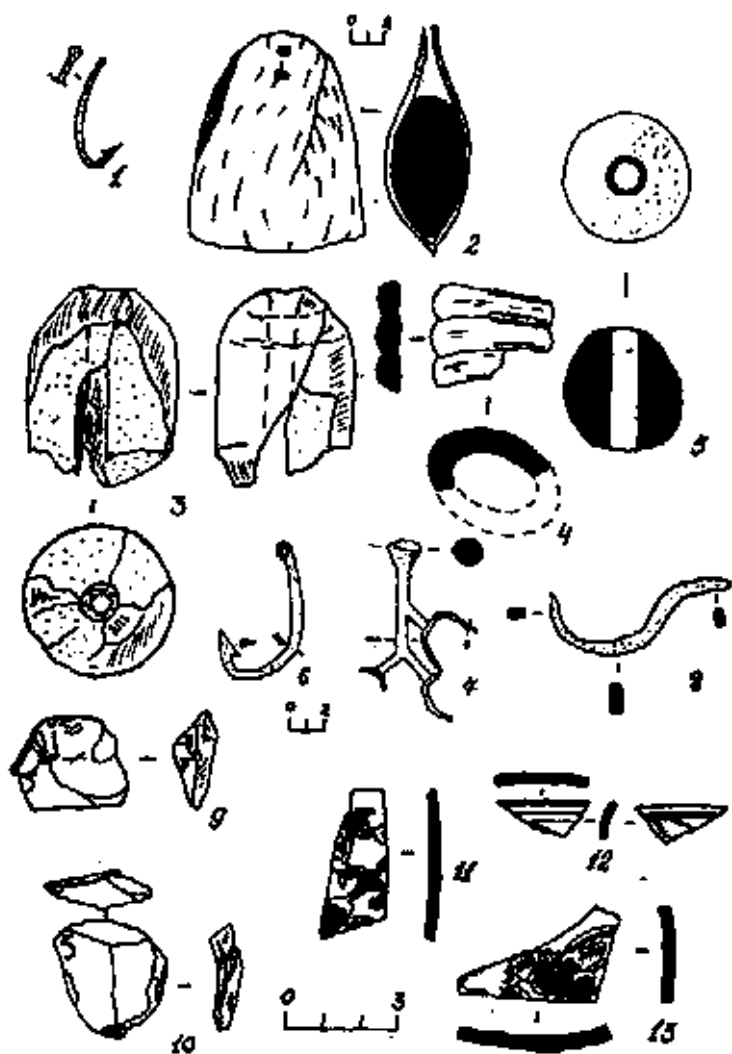

Рис. 1: Материалы раскопок Кузнецкого острога разных лет.
 1, 3, 8 — железо; 2 — камень, береста; 3, 5 — глина; 4 — стекло;
 7 — бронза; 9, 10 — камень; 11—13 — фарфор.

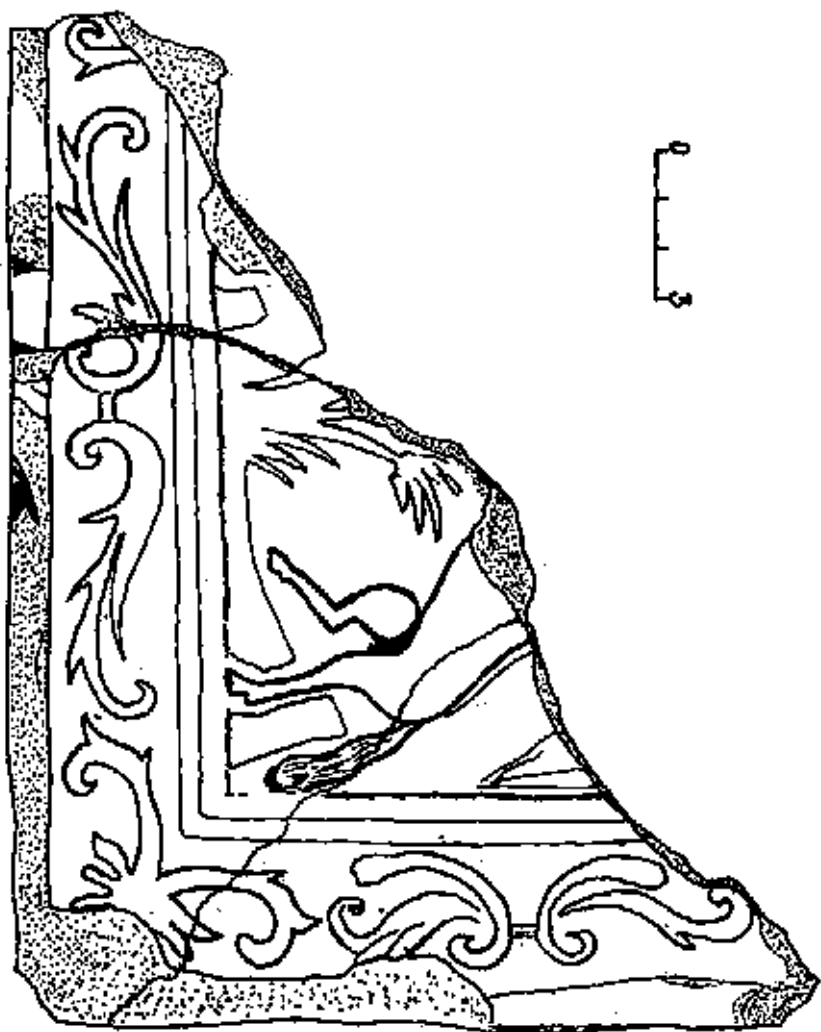

Рис. 2: Фрагмент краснослинного печного изразца из раскопок Куанецкого вострога.

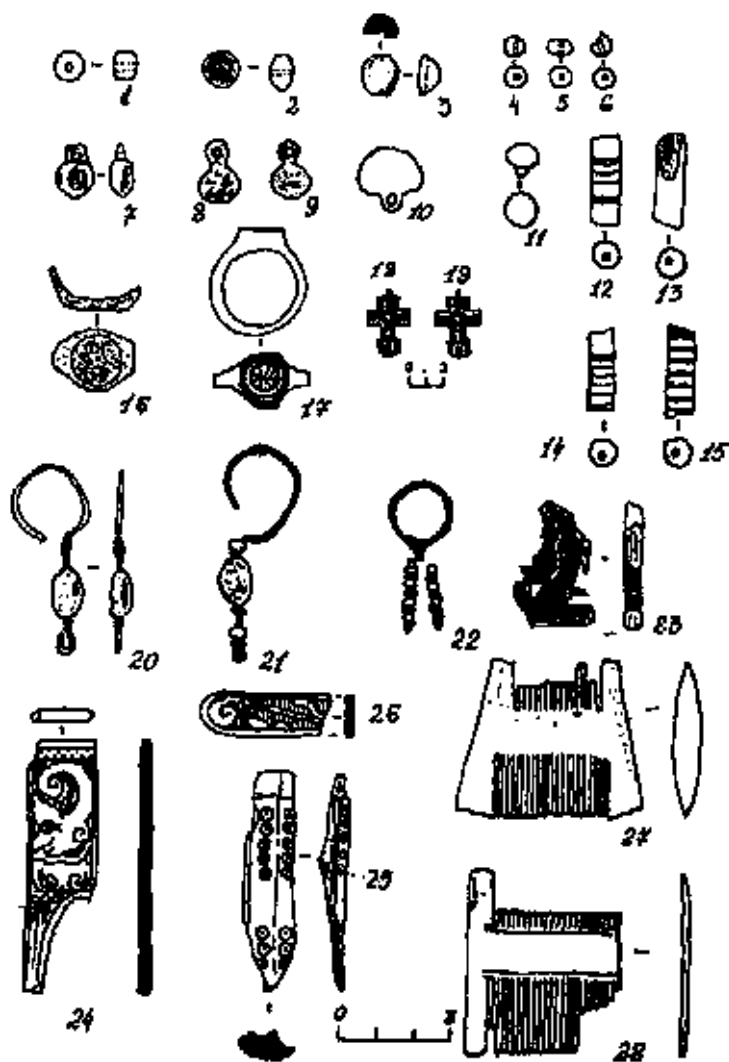

Рис. 3: Материалы раскопок Кузнецкого острога разных лет. 1 — паста; 2—6 — стекло; 7, 10, 23—26 — кость; 8, 9, 16, 18, 19 — медь; 11 — стекло, железо; 12—15 — глина; 17 — железо, медь, перламутр, паста; 20—22 — медь, стекло.

К ВОПРОСУ О РОЛИ И ЗНАЧЕНИИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ НАРЫМСКОГО ПРИОВЬЯ:

ПОЯС.

Одежда народа — ценнейший источник для изучения его истории. В этнографической литературе, отражающей, главным образом, материалы XIX—XX вв., ей посвящено немало работ, и тем не менее, по одежде некоторых западносибирских народов информация чрезвычайно скудна. В полной мере это относится к нарымским селькупам, невзрачным видом одежды которых и полным отсутствием на ней каких-либо украшений, объяснялось, по мнению Н. Ф. Прытковой, невниманием к ней прежних исследователей¹.

Практически полное игнорирование или незнание специалистами-этнографами предметов костюма на селькупских археологических памятниках XVI—XVII вв.² не позволило выявить им особенности одежды этого народа, проследить процесс ее развития, обнаружить изменения за последние 300—400 лет. В принципе, такое положение сохраняется до сих пор, несмотря на то, что в настоящее время накоплен значительный корпус археологических источников, позволяющий более полно и объективно представить в реконструированном виде одежду не только нарымских селькупов, но и южных хантов³, и томских татар⁴, и барабинцев⁵. В задачи авторов, однако, входит не полная реконструкция одежды нарымских селькупов, а лишь попытка освещения вопросов, связанных с историей одного из элементов их костюма — пояса. Для этого были обработаны и проанализированы опубликованные и неопубликованные архивные и коллекционные материалы А. П. Дульзона, П. И. Кутафьева, А. И. Бобровой, Г. И. Гребневой⁶, хранящиеся в Музее археологии и этнографии Сибири Томского университета и Томском государственном объединенном историко-архитектурном музее.

Памятники, из которых происходят пояса, по своему типу относятся к погребальным комплексам и располагаются по берегам рек — Оби (могильники Тискинский, Пачангский,

Остякские Могилы, Федоровский, Осиновая Грива), Кети (могильники Лукьяновский I, Максимоарский одиночный курган, Карбийский II, Путяка), Тыма (могильник Бедеревский Бор II), Кенги — истоке р. Парабелы (могильник Гребенщикowski). Находятся они на территории Нарымского края (северные районы современной Томской области), которая, по мнению ряда исследователей, являлась прародиной селькупского этноса⁷. Большинство археологических комплексов, учтенных при анализе, датируется XVI—XVII вв. Материалы XIV—XV вв. известны в могильниках Тискинском, Федоровском, Осиновая Грива, Бедеревский Бор II.

В этнографической литературе о поясах нарымских селькупов содержатся сведения в нескольких работах. Так, о широких кожаных мужских поясах, орнаментированных бисером, писала Н. Ф. Прыткова⁸. Г. И. Пелих отмечала наличие у них кожаных ремней, надевавшихся через плечо, и широких кожаных ремней, которые носили на поясе, затыкая за них топор и большой охотничий нож⁹.

К сожалению, археологические источники, относящиеся даже к позднесредневековому времени, в силу своей специфики имеют далеко не идеальное состояние. Вполне возможно, что в это время существовали безгарнитурные и беспряжковые пояса, состоявшие только из матерчатой или кожаной основы. Естественно, после разложения органики они не оставляют оснований для археологического анализа. Даже пояса с металлическими элементами сохраняются настолько фрагментарно, что иногда затрудняют отделение их остатков от других частей и украшений костюма либо от деталей погребального инвентаря. Поэтому при вычленении поясов в погребальных комплексах присутствует определенная доля условности. Авторами при обработке материала к категории поясов отнесены целые экземпляры, бесспорные их детали (остатки кожи и ткани с поясной гарнитурой), а также разрозненные находки (бляшки, пряжки, пуговицы, подвески, нож, кресало), их скопления, взаимосочетания и расположение по отношению к погребенному. Учитывалось и мнение авторов раскопок либо публикаций по поводу такого рода находок.

Под поясом авторами подразумевается часть одежды, сохранившейся в виде фрагментов ткани, сыромятного ремня, нашивок и подвесок, расположенных в области пояснично-крестцового отдела позвоночника и тазобедренных сочленений погребенного в поперечном по отношению к нему положении. Иное местонахождение зафиксировано в двух случаях: в могильнике Бедеревский Бор II пояс был свернут вдвое и по-

Ложен вместе с погребенным в деревянное сооружение бдоль тела, справа от умершего¹⁰, в могильнике Путыка он был найден сложенным в несколько раз в засыпи могилы на перекрытии погребального сооружения¹¹.

Основы поясов могла быть мягкой — из неширокой полосы ткани, и жесткой — из кожи, а также комбинированной — с кожаной основой, обшитой сверху тканью. Цвет материи — преимущественно зеленый, красно-коричневый, черный. Основы любого пояса имела лицевую и изнаночную стороны. На лицевую прикрывали нашивки — металлические и бисерные. На тех немногих поясах, на которых встречены и металлические и бисерные нашивки, наблюдалось распределение лицевой стороны основы. Она имела центральную часть, верхнюю и нижнюю кромки. Последние, как правило, расшивали бисером в несколько рядов, между ними помещали металлические бляшки-нашивки. Бисер сначала наизывали на нить по два—пять, оформляя в поясик, и затем прикрепляли его по кромкам и концам основы пояса.

Видимо, так же выполняли неширокие пояса, состоявшие только из двух—трех рядов бисера.

Медно-бронзовые 2-х, 3-х, 4-частные полусферические бляшки и лунницы пришивали нитью по перетяжкам по всей длине изделия, круглые крепили к основе за отверстия, специально проделанные для этой цели, некоторые медно-бронзовые накладки закрепляли посредством шпеньков.

В силу отмеченной специфики информативной усеченности археологических источников принятая у этнографов типология поясов по материалу и способу изготовления¹² применительно к исследуемому материалу невозможна. Более плодотворной представляется попытка его группировки по орнаментальному признаку. По заполнению или отсутствию украшений на основе выделено три ГРУППЫ поясов: I — без нашивок и подвесок; II — с нашивками без подвесок; III — с нашивками и подвесками. По материалу нашивок и их сочетанию в ГРУППЕ II выделены ОТДЕЛЫ: 1) железные, 2) медно-бронзовые, 3) бусы, бисер. В ГРУППЕ III: 1) медно-бронзовые и 2) комбинированные (медно-бронзовые + бусы, бисер). По художественному оформлению нашивок выделены типы поясов в ОТДЕЛАХ, по художественному оформлению подвесок — в а р и а н т ы внутри типов.

ГРУППА I. ОТДЕЛЫ не выделяются.

Пояса с кожаной или матерчатой основой; без оформления лицевой стороны нашивками; с железной пряжкой, имеющей подвижный язычок. Длина, по-видимому, соответствовала

объему талии, ширина равнялась или уступала высоте пряжки и была не более 5 см. К поясу подвешивали нож в ножнах, емкость (сумочку, мешочек) для хранения кресала и кремней, другие необходимые на промысле и в быту предметы.

Пояса этого типа выделены, главным образом, по материалам Тискинского могильника, где они были обнаружены в 43 погребениях (26 экз. — во взрослых захоронениях, 6 экз. — в детских, 11 — не определены)¹³.

По своему назначению — это бытовые пояса, которые были элементом повседневной одежды у предков приобской группы нарымских селькупов. Их хронология — XIV—XVII вв. Распространены они были на большой территории: аналоги известны в позднесредневековых памятниках Томского Приобья и Барабы¹⁴. Подобные пояса зафиксированы в этнографии селькупов¹⁵, кетов¹⁶, ваховских хантов¹⁷. У других групп хантов их носили, в основном, мужчины, используя вместо пряжек бечевки¹⁸.

ГРУППА II. ОТДЕЛ I. Выделено три типа поясов.

Тип А (5 экз.). Пояса на матерчатой основе с нашитыми железными кольцами различного диаметра (большого — у взрослых и меньшего — у детей), и металлической пряжкой с подвижным язычком. Способ крепления колец к основе или соединения их между собой не реконструируется. Видимо, он не был жестким, о чем можно судить по отсутствию металлических соединений деталей колец. Пояса этого типа известны в могильниках Тискинском (4 экз.: 2 взр., 2 дет.) и Осиновая Грива (1 экз. — взр.). Длина поясов, по-видимому, была равна объему талии, ширина — диаметру наибольшего из прикрепленных к основе колец.

В иных археологических памятниках и в этнографии аналогии им не обнаружены.

Тип Б (10 экз.). Пояса, среди нашивок которых отмечены железные кольца и железные прямоугольной формы пластины. Пояс представлял собой соединение отдельных блоков, состоящих из кольца и пластины (иногда кольцо продевали в перегинутую пополам пластину); Длина поясов равнялась объему талии, ширина — диаметру кольца. Полностью реконструировать их не представляется возможным, так как остатки основы не прослежены.

Известны в Тискинском могильнике (8 экз.), Федоровском (2 экз. дет., взр.). Встречены в памятниках Томского Приобья¹⁹. В этнографии аналогий не обнаружено.

Тип В (4 экз.). В этот тип выделены пояса, имевшие в качестве накладок круглые, прямоугольные, ромбовидные, мно-

треугольные железные бляшки-пластинки, крепившиеся к основе пояса шпеньками. Видимо, длина их равнялась объему талии, ширина — высоте или диаметру бляшек. Выделен по материалам Тискинского могильника (3 экз. — взр., 1 экз. — дет.)²⁰.

Аналоги известны в Томском Приобье и Барабе²¹.

ГРУППА II, ОТДЕЛ 2. Выделено четыре типа поясов.

Тип А (1 экз.). Пояс из взрослого погребения кургана 22 Остяких Могил длиной 80 см, шириной 2 см. Гарнитура представлена двумя медными накладками в форме фигуры зверя кошачьей породы с пропущенным между ногами взвивающимся хвостом и шестью круглыми медными накладками-розетками диаметром 2 см., одна из которых имеет изображение того же хищника в аналогичной композиции, а остальные — стилизованный цветок. Ремень состоит из двух частей и соединяется двумя пряжками — язычковой и разъемной, крючок которой оформлен в виде змеиной (?) головки. Свободный от пряжки конец ремня завершается медным орнаментированным наконечником. Пояс располагался вокруг тазовых костей. Реконструкция и публикация его выполнены А. П. Дульзоном²².

Аналоги бляшкам с изображением зверя известны в Десятковском 1 курганном могильнике XIII—XIV вв.²³. В других археологических памятниках позднего средневековья аналоги не обнаружены.

Тип Б (1 экз.). Пояс из матерчатой плотной основы зеленого цвета, на лицевую сторону которой в один ряд нашиты бляшки круглой формы — счетные жетоны первой половины XVII в. Пряжки не имеет. Длина — около 40 см, ширина 2,2 см. Выделен по материалам раскопок Г. И. Гребневой детского погребения кургана 33 Лукьяновского 1 могильника²⁴. Возможно использование жетонов в качестве украшений пояса имело место в Кыштовском могильнике²⁵.

Тип В (5 экз.): Пояса на матерчатой (3 экз.), кожаной (1 экз.), комбинированной (1 экз.) основе, с нашитыми на лицевую сторону 3-частными полусферическими медно-бронзовыми бляшками. Пряжек не имеют. Длина сохранившихся фрагментов 20—40 см. Ширина 3 см.

Пояса, как правило, располагаются в погребении поперек костяка умершего сплошной непрерывной полосой, отчего создается впечатление, что их либо завязывали сзади, либо специально нашивали на одежду (сзади?), которой покрывали умершего. При этом руки оказывались как бы обернутыми этой одеждой.

Обнаружены в могильниках: Гребенчиковском — 1 экз. (курган 1)²⁶, Остяцкие Могилы — 1 экз. (курган 21 погребение 2 — взр.)²⁷, Максимоярском одиночном кургане — 1 экз. (взр., жен.)²⁸, Бедеревский Бор II — 1 экз. (могила 4 — взр., муж.)²⁹, Карбинском II — 1 экз. (курган 9)³⁰. На территории Нарымского Приобья появляются не ранее XVII в.

Аналоги этому типу обнаружены в погребении 5 кургана 9 Балагачевского могильника³¹.

Тип Г (2 экз.). Пояса на матерчатой (1 экз.) и кожаной (1 экз.) основе с нашитыми на ее лицевой стороне медно-бронзовыми бляшками-лунницами. Пряжек не имеют. Длина фрагментов до 1 м, ширина 4 см. Обнаружены в Лукьяновском I могильнике (курган 14 — подросток)³² и Бедеревский Бор II (могила 27 — дет.)³³.

В качестве украшений на одежде бляшки-лунницы известны в памятниках Причумылья³⁴ и на поясах в Остяцких Могилах³⁵. Как и пояса типа В, появляются в Нарымском Приобье в XVII в.

ГРУППА II, ОТДЕЛ 3. Выделено два типа поясов.

Тип А (3 экз.). К этому типу отнесены остатки поясов (?) с нашитыми на матерчатую основу стеклянными бусинами голубого и зеленого цветов, располагавшиеся в два—четыре ряда. Обнаружены в могильниках: Пачангском — 1 экз. (курган 7 — взр., муж.)³⁶, Остяцкие Могилы — 1 экз. (курган 23 погребение 2 — дет.)³⁷, Лукьяновском 1 — 1 экз. (курган 23 — жен.)³⁸.

Тип Б (2 экз.). Пояса зафиксированы в виде отдельных полосок бисера голубого или белого цвета, нашитого на матерчатую основу по три—четыре в ряд, как это было отмечено в могильниках: Остяцкие Могилы (курган 3А погребение 3)³⁹, Лукьяновском 1 (курган 13 — подросток)⁴⁰.

Аналоги этому типу поясов известны в памятниках Причумылья — в Балагачевском и Тургайском I могильниках⁴¹. Пояса, украшенные бисером, носили селькупские и хантыйские женщины⁴². Широкие мужские пояса из кожи с наложенным красным сукном, расшитым бисером, были известны у восточных ненцев (юраков)⁴³.

ГРУППА III, ОТДЕЛ 1. Выделено три типа.

Тип А (5 экз.). Пояса на матерчатой, кожаной или комбинированной (из кожи и ткани) основе, украшенные 3—4-частными полусферическими медно-бронзовыми нашивками. Без пряжек. Выделено 4 в а р и а н т а.

В а р и а н т а (2 экз.). Размеры одного фрагмента — 3×40 см, ширина другого 3—5 см. Литые подвески выполне-

ны из белой бронзы и имеют форму «маятника» (терминология А. П. Дульзона)⁴⁴. На поясе детского погребения зафиксирована одна подвеска, взрослого мужчины — три. Происходят из Лукьяновского I могильника (курган 4 — дет., курган 6 — взр.)⁴⁵. Подвески имеют сходство с поясной гарнитурой чжурчженей VII—XIII вв.⁴⁶.

В а р и а н т б (1 экз.). Длина около 70 см, ширина 5 см. К нижней кромке прикреплены круглые медно-бронзовые ажурные бляхи-подвески в виде двух концентрических кругов (с гравировкой и без нее) диаметром 5—5,3 см, с трапециевидной петлей-ушком для подвешивания. Четыре из них имели медно-бронзовые пронизы, изготовленные путем скручивания листа металла в трубочку. В пронизь пропускали ремешок, один конец которого был привязан к петле ажурной подвески, а другой пришит к нижней кромке пояса. Пояс обнаружен в могильнике Бедеревский Бор II (могила 54 — дет.)⁴⁷.

В а р и а н т в (1 экз.). Длина — около 40 см, ширина по основе — 4 см. В качестве подвесок к нижней кромке использовались украшения из белой бронзы: в форме «маятника» (4 экз.) и в виде «восьмерки с отростками» (8 экз.)⁴⁸. В верхнее кольцо продевался ровдужный ремешок с наизнанной бусиной, конец которого пришивался к нижней кромке пояса. Кроме этих использованы и другие подвески: четыре проволочных гладких медно-бронзовых кольца и две медно-бронзовых подвески с петлей-оттяжкой трапециевидной формы. Сверху на петлях и по краям подвесок располагались орнитоморфные изображения — по пять на каждой. Пояс был повязан (?) на кожаную или меховую одежду, и рука погребенного находилась либо за поясом, либо — под одеждой. Обнаружен в Лукьяновском I могильнике (курган 5 — взр., жен.)⁴⁹.

Аналогичные подвески к поясу известны в Балагачевском могильнике Причулымья⁵⁰.

В а р и а н т г (1 экз.). Длина около 65 см, ширина — 3 см. К поясу прикреплена круглая медно-бронзовая ажурная подвеска диаметром 4 см, внешняя сторона которой и основание петли-ушка были дополнительно оформлены в виде четырех орнитоморфных головок. Пояс обнаружен в могильнике Бедеревский Бор II (могила 20 — взр., муж.)⁵¹.

Пояса этого типа получили распространение на территории Нарымского Приобья не ранее XVII в. В этнографии им близки пояса, основу которых расшивали рядами медных луговиц⁵².

Тип Б (2 экз.). Остатки поясов (?) с нашивками на лицевой стороне медно-бронзовыми бляшками-луциницами. Выделено 2 в а р и а н т а.

В а р и а н т а (1 экз.). Пояс (?) на войлочной основе шириной 4—4,5 см, к нижней кромке которого в один ряд прикреплены: медно-бронзовые гирьковидные литые пуговицы и две медно-бронзовые круглые ажурные подвески диаметром 4 см и 5,5 см. В одну из них вписана семилучевая «звезда» с квадратным отверстием в центре и с гравировкой на лицевой стороне. По ребру другой подвески, имеющей трапециевидное ушко, изображены четыре стилизованных чашечки цветка. Обнаружен в могильнике Бедеревский Бор II (могила 39)⁶³.

В а р и а н т б (1 экз.). Пояс с двумя медно-бронзовыми круглыми ажурными подвесками, имеющими трапециевидное ушко. В одну из них вписан круг с четырьмя лучами-соединениями. По аналогии с этнографическим материалом можно предположить использование одной из подвесок в качестве пряжки. Обнаружен в Остяцких Могилах (курган 10, погребение I — дет.)⁶⁴.

Тип В, вариант а (1 экз.). Пояс из грубой шерстяной ткани черного цвета, с изнаночной стороны подшит полоской тонкой (рыбьей?) кожи. Ширина — 3,5—4 см. Центральная часть лицевой стороны украшена медно-бронзовыми бляшками-лунницами и 4-частными полусферическими бляшками. «Отдельные круглые стеклянные бусы», три литых медных пуговицы конической формы, видимо, крепились в один ряд к нижней кромке пояса в качестве подвесок. Среди них обнаружен также медный цилиндрический закрытый наперсток, имевший небольшое отверстие для подвешивания его к поясу. Обнаружен в Остяцких Могилах (курган 12, погребение 5 — взр.)⁶⁵.

ГРУППА III, ОТДЕЛ 2. Выделено два типа, 3 варианта.

Тип А (2 экз.). Пояса на матерчатой и комбинированной основе. Ширина 5—6 см. Центральная часть украшена медно-бронзовыми бляшками-лунницами, кромки оформлены в два—четыре ряда белого и голубого бисера.

В а р и а н т а (1 экз.). По нижнему краю в одну линию нашиты подвески-пуговицы — литые (медные?) и изготовленные из фарфоровых и стеклянных бусин. Они были предварительно нашиты на толстый шерстяной шнурок красного цвета. Обнаруженная круглая ажурная медно-бронзовая подвеска в виде двух концентрических окружностей с трапециевидным ушком могла выполнять функцию пряжки. Пояс найден в Остяцких Могилах (курган 13, погребение 5 — взр. жен.)⁶⁶.

В а р и а н т б (1 экз.). Пояс, отличающийся от варианта а лишь в двух деталях: среди пуговиц находился закры-

тый цилиндрический наперсток, а ажурная подвеска, также, возможно, выполнявшая роль пряжки, имела не две, а три концентрических окружности. Обнаружен в Остяцких Могилах (курган 18, погребение 2 — дет.)⁶⁷.

Тип Б. Вариант а (1 экз.)⁶⁸. Пояс на кожаной основе, обшитой толстой шерстяной материей. Длина около 150 см, ширина — 6 см. Лицевая сторона украшена медно-бронзовыми бляшками-лувницами. Кромки пояса расшиты нитями бисера, преимущественно белого и бирюзового цвета. Конец пояса заovalены и сплошь покрыты нашитым на них бисером. К нижнему краю прикреплено большое количество подвесок. Среди них 37 экз. представляют собой снизки бусин на ровдужных ремешках, 25 из которых завершаются внизу привязанными медно-бронзовыми перстнями-печатками, две — монетами полушками 1737 г., одна — китайской литой медной монетой мелкого номинала династии Цин, выпущенной в пределах 1644—1889 гг.⁶⁹, одна — медно-бронзовой пуговицей с обломленным ушком и десять медно-бронзовых ажурных колец с трапециевидным ушком-петлей также служили подвесками к поясу. Обнаружен он был в грунтовом могильнике Путьяка, в коллективном захоронении мужчины (?) 35—40 лет и двух подростков 10—15 лет. Кому конкретно принадлежал пояс сказать трудно — он был обнаружен на перекрытии сооружения в области головы погребенных.

Близких аналогий по оформлению подвесками в археологических памятниках не имеется. Оформление поля пояса лувницами известно в Остяцких Могилах⁶⁹ и в могильнике Бедеревский Бор II⁴¹;

Пояса I, II ГРУПП (ОТДЕЛ 1, типы Б, В) имеют аналогии в погребальных комплексах на широкой территории и, по-видимому, в XIV—XVII вв. в Западной Сибири были распространены повсеместно. Пояса I ГРУППЫ известны и в этнографии.

Пояса II ГРУППЫ (ОТДЕЛ 2, типы Б, Г) появляются на территории Нарымского Приобья в XVII в., наблюдается их локализация преимущественно в правобережной части Обско-го бассейна от р. Чулым до р. Тым.

Пояса III ГРУППЫ (ОТДЕЛЫ 1, 2) в этнографии особенно близки поясам народов самодейской группы. Их объединяет: наличие металлических нашивок на основе; подвесок к поясу — медно-бронзовых ажурных круглых блях, медных ажурных блях-пряжек с трапециевидным ушком-петлей⁶⁷. Подобные пояса — обязательный элемент женской одежды ненцев. Описание пряжек «медных круглых блях... с двумя параллельными перекладными» приведено в работе Н. Ф. Прыт-

ковой; там же, со ссылкой на материалы В. Ф. Зуева, сказано, что в XVIII в. они были распространены на севере⁶². Археологические источники свидетельствуют о том, что в том же качестве их использовало население Нарымского Приобья уже в XVII в.

Пояса III ГРУППЫ (ОТДЕЛ 2) близки поясам на танцевальной (погребальной) одежде иганасан, сплошь расшитых с лицевой стороны цветным бисером и с многочисленными медными литыми ажурными подвесками. Завязывали пояса при помощи медного кольца и двух тонких ровдужных ремешков, пришитых к его концам. Кроме того, сам пояс обычно прикрепляли в нескольких местах к верхней одежде⁶⁴. Эти параллели позволяют предполагать наличие специальной (танцевально-погребальной?) одежды и у нарымских селькупов XVII в.

По способу крепления медно-бронзовых пронизей с ажурными бляхами-подвесками наблюдается абсолютное сходство с украшениями комбинэ — нижней одежды иганасанских женщин. Приводит их подробное описание А. А. Попов, он же определяет назначение металлических трубочек-пролизей в качестве игольниц, внутрь которых на ремешок втыкали иглы, а к концу ремня «во избежания соскальзывания, привязывали медные бляхи»⁶⁵. Не исключено, что с той же целью их употребляли предки нарымских селькупов в XVII в.

Пояса, имевшие подвески с геометрическими и орнитоморфными изображениями, находят аналогию у ваховских хантов, женские пояса которых (кочизн энтэв — «пояса с побрякушками») богато расшивали бисером, а к нижней кромке прикрепляли большое количество металлических подвесок с зооморфными и геометрическими фигурами. Подвески прикрепляли к концу бусиновой пролизей (см. ГРУППА III, ОТДЕЛ 2, тип Б, вариант а). Исследователи отмечают, что женщины очень дорожили этими поясами и передавали их по наследству⁶⁶.

Назначение поясов вообще, и западно-сибирских в том числе, многозначно. В целом их функции можно разделить на утилитарные и семиотические.

УТИЛИТАРНЫЕ ФУНКЦИИ. В русском языке этимология слова «пояс» восходит к «поять» — «обнять»⁶⁷. Это как нельзя лучше отображает причину и процесс зарождения и развития указанной категории материнской культуры. С самого своего появления, скорее всего в качестве элемента распашного типа одежды, и до сегодняшнего дня основная роль пояса заключалась в закреплении костюма или его деталей

по талии. По крайней мере, именно так трактуют ее современные словари русского языка⁶⁶. Опояска в форме простой веревки до сих пор активно используется в одежде, подтверждая основное функциональное назначение всех производных от нее форм и типов поясов.

Однако разнообразие природно-климатических условий, определяющих через широкий диапазон человеческой деятельности пути эволюции одежды, с одной стороны, и легкая доступность пояса человеческим рукам, обуславливающая удобство его расположения в системе костюма, с другой, вызвали к жизни много иных утилитарных функций этой на первый взгляд немудреной «подвязки по стану». И наиболее важная из них — португейная — для крепления и ношения на поясе предметов постоянной необходимости. Для населения степей начало этой традиции относят к эпохе бронзы⁶⁹. Скорее всего, одновременно было появление сходного обычая и в тазежной зоне, ибо у охотника вряд ли комплект вооружения был менее многочислен, а требования мобильности действий более лояльны, чем у скотовода-воина. Из фольклорных и этнографических источников известно, что на пояс сибирского охотника привешивались многие предметы, требуемые в быту и промысловой деятельности: нож в ножнах, сумочки с оселком, огнивом или свечками, туески при сборе ягоды и др.⁷⁰ Сюда же засовывали или подвешивали добычу. На практике это была пушнина⁷¹, однако мифологические герои могли привешивать к поясу не только охотничьи, но и воинские трофеи — скальпы и даже головы поверженных лесных чудовищ⁷². Удобство ношения мелкой пушнины за поясом было так велико и привычно, что, например, ханты Югана, основным промысловым объектом которых была белка, именно этот критерий сочли основным при выборе нового материала для изготовления охотничьих поясов⁷³.

«За палку к поясу» крепили повод собаки при пешем передвижении кеты. Если предполагалось привязать животное ножом, к поясу подвешивали «собачью палку»⁷⁴.

Португейные функции пояс выполнял не только на охоте, но и во время военных действий. Здесь роли охотничьего и боевого поясов совпадали. У последнего в некоторых культурах, например, скифской, было еще одно назначение — служить элементом защитного доспеха, предохраняя от поражения живот война⁷⁵. Отдельные намеки на подобные функции есть и в устном наследии западносибирских этносов — «пояс до того широкий, что весь у него живот закрыт до груди»⁷⁶. Но вряд ли они могут служить серьезным основанием для ут-

верждения о наличии столь оригинального элемента защитного вооружения, поскольку ни археологические, ни этнографические источники этого не подтверждают.

Женщины использовали свои пояса для переноса предметов в разной степени: если алтайки прикрепляли к нему бытовые вещи женского назначения (например, игольницу), то хантыйки привешивали лишь ножиножи, и то эпизодически⁷⁷. Однако у них бытовали свои сугубо женские пояса или, по-другому, пояса-повязки. Лучше они изучены у хантов, которые называли их «вороя»⁷⁸, «ворыи», «ворывь»⁷⁹. Они служили не только для удержания абсорбента (мелких стружек), но и для привязывания обуви, крепления украшений. Селькупские и кетские женщины тоже использовали берестяные повязки, но иного типа и лишь в определенные периоды жизни. Есть мнение Н. Ф. Прытковой, поддержанное позже Н. В. Лукиной и другими, о давнем происхождении этого элемента одежды, его принадлежности тому древнему населению, кто первым начал осваивать северную часть Сибири⁸⁰.

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ. Постепенно пояс из простой категории материальной культуры с вполне определенными функциями превратился в сложную знаковую систему, сакральный и социальный символ. Знаковый характер пояса — универсальное явление мировой культуры, причем его функционально-семантическая сущность в разных обществах, исторических срезах и формах проявления почти всегда една. Связано это, очевидно, с тем важным и еще до конца не проясненным значением, что приписывалось поясу в осмысленном человеком макро- и микрокосмоса.

Обскоугорская мифология именно поясу отводит роль инструмента земного мироздания. Неоднократно опубликован мансийский миф о том, как поднятую со дна моря двумя гадгарами вертящуюся первоземлю остановил Нуми-Торум, обвязав ее поясом с тяжелыми серебряными пуговицами и превратив последний в Уральские горы⁸¹. По северохантыйской редакции этого же мифа, дамургу описанная операция удалась не сразу: из его первого пояса возвысилась лишь возвышенность на правом берегу Оби и только из второго — «рубашечного пояса» — вырос Урал, закрепивший землю⁸². Очевидно, миф был знаком русским первопроходцам, которые в лексику русского языка ввели заимствованный топоним — по данным В. Дала, «Уральский хребет на севере назыв. Камнем и Поясом»⁸³. Неудивительно, если случилось это из-за сходного сакрально-магического отношения к поясу в обеих встретившихся культурах.

Распространенное в архаических обществах представление о вертикальной модели Космоса, имеющего верхний, средний и нижний уровни мироздания, было присуще и западносибирскому населению. Оно хорошо подтверждается фольклорными; этнографическими и археологическими (вплоть до раннежелезной эпохи вглубь) источниками. Форма выражения этой мифологической концепции была самой разной. Одной из наиболее простых и распространенных является «изображение предмета, в самой структуре которого наиболее отчетливо выражено деление на несколько автономных, но сохраняющих стабильное взаиморасположение частей»⁶⁴. Наряду с другими, таким предметом могло быть космическое человеческое тело, разные части которого соответствовали бы различным частям космоса⁶⁵. В монументальной скульптуре скифов, например, являющимся воплощением этой идеи служило членение антропоморфных изваяний на три зоны человеческого тела, каждая из которых метафорически обозначала зону космическую. Пограничными маркерами служили изображения гривы (верхний — средний) и пояса (средний — нижний)⁶⁶. Вполне возможен самостоятельный или заимствованный на скифо-сибирского культурного пласта подобный логический ход и соответствующий ему изобразительный прием в западносибирском искусстве, где опоясанные антропоморфные фигурки далеко не редки, особенно в металлопластике. Это предположение можно подтвердить фактом мировоззрения хантов: мужской пояс делит его обладателя на две равноценные половины, абсолютно симметричные по отношению к верхнему и нижнему мирам⁶⁷. На единую сущность пояса в макро- и микрокосмосе недвусмысленно указывает и уже приведенный выше миф о созидательной роли пояса Нуми-Торума. Ведь именно этот предмет в вертикальной модели Мира отделил средний мир (первоземлю) от нижнего (моря).

Есть еще один распространенный фольклорный сюжет о прямой связи пояса с вертикальной структурой Космоса и Человека. Согласно тувинскому преданию, обитатели верхнего мира «подпоясываются на уровне подмышек»⁶⁸. Эвенки уверены, что небожители носят пояса «выше грудных сосков», люди средней земли — «на обычном месте», а в нижнем мире мертвых — «на бедрах»⁶⁹. Немудрено поэтому, что, взглянув на полавшего к Солнце-старяку героя эвенкийской сказки Нирхушку-Емерхена, обитатели верхнего яруса Вселенной по поясу сразу узнали в нем «человека со среднего мира, со средней земли»⁷⁰. По воззрениям хакасов, у насельников верхней сферы пояс доходил до подмышек, средний — лежал на талии,

нижний — проходил через бедра. Поэтому хакасские шаманы, приобщаясь к духам нижнего мира, надевали пояс очень низко⁹¹. Поведенческая зависимость людей от условий местонахождения в стратифицированном мире среди прочих своих проявлений фиксируется и местом пояса на теле человека.

Функции пограничья, согласно евразийской космогонической арханке, мог выполнять и образ змей (змея), разъединяющей и соединяющей небо и землю — верхний и средний миры⁹². Здесь он очень близок поясу, исполняющему те же обязанности, «этажом ниже» в мифологизированном здании трехчленной Вселенной. Эта близость улавливается, например, на финно-угорских материалах. По данным финского фольклориста М. Кууса, ношение пояса представителями этой языковой семьи могло быть унаследовано от древних обычаев, связанных с ритуальным использованием змей — ведь еще в XVII в. в пояс колдуна зашивали настоящую змею⁹³. Сургутские ханты пояса в виде змей жертвовали Старика-Хозяину змей, приносящему болезни⁹⁴. Не исключено, что логическая смычка «змея-пояс» была знакома и другим сибирским этносам. У кетов, например, существует загадка, построенная именно на этой ассоциации: «Сын змеей обвит» (загадка) — «Пояс» (отгадка)⁹⁵.

Еще один пласт арханческого мировоззрения, тоже, скорее всего, сформированный древними представлениями о Мире, — это взгляд на замкнутое пространство, круг, как на закрытую от воздействия недоброжелательных сил территорию. Этим обусловлено магическое значение прочерченных окружностей, круглых предметов и т. п. (стоит вспомнить по этому поводу хотя бы сражение гоголевского Хомя Брута с летающим гробом). Застегнутый пояс уже своей формой соответствовал роли преграды, препятствия, охранителя включенного внутрь него пространства.

Все эти представления — о тождестве макро- и микрокосмоса, роли змей и пояса в вертикальной модели мироздания, замкнутости круга-Вселенной и круга-пояса, — восходящие в конечном итоге к космогонической арханке человечества, у таежных охотников Евразии, и Сибири в том числе, сформировали во многом сходные взгляды на магически-охранительную функцию пояса. Форма выражения последней была крайне разнообразной:

У хантов, например, поясом защищалась одна из человеческих душ: «хом-суп» — «душа-живот» у женщины и «суп» — «часть» (обозначающая детородный орган) у мужчины⁹⁶. Однако пояс-оберег считался необходимой деталью костюма не

только в мире людей — антропоморфные фигурки духов обско-угорского пантеона подпоясывались в обязательном порядке⁹⁷. Пояс Нумя-Торума, предохраняющий от неблагоприятного воздействия его носителя, а значит, опосредованно, и всех северных манси, назывался последним не иначе как «счастливым» и «счастье дающим»⁹⁸.

Снятие пояса, распоясывание означало разрыв с Космосом, ликвидацию границы между средним и нижним мирами, что было чревато самыми непредсказуемыми последствиями. Особенно сильной вероятностью подвергнуться воздействию злых сил была вне защиты родных стен, очага, домашних духов-покровителей. Скорее всего, именно из этого соображения вкуче, разумеется, с портупейным предназначением пояса, вытекает обычай его надевания перед выходом из дома в дорогу, пусть даже краткосрочную. Так, например, поступали ханты⁹⁹. Ненецкой женщине считалось предосудительным выйти без пояса из чума¹⁰⁰. В прошлом, очевидно, существовали нормы поведения, запрещающие распоясывание на охоте. Намек на это содержится в одной из мансийских сказок об Эква-Пырице, где менквы решаются распустить пояса лишь по возвращению с охоты¹⁰¹. Смерть, переход в иной мир — это тоже своеобразная дорога, где пояс также необходим. Здесь его липостась межуровневого маркера стратифицированного Мира наиболее полно находят свое выражение в функции оберега. На медвежьем празднике, где понятия «медведь» — «человек», «медвежий праздник» — «Погребальный обряд» синонимичны, зверю перед его ритуальным убийством обязательно надевали два плетеных пояса¹⁰². Функция защитника, при наличии всех прочих, была, очевидно, главнейшей для включения пояса в состав погребальной одежды. Это соображение дает основание предполагать соответствие половозрастной структуры обладателей поясов в позднесредневековых могильниках реальному составу этой категории живого социума эпохи.

Лишение пояса, то есть магической защиты, могло быть как принудительным, так и добровольным. Подобно обычаям греческих героев эпохи Гомера, для которых желанной добычей был доспех поверженного врага, правило снимать пояс побежденного существовало и у воинов-сибиряков. Очевидно, здесь доминирующим мотивом была демонстрация превосходства собственных физических и сакральных возможностей вкуче с желанием присвоить себе магическую силу врага. Например, в селькупской сказке «Тыссия» герой узнает убийцу отца по отцовскому поясу на нем и старается предпринять все действия для возвращения этого пояса¹⁰³. Однако наряду с

этим снимание пояса могло быть и добровольным. Этот акт требовался в случаях нарочитой демонстрации бессилия, доступности постороннему воздействию, открытости намерений. По сообщению М. Г. Воскобойникова, у эвенков «в качестве послов могли быть древние старики и женщины. При подходе к враждебному лагерю послы обязаны были махать поясами, — это обозначало, что они идут без боевого оружия»¹⁰⁴. Какое оружие могло быть у «древних стариков и женщин?». Смысла этого обычая, конечно же, иной. Распоясывание как стремление к контакту с потусторонними силами требовалось при гадании. Как знак соумирания, добровольного лишения себя защитной силы, можно, наверное, рассматривать снятие пояса в трауре, бытовавшее, например, у хантов¹⁰⁵. Этот же акт показательной покорности чужой силе был необходимым элементом свадебной обрядности. Вот полные высокой лирики строки фольклора из собрания С. Паткалова: «...Мой девственный пояс я не дам тебе развязать среди темнодревесного урмана. Когда мы приедем в священный город, тогда развяжи мой девственный пояс»¹⁰⁶. Очевидно, обладание поясом женщины было серьезным, а может быть, и достаточным основанием для претензий на брак с ней. В немецком эпосе имеется повествование, в котором герой, найдя утерянный женщиной пояс, женится на ней¹⁰⁷. Семантика этого сюжета представляется весьма близкой содержанию мифов о снятии пояса у поверженного врага: его потеря приводила к утрате покровительства Неба и магической силы, повиновению новому владельцу пояса.

Актом добровольной передачи всей или части заключенной в поясе сакральной и социальной силы следует, наверное, признать обряды его жертвоприношения. В Среднем Приобье они прослежены еще с периода раннего средневековья. В релкинских могильниках пояса «находят в ногах погребенного, среди костей жертвенного животного»¹⁰⁸. Поясные накладки и пряжки не редки среди инвентаря так называемых «кладов» той эпохи, часто интерпретируемых в качестве прикладов с культовых мест¹⁰⁹. Функция пояса-жертвы устойчиво сохранялась до позднесредневекового времени и вплоть до этнографической современности. Она хорошо фиксируется в некоторых селькупских памятниках: например, в Бедеревском Бару II, где свернутый пояс был уложен вдоль тела погребенного, или в Путяке, где эта деталь одежды лежала на перекрытии погребального сооружения. Ханты, как это уже отмечалось, жертвовали пояса духу — хозяину змеи¹¹⁰ и Мир-Сусис-Хуму¹¹¹ или же использовали их в качестве не прямой жертвы.

а сопроводительного предмета — например, привязывали ими к шесту куски жертвенного холста¹¹². Фактом принесения в дар своей жизненной силы обладатель пояса не только добивался определенных благ со стороны объекта дарения, но и укреплял его мощь и статус.

Впрочем, иногда в описании роли пояса в устном наследии встречаются и логические несоответствия, вызванные, возможно, неудачной литературной обработкой источника или забвением носителями фольклора смысла повествования. В качестве примера можно привести эвенкийскую сказку «Мани» в обработке М. Ошарова о погоне людоеда за двумя сестрами, в ходе которой для задержания чудовища преследуемые используют различные магические амулеты-обереги: оселок, грабец и пр. Все усилия, однако, остаются безрезультатными до тех пор, пока девушки не скидывают свои пояса, ослепляющие людоеда и спасающие таким образом своих хозяек¹¹³. Здесь рельефно выступает охранительная роль пояса, но нелогично его снятие в условиях грозящей опасности.

Местом сосредоточения магической силы пояса были его нашивки, подвески и, наверное, пряжки. Еще в начале нашего столетия ношение хантами на поясе медвежьего клыка было явлением повсеместным¹¹⁴. Металлические поясные нашивки и подвески у дорусского населения Западной Сибири бытовали очень широко, а пряжки «были предметом шегольства и гордости»¹¹⁵. Ханты-мужчины «низко повязанным и богато украшенным поясом с многочисленными свисающими металлическими цепочками и подвесками» прикрывали свой детородный орган — место обитания пятой души¹¹⁶. Не исключено, что истоки ношения на поясе металлических украшений в качестве оберегов уходят корнями в скифо-сибирский круг культур, где имел место обычай прикреплять к поясу зеркало — вещь с ярко выраженным сакральным содержанием¹¹⁷.

Фольклорные данные позволяют не только уверенно определять поясной гарнитурой роль вместилища сакральной силы, но и поставить под сомнение устоявшееся мнение о строго заданном количестве этих украшений, предписанном социальным статусом его носителя. Очевидно, в некоторых случаях, когда охранительная функция пояса выступала на первый план и затеняла на какое-то время его вторую — социально-символическую — роль, количественная и качественная регламентация поясной гарнитуры могла нарушаться. Например, ханты Ваха на период их военных столкновений с ненцами привязывали к поясу дополнительные подвески¹¹⁸. Это наблюдение заставляет усомниться в выводах о социально-иерархи-

ческом месте погребенных, если они делаются единственно из сравнения поясов.

К эпохе позднего средневековья, а тем более к этнографической современности наблюдается увеличение разнообразия предметов, используемых в поясной гарнитуре. Ими могли быть: разноразмерные и разноформенные бляхи и бляшки, кольца, пуговицы, колокольчики и даже монеты и ключи. Параллельно происходила также замена металлических нашивок и подвесок пояса бисерным шитьем. Помимо других причин этих процессов, основной, скорее всего, являлась постепенное подавление декоративной функцией поясного набора его сакрального содержания. В ретроспективе, однако, видно иное — более бережное и уважительное — отношение к предметам поясной гарнитуры. Очевидно, именно потребность в их магической защите обусловила в прошлом ношение воинами двух поясов, один из которых в роли подпояски или кортулен выполнял утилитарную функцию, а другой использовался для крепления металлической гарнитуры, служа семиотическим знаком. Эта воинская традиция отмечена для периода раннего средневековья в разных регионах Западной Сибири: Барабе¹¹⁹, Алтае¹²⁰, Верхнем¹²¹ и Среднем¹²² Приобье. Вглубь она прослеживается до скифо-сарматской эпохи и далее — до событий «Авесты»: среди 12 предметов экипировки авестийского воина упоминаются «пояс с колчаном» и «пояс для книжка-ла»¹²³.

Если же затрагивать проблему бытования наборных поясов в Среднем Приобье, то необходимо отметить мнение Л. А. Чиндиной, считающей их результатом тюркского влияния в эпоху раннего средневековья. Это с достоверностью следует из материалов релкидских могильников и святилищ¹²⁴. Однако, учитывая факт появления наборных поясов в южносибирских и центральноазиатских степях еще в начале I тыс. до н. э.¹²⁵, а также постоянные и интенсивные лесостепные контакты на протяжении всего раннежелезного века, такая полуторатысячелетняя задержка проникновения наборного пояса на север представляется маловероятной. Скорее всего, впервые в Среднем Приобье он появился действительно с юга, вскоре после своего быстрого утверждения в кочевнической среде — на васюганском этапе кулайской культуры. В материалах Карбинского городища-I V—III вв. до н. э. уже сейчас известно шесть предметов поясной гарнитуры — обойма и зооморфные нашивки¹²⁶. Очевидно, таежная зона Приобья вместе с Тувой и степным Алтаем в раннем железном веке входила в зону распространения «поясов с бляхами в зверном стиле и бабочковид-

вых»¹²⁷. Обнаружение кулайских могильников значительно продвинуло бы вперед разрешение этого вопроса.

Магическая сила пояса могла, очевидно, не только уменьшаться или исчезать вовсе, а при определенных условиях и увеличиваться, укрепляться. Быть может, фольклорное подвешивание голов и скальпов убитых врагов к поясу определено не только портупейными функциями последнего, но и стремлением победителя «перенести» на свой пояс жизненные силы побежденного, сосредоточенные, согласно архаическому мировоззрению, в голове и волосах. Впрочем, в этом случае, как и во многих других, магически-охранительные функции пояса выступают в гармоничном единстве с социально-маркирующими — ведь каждый скальп или голова на поясе победителя могли не только способствовать возрастанию могущества его пояса, но и значительно повышать социальный статус воина.

Продолжая тему сакральности пояса, необходимо отметить следующий нюанс. Стало общепринятым объяснять лишь социальными причинами половозрастные отличия распределения поясов в погребениях. Полностью признавая этот фактор, нельзя упускать из виду, что выступать он может опосредованно. Отсутствие пояса-оберега у какой-то части населения — например, детей, незамужних женщины — показывает прежде всего отсутствие у них духов-покровителей. А уж последнее, как это многократно подтверждено сибирской этнографией, находится в прямой зависимости от социального статуса человека: чем он выше — тем многочисленнее и сильнее духи-охранители — тем ярче это подчеркнуто семантикой пояса.

В сумме многих значений пояса первичной была его охранительная функция. Мыслиться же она со временем стала в двух конкретных выражениях, в форме приписывания обладателю этой детали одежды сверхъестественной силы — физической и (или) сакральной. Таким образом, пояс превратился в знак силы.

Придание им своему владельцу гипертрофированных физических возможностей хорошо вырисовывается из мансийской «Медвежьей песни о храброй старухе». Увидев медведя,

«Взмолилась старуха богу:
— Батюшка Нуми-Торым,
Преврати меня в мужчину,
Опоясанного двумя ремнями.
Хочу казнить я

могучего зверя...

Разрывает она
Свой шелковый плагон

с длинными кистями

И подпоясывается его лангатами,
Или мужина ремнями».

После этого храбрая старуха безбоязненно и легко убивает медведя¹²⁸. В ненецком фольклоре неоднократно сюжет, когда наблюдающие за долгим поединком судят об обессиливании героя-богатыря по мере спадания у него пояса¹²⁹. Например, в эпическом произведении «Лад Сэр» подчеркивается, что перед битвой богатырь специально подвязался «железным поясом», по опусканию которого окружающие и судят о слабости воина¹³⁰. Здесь очень заметно перекликанье с другим уже упомянутым популярным фольклорным сюжетом — о разных способах ношения пояса обитателями среднего и нижнего миров. Опускание пояса есть не что иное, как постепенная утрата его покровительства, переход из царства живых в обитель мертвых.

Космологические представления о поясе придали мне при сохранении магической символики ярко выраженную социальную знаковую и значимость. Именно пояс в раннеклассовых обществах стал паспортизировать место носителя в военной и административной иерархии; стал знаком силы. Примеры этого распространенного явления в мировой культуре столь многочисленны, что не требуют здесь своего перечисления¹³¹. Отметим, что для Евразии время зарождения социально-знаковой сущности пояса определяется скифской эпохой¹³². Стоит вспомнить по этому поводу хотя бы легенду о происхождении скифов, согласно которой Геракл завещал царство над ними, кто в числе прочих условий сможет опоясаться его поясом. В Среднем Приобье пока аргументирована лишь точка зрения о раннесредневековом бытовании пояса в роли социального или половозрастного маркера. В могильниках этой эпохи — Релке, Архиерейской Заливке и др. — пояса встречены в могилах, по обряду погребения и инвентарю интерпретируемых как воинские¹³³.

При общей тенденции установления приоритета военно-социальной функции пояса в евразийских культурах железного века у таежного и степного населения имелись определенные локальные своеобразия. Вряд ли в западносибирском средневековье значение пояса как маркера именно в военной иерархии было столь довлеющим, как на юге. По крайней мере, этнографические и фольклорные источники определяют роль его социально-знаковой сути гораздо шире. Он мог, например, выражать высокий социальный уровень старших мужчин рода. Среди культовых прикладов обских угров известны «богатырские пояса», изготавливаемые мужчинами «на последнем эта-

пе жизни». «Это была своеобразная заявка (надежда) на почитание после смерти, на жизнь после смерти»¹³⁴. Пояс также служил ярким знаком половой принадлежности носителя. Практически все исследователи традиционной одежды дорусского населения Западной Сибири и Крайнего Севера отмечают различия в материале, декоративном оформлении или способах ношения поясов между мужчинами и женщинами¹³⁵.

Таким образом, социально-знаковая сущность пояса в позднесредневековых обществах Западной Сибири была не менее полисемантна, чем его сакрально-знаковая роль. Эта сущность, однако, была строго предопределена местом носителя пояса в структуре общества и легко «читалась» как им самим, так и его окружением. Не мудрено поэтому, что фольклорные сказители использовали простой, но эффективный прием — характеристику героя повествования заменяли упоминанием или кратким описанием его пояса. Так в героической «Сказке про Вяц-Отыра богатыря» при подготовке героя к битве информатор считал необходимым отметить лишь три детали воинского снаряжения: кольчугу, плетеный наголовник и «пояс, дятловыми носами украшенный»¹³⁶. При изложении энецкой легенды «Морраде и сказочные люди» рассказчик при описании амука (дьявола) отметил лишь пояс с большими медными пуговицами. Кроме этой детали нет ни слова об одежде; неизвестно, был ли амука одет вообще¹³⁷. Однако указания на пояс с металлодекорировкой хватило, чтобы передать мощь противника. Этот же прием употреблялся и в дорусской (дохристианской) витроповнике, особенно при именовании богатырей: в энецком фольклоре известны герои-богатыри Аяб-ныайо — «Свинцовый Пояс» и Няра-ныайо — «Медный Пояс», в ненецком — Еся Нн Логэй — «Пояс с Железными Украшениями»¹³⁸. Имя — личный знак со значительным социальным андементом. В приведенных примерах имя и пояс, имеющие единое семиотическое содержание, слиты.

Пояса позднесредневекового населения Нарымского Приобья (селькупские) по формам, функциональному назначению и семантическому наполнению не представляют собою исключительного явления, а находят многочисленные и прочные аналоги в культурах других дорусских этносов Западной Сибири и Крайнего Севера. Объяснить это можно близостью как материальной культуры в эту эпоху, так и идей по отношению к отмеченной детали одежды. По этой причине у селькупов, как, например, и у хантов¹³⁹, пояса не могут быть этномаркирующим признаком. Хотя по своему оформлению наиболее близкие связи они обнаруживают с поясами северных самодейцев.

В какой-то мере, очевидно, пояса могут отражать социальную стратификацию селькупского общества. На это предположение наталкивает, прежде всего, факт их отсутствия в списке постоянного сопроводительного инвентаря: соотношение числа погребенных и количества обнаруженных поясов в могильниках Карбинском II составляет 3:1; Бедеревский Бор II — 8:1, Тискинском — 6:1. Из этого, вроде бы, следует, что ношение пояса (или присутствие его в погребальной одежде?) — это, скорее, привилегия избранных, чем право всех. Да и материал некоторых погребений, например, в могильнике Путыка, подчеркивает связь: богатый пояс — в нерядовой могиле. Но, с другой стороны, четкой зависимости внешнего вида пояса или даже факты его наличия от объема и ценности погребального инвентаря либо обряда погребения не прослеживается. Очевидно, для позднесредневековой эпохи Нарымского Приобья необходимо констатировать значительную утрату социомаркирующей роли поясов, столь заметную в раннем средневековье. В мировоззрении и быте селькупов, как и в общемировой культуре, пояс обладал суммой многих значений — магически-охранительных и социально-маркирующих, — выступающих в органическом единстве. Здесь весь корпус археологических, фольклорных и этнографических источников неопровержимо подчеркивает большую близость семантической нагрузки и отношения к нему на всей территории позднесредневековых Западной Сибири — Крайнего Севера, с одной стороны, и в скифских культурах — с другой. Учитывая мнение о появлении пояса в зоне тайги от южносибирских кочевников в эпоху раннего железа — раннего средневековья, следует, очевидно, констатировать и параллельное с этим проникновение идей и представлений, с ним связанных. В позднесредневековое время у дорусского населения Западной Сибири более рельефно выступает магически-охранительная функция пояса. Он становится ярким и многозначным символом жизни, благополучия («Тяжело тебе будет, будешь мучиться... пояс себе будешь делать тальниковый», — одна из формул мрачного предзнаменования)¹⁴⁰, оберегом человека на долгой дороге его существования в этом и потустороннем мирах. Именно в такой функции он использовался как деталь одежды покойного у селькупов и их соседей. Впрочем, роль пояса в погребальной обрядности могла более или менее не совпадать с теми функциями, что были предписаны ему среди живых носителей культуры (например, в социально-знаковой области), поскольку семантическая многослойность предмета обуславливает, как правило, проявление его сущности выборочно, в зависи-

мости от конкретных условий нахождения. Учитывая, что еще один элемент сопроводительного инвентаря — котел — у западносибирских этносов тоже использовался в роли превентивного оберега покойного¹¹, можно отметить важнейшую идею погребального обряда позднесредневековой эпохи — идею необходимости магически-предохранительных мер при переходе из мира живых в обитель мертвых.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Прыткова Н. Ф. Одежда народов самодийской группы как исторический источник // *Одежда народов Сибири*. Л., 1970, с. 82.
2. Дульзон А. П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // *Учен. зап. Томск. гос. пед. ин-та*, Томск, 1958, т. X, с. 127—334; Он же. Пащанский курганный могильник // *Учен. зап. Томск. гос. пед. ин-та*. — Томск, 1955, т. XIV, с. 230—250; Он же. Археологические памятники Томской области // *Тр. Томск. обл. краевед. музея*, Томск, 1956, т. V, с. 89—316; Он же. Остяцкий курганный могильник XVII века у села Молчаково на Оби // *Учен. зап. Томск. гос. пед. ин-та*, Томск, 1957, т. XVI, с. 443—466.
3. Молодин В. И. Кыргытская могильня. — Новосибирск, 1979.
4. Плетнева Л. М. Томское Приобье, в позднем средневековье (по археологическим источникам). Томск, 1990.
5. Молодин В. И., Соболев В. И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск.
6. Благодарим Г. И. Гребневу за любезно предоставленную возможность использовать неопубликованные материалы ее раскопок.
7. Бояршинова Э. Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. — Томск, 1960; Палих Г. И. Происхождение селькупов. — Томск, 1972; Она же. Селькупы XVII века (черты социально-экономической истории). — Новосибирск, 1981; Хелимский Е. А. Ранние этапы этногенеза и этнической истории самодийцев в свете языковых данных // *Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов*. — Омск, 1988, с. 5—10; Чиндяна Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (религиозная культура). — Томск, 1991, с. 117—130.
8. Прыткова Н. Ф. Одежда народов самодийской группы... с. 68.
9. Палих Г. И. Происхождение селькупов... с. 18.
10. Боброва А. И. Отчет о полевых исследованиях Среднеобского отряда АЭ ТГУ на р. Тым в Каргасокском районе Томской области. Архив Муз. археологии и этнографии Сибири Томск. гос. ун-та, № 1079, с. 27.
11. Гребнева Г. И. Отчет об археологических исследованиях Кетского отряда летом 1978 года. Архив Муз. археологии и этнографии Сибири Томск. гос. ун-та. № 688, с. 26.
12. Напр.: Луккина Н. В. Формирование материальной культуры хантов. Томск, 1985, с. 195.

13. Половозрастные определения выполнены В. А. Дремовым. А. Р. Намом (Томский университет).
14. Плетнева Л. М. Томское Приобье... с. 49, 63, 67; Молодин В. И. Кыштовский могильник... с. 27, 35, 58.
15. Пепих Г. В. Промскоюденне селькупов... с. 18.
16. Алексеев В. А. Кеты. Историко-этнографические очерки. — Л., 1937, с. 52.
17. Куламаня В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты. — Томск, 1977, с. 60.
18. Лукина Н. В. Формирование материальной культуры... с. 50.
19. Плетнева Л. М. Томское Приобье... с. 68.
20. Боброва А. И. Отчет о полевых работах Среднеобского археологического отряда, летом 1979 г. — Архив Муз. археологии и этнографии Сибири Томск. гос. ун-та, № 810, с. 50, 54, 81, 112.
21. Плетнева Л. М. Томское Приобье... с. 58, 68; Молодин В. И., Соловьев А. И. Бараба в эпоху позднего средневековья... с. 142.
22. Дульзон А. П. Остяцкий курганный могильник... с. 480; Он же. Остяцкие могильники XVI и XVII веков у села Молтакова на Оби // Учен. зап. Томск. гос. пед. ин-та. — Томск, 1955, т. XIII, с. 150, табл. X—B.
23. Он же. Археологические памятники, с. 163.
24. Гребнева Г. И. Отчет об археологических исследованиях Кетского отряда летом 1960 г. — Архив Муз. археологии и этнографии Сибири Томск. гос. ун-та, № 843, с. 39—40.
25. Молодин В. И. Кыштовский могильник, с. 20, 24.
26. Кутафьев П. Н. Отчет об археологических исследованиях по Нарымскому округу за 1938 год. Т. II — Архив Колпашевского краевед. муз., с. 5.
27. Дульзон А. П. Остяцкий курганный могильник... с. 477.
28. Гребнева Г. И. Отчет об археологических исследованиях Кетского отряда летом 1962 года. — Архив Муз. археологии и этнографии Сибири Томск. гос. ун-та, № 853, с. 21.
29. Боброва А. И. Отчет... 1969 г., с. 10.
30. Фонды Муз. археологии и этнографии Сибири Томск. гос. ун-та.
31. Дульзон А. П. Поздние археологические памятники... с. 241.
32. Гребнева Г. И. Отчет... 1960 г., с. 19.
33. Боброва А. И. Отчет... 1969 г., с. 32.
34. Дульзон А. П. Поздние археологические памятники... с. 271.
35. Он же. Остяцкий курганный могильник... с. 470, 472.
36. Он же. Пачантский курганный могильник... с. 247.
37. Он же. Остяцкий курганный могильник... с. 481.
38. Гребнева Г. И. Отчет об археологических исследованиях Кетского отряда, летом 1977 г. — Архив Муз. археологии и этнографии Сибири Томск. гос. ун-та, № 793, с. 20.
39. Дульзон А. П. Остяцкий курганный могильник... с. 449.
40. Гребнева Г. И. Отчет... 1960 г., с. 17.
41. Дульзон А. П. Поздние археологические памятники... с. 241, 218.
42. Прыткова Н. Ф. Одежда народов самодийской группы... с. 68; Лукина Н. В. Формирование материальной культуры... с. 50.
43. Там же, с. 25.
44. Дульзон А. П. Поздние археологические памятники... с. 251.
45. Гребнева Г. И. Отчет... 1977 г., с. 11, 16.

66. Медведев В. Е. Приамурье в конце I — начале II тысячелетия. Чжурчженская эпоха. Новосибирск; Наука, 1986, с. 109, рис. 50, 20, 22; рис. 59, 4.
67. Боброва А. И. Полевая документация Среднеобского отряда АЭ ТГУ по раскопкам на р. Тым Наргасакского района. 1990 г. — Архив Муз. археологии и этнографии Сибири Томск, гос. ун-та.
68. Терминология А. П. Дульзона. См.: Дульзон А. П. Поздние археологические памятники... с. 251.
69. Гребнева Г. И. Отчет... 1977 г., с. 12.
70. Дульзон А. П. Поздние археологические памятники... с. 251.
71. Боброва А. И. Отчет... 1989 г., с. 27.
72. Прыткова Н. Ф. Одежда народов самодийской группы... с. 88.
73. Боброва А. И. Полевая документация... 1990 г.
74. Дульзон А. П. Остицкий курганный могильник... с. 459.
75. Там же, с. 467.
76. Там же, с. 472.
77. Там же, с. 470.
78. Реконструкция пояса, по которой приводится описание, выполнена автором раскопок Г. И. Гребневой.
79. Высок А. А. Монеты Югтя. Л.: Сов. худ.-к, 1969.
80. Дульзон А. П. Остицкий курганный могильник... с. 467, 470, 472.
81. Боброва А. И. Отчет... 1989 г., с. 27.
82. Прыткова Н. Ф. Одежда народов самодийской группы... с. 26.
83. Там же, с. 39.
84. Там же, с. 80.
85. Попова А. А. Нганасаны. М. Л., 1949, с. 114.
86. Кузнецов В. М., Луккина В. В. Васюганско-вахомские ханты... с. 100.
87. Дадь В. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1956, т. III, с. 376.
88. Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М., 1968, с. 598; Словарь русского языка. — М., 1967, т. III, с. 350.
89. Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племени тагарской культуры. — М., 1987, с. 90.
90. Луккина Н. В. Формирование материальной культуры... с. 50, 51, 149; Пелих Г. И. Происхождение селькупов... с. 30 и др.
91. Дульзон А. П. Кетские сказки и другие тексты // Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты. — М., 1983, с. 127; Мифологические сказки и исторические предания эвенков // Зап. введ. и комм. В. О. Долгих. — М., 1981 // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. — Нов. сер., т. XVI, с. 187, 190; Луккина Н. В. Формирование материальной культуры... с. 189.
92. Кашисто А. Материалы по мифологии вогул. Хельсинки, 1939. Пер. Р. А. Моссиенко. ГИИТЕ СО РАН. Пер. № 14332/1. Новосибирск, 1969. Рукопись, с. 182; Мифологические сказки... эвенков... с. 147.
93. Луккина Н. В. Формирование материальной культуры... с. 50.
94. Дульзон А. П. Кетские сказки и другие тексты // Учен. зап. Томск. гос. пед. ун-та. Томск, 1983, т. XXII, с. 110, 112.
95. Добжанский В. Я. Наборные пояса кочевников Азии. — Новосибирск, 1990, с. 12.
96. Мифологические сказки... эвенков... с. 136.
97. Луккина Н. В. Формирование материальной культуры... с. 189.
98. Руденко С. И. Предметы из остицкого могильника возле Об.

дорская //Матер. по этнографии России. — СПб, 1814, т. II, с. 47, 48.

79. Лукина Н. В. Формирование материнской культуры... с. 155, 156.
80. Там же, с. 158.
81. Карамайкин К. Ф. Религия угорских народов. — Хельсинки, 1932, т. II. Пер. Н. В. Лукиной. Муз. археологии и этнографии Сибири Томск. гос. ун-та, № 985. Томск, 1984. Рукопись, с. 254; Чернецов В. Н. Вогульские сказки. — Л., 1935, с. 25, 26; Мифы, предания, сказки хантов и манси. — М., 1990, — с. 297, 298.
82. Карамайкин К. Ф. Религия... с. 296.
83. Дала В. Толковый словарь... с. 376.
84. Раевский Д. С. Скифские наметные изваяния в системе религиозно-мифологических представлений ираноязычных народов. Евразийских степей //Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. — М., 1963, с. 51.
85. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. — М., 1976, с. 212.
86. Раевский Д. С. Скифские наметные изваяния... с. 51, 52.
87. Переманова Е. В. Эротика в культуре хантов //Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург, 1992, с. 90, 91.
88. Давлет М. А. Загадка грозной мастерии //Атеистические чтения. — М., 1990. Вып. 19, с. 38.
89. Суянов Н. М. Материалы по шаманскому у эвенков в бассейне р. Енисей. 1835 г. /Статья. Архив Муз. антропологии и этнографии, ф. 1, оп. 1, д. 60, л. 1—3.
90. Сказки народов Севера. — М.-Л., 1959, с. 224.
91. Урманова М. С. Дохристианские верования халасов в конце XIX — начале XX вв. На кандидатская диссертация. Архив Муз. археологии и этнографии Сибири Томск. гос. ун-та, № 876. Томск, 1982, с. 26.
92. Мифы народов мира. Энциклопедия. — М., 1987, т. I, с. 469.
93. Лавров Н. А. О древних магических оберегах (по древним иранельскому фольклору) //Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. — Л., 1977, с. 79.
94. Карамайкин К. Ф. Религия... с. 153, 205.
95. Крейлович Е. А. Кетские загадки //Кетский сборник. Мифология. Тексты. Этнография. — М., 1989, с. 228.
96. Переманова Е. В. Эротика в культуре... с. 90.
97. Карамайкин К. Ф. Религия... с. 14.
98. Мифы... хантов и манси... с. 801—802.
99. Лукина Н. В. Формирование материнской культуры... с. 165.
100. Эпические песни ненцев. — М., 1966, с. 748.
101. Чернецов В. Н. Вогульские сказки... с. 44.
102. Васильев В. А. Медвежий праздник //Сов. этнография, 1949, № 4, с. 109.
103. Сказки народов Севера... с. 151—159.
104. Васкобойников М. Г. Эвенкийские народные предания — Улгурил //Язык и фольклор народов Крайнего Севера. — Л., 1965, с. 24.
105. Лукина Н. В. Формирование материнской культуры... с. 165.
106. Патякин С. Три остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. — СПб, 1891, с. 59.
107. Эпические песни ненцев... с. 664—674.
108. Чалдыня Л. А. История Среднего Приобья... с. 109.

109. Там же, с. 36, 37.
110. Карьялайнен К. Ф. Религия... с. 163, 206.
111. Гемус Н. Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск, 1980, с. 109, 196.
112. Карьялайнен К. Ф. Религия... с. 49.
113. Ошаров М. Тунгусские сказки // «Сибирские огни», 1933, № 9—10, с. 173.
114. Руденко С. И. Предметы... с. 46, 47.
115. Прыткова Н. Ф. Одежда народов самодийской группы... с. 26.
116. Перезацова Е. В. Эротика в культуре... с. 90.
117. Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история... с. 91, 92; Куанецова Т. М. Этюды по скифской истории. — М., 1991, с. 19, рис. 3; и др.
118. Луккина Н. В. Формирование материнской культуры... с. 169, 200.
119. Молодин В. И., Чижикова Т. А. Погребение воина IV—V вв. н. э. в Барабе // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990, с. 193.
120. Гаврилова А. А. Могильник Кудурге как источник по истории алтайских племен. — М.-Л., 1965, с. 39.
121. Троицкая Т. Н. Красный Яр 1 — памятник позднего железного века // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск, 1978, с. 111—112.
122. Чиданова Л. А. Могильник Релма на Средней Оби. Томск, 1977, с. 120.
123. Ажишев А. К. Костюм «золотого человека» и проблема катафрантария // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981, с. 59.
124. Чиданова Л. А. Могильник Релма... с. 36, 39; Она же. История Среднего Приобья... с. 32, 33, 36, 37, 77.
125. Добжанский В. Н. Наборные пояса... с. 4, 16.
126. Яковлев Я. А. Нарбинское городище 1 — памятник раннего железного века Среднего Приобья // Жилища народов Западной Сибири. Томск, 1981, с. 120—123.
127. Добжанский В. Н. Наборные пояса... с. 44.
128. Авдеев Н. Н. Песни народа манси. Омск, 1936, с. 71; Мифы... хантов и манси... с. 322.
129. Эпические песни ненцев... с. 345.
130. Там же, с. 634.
131. Добжанский В. Н. Наборные пояса... с. 47—51, и др.
132. Там же, с. 51.
133. Чиданова Л. А. Могильник Релма... с. 120; 121; Она же. История Среднего Приобья... с. 108—109.
134. Гемус Н. Н. Мировоззрение манси... с. 109, 196.
135. Прыткова Н. Ф. Одежда народов самодийской группы.; Луккина Н. В. Формирование материнской культуры... с. 44—51, 196—199, и др.
136. Чернецов В. Н. Вогульские сказки... с. 136.
137. Мифологические сказки... ненцев... с. 129.
138. Там же, с. 136; Эпические песни ненцев... с. 746.

139. Лукина Н. В. Формирование материальной культуры... с. 195—198.
140. Сказки народов Севера... с. 220.
141. Яковлев Я. А., Воброви А. И. К вопросу о роли и значении погребального инвентаря поднесредневекового населения Приобья: нотал. (В печати).

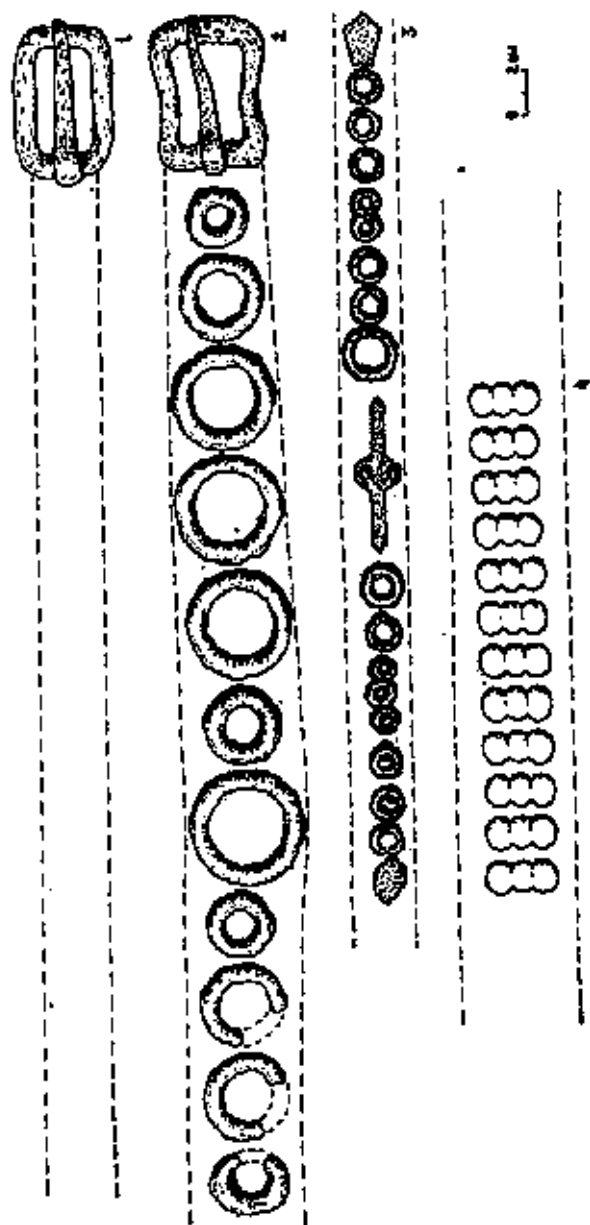

Рис. 1. Пояса группы I, II. 1. — группа I. (Тислянская мог., кург. 4, погреб 91.); 2 — группа II, отдел I, тип А (Тислянская мог., кург. 9, погреб 6); 3 — группа II, отдел I, тип В (Федоровский мог., кург. 4, погреб. 2); 4 — группа II, отдел 2, тип В (мог. Бедеревский Бор II, мог. 4).

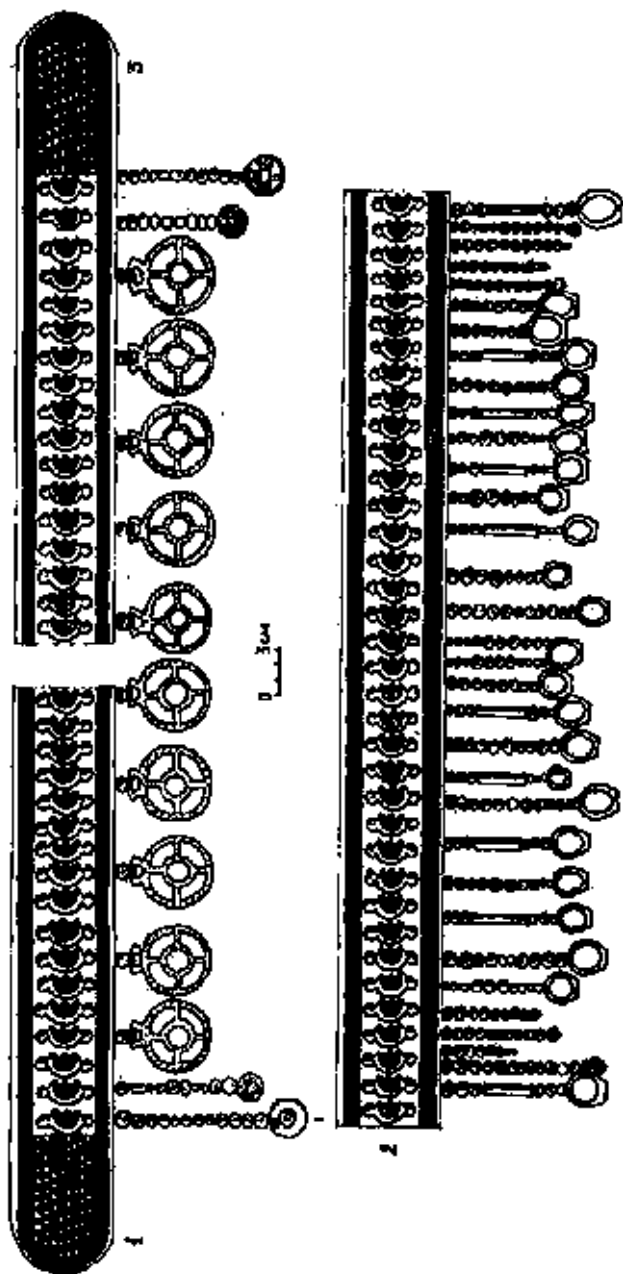

Рис. 2. Пожс группы III. отдела 2. тип. Б. варианта а (мог. Путьма).

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ ПРЕДМОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КУРГАНА-КЛАДБИЩА САЛОГОВО-II.

Изучение вопросов истории военного дела и оружия является одной из самых актуальных задач в средневековой археологии Кузнецкой котловины. В этом аспекте большой интерес представляет комплекс вооружения из одиночного кургана Салогово II, который был раскопан Кузнецким отрядом ЮСАЭ КемГУ в 1991—1992 годах. Предварительно памятник был интерпретирован как курган-кладбище самодийскоязычных аборигенов Кузнецкой котловины и датирован концом X—XII вв. н. э. (1, с. 48; 2, с. 17). В основу классификации предметов вооружения были положены принципы, апробированные в работах Ю. С. Худякова, С. П. Нестерова, И. Л. Кызласова и А. И. Соловьева, исследовавших средневековое оружие у населения Центральной Азии, Южной и Западной Сибири (3—10).

Комплекс вооружения из кургана-кладбища Салогово II представлен оружием дистанционного боя (лук, наконечники стрел), оружием ближнего боя (сабля, копье, боевые топоры, топоры-тесла, ножи), а также средствами защиты.

Луки. Относятся к группе сложносоставных, о чем свидетельствуют находки пяти костяных накладок (1 фронтальная и 4 боковые срединные), которые подразделяются по конструкции на два типа. Реконструкция типов лука из кургана-кладбища Салогово II в достаточной мере условна, так как находки костяных накладок были сделаны в разных местах насыпи кургана, вне закрытых комплексов. *Тип 1.* С боковыми срединными накладками. Бытовали на территории Минусинской котловины в VI—X вв., а также от Восточного Казахстана до Тувы, в IX—X вв. (6, с. 71; 8, с. 181; 5, с. 21). *Тип 2.* С центральной фронтальной и боковыми срединными накладками. Подобные типы луков бытовали на территории Минусинской котловины, Алтая, Тувы и Западной Сибири в IX—X вв. (6, с. 73; 8, с. 170, 181; 5, с. 21).

Лишь в одном случае, при расколках кургана, был зафиксирован железный фрагмент колчанного крюка. Способ крепления которого установить не удалось, по причине плохой сохранности.

Наконечники стрел. Все обнаруженные наконечники стрел по способу насада относятся к черешковым, а по материалу изготовления разделяются на железные и костяные. При классификации наконечники стрел подразделялись по сечению пера — на группы, а по форме пера — на типы. Железные наконечники стрел делятся на следующие группы и типы.

ГРУППА I. Трехлопастные (9 экз.). Насчитывает шесть типов. *Тип 1.* Асимметрично-ромбические, с упором и тупоугольным острием (1 экз.). Бытовали с конца 1 тыс. н. э. до XII в. на территории от Восточного Казахстана до Прибайкалья (5, с. 36; 10, с. 32). *Тип 2.* Удлиненно-ромбические, с упором (1 экз.). Бытовали на территории от Восточного Казахстана до Монголии в VI—XII вв. (6, с. 103). *Тип 3.* Вытянуто-пятиугольные, с упором (1 экз.). Были в употреблении на территории Минусинской котловины, Тувы в VI—XII в., Прибайкалья и Забайкалья с VI по X вв. (6, с. 103; 10, с. 13, 34). *Тип 4.* Удлиненно-пятиугольные, с упором (1 экз.). Встречается в кыргызских древностях и на территории Прибайкалья в VI—X вв. (10, с. 30). *Тип 5.* Вытянуто-пятиугольные, с упором и поджатием сторон (2 экз.). Ближайшие аналоги встречены в Забайкалье, IX—X вв., классифицируемые как «пентагаммные» (10, с. 53). В одном случае поджаты боковые, в другом — ударные стороны, с вырезами у плечиков. Ударные части расширены. *Тип 6.* Удлиненно-шестиугольные, с упором (1 экз.). Наконечник с вытянутой остроугольной ударной частью и короткими боковыми, слегка поджатыми, сторонами. Подобная конструкция, но в группе двухлопастных, встречена на территории Забайкалья в IX—X вв. и Тувы X—XII вв. (10, с. 55; 3, с. 107).

ГРУППА II. Трехгривно-трехлопастные (4 экз.). Насчитывает четыре типа. *Тип 1.* Удлиненно-ромбические, с упором (1 экз.). Бытовал на территории Минусинской котловины, Тувы, Казахстана в IX—X вв. (6, с. 88, 103). *Тип 2.* Удлиненно-треугольные, с упором (1 экз.). Встречается на территории Западной Сибири до X в. (5, с. 37). *Тип 3.* Вытянуто-пятиугольные, с упором, поджатием боковых сторон и костяным свистунком (1 экз.). Подобный тип бытовал на территории Западной Сибири в IX—X вв. (5, с. 37). *Тип 4.* Удлиненно-пятиугольные, с упором, поджатием коротких боковых сто-

рон, и костяным свистунком. Аналогичные экземпляры встречены на территории Прибайкалья в IX—X вв. (в группе двухлопастных) и Тувы X—XII вв. (в группе плоских), (10, с. 13; 3, с. 109). Указанная группа выделяется по трехгранному сечению ударной части и трехлопастному строению пера и является переходной к броеголовным формам (6, с. 88).

ГРУППА III. Прямоугольные. Насчитывает один тип. *Тип 1.* Боеголовковые. Представлен фрагментом с прямоугольным пером, с шейкой. Вероятная дата — начало II тыс. н. э. (10, с. 123).

ГРУППА IV. Овальные (3 экз.). Насчитывает два типа. *Тип 1.* Боеголовковые томары, с шейкой (1 экз.). Встречены на территории Тувы в X—XII вв., Забайкалья IX—X вв. (3, с. 107; 10, с. 57). *Тип 2.* Боеголовковые (2 экз.). Встречаются на территории Приобья XI—XIII вв. (4, с. 10).

ГРУППА V. Четырехгранные. Насчитывает один тип. *Тип 1.* Боеголовковый удлиненно-треугольный, с шейкой. Подобные типы бытовали на территории Забайкалья в IX—X вв. (10, с. 57).

ГРУППА VI. Плоские (3 экз.). Насчитывает три типа. *Тип 1.* Шпастые, с плоским насадом (1 экз.). Форма ударной части не определяется. Известен на территории Западной Сибири в IX—XII вв. (5, с. 38). *Тип 2.* Томары, в виде треугольной лопаточки, с упором (1 экз.). Бытовал на территории Западной Сибири в XV—XVIII вв., Восточной Европы в IX—XIV вв. (5, с. 43), Забайкалья в IX—XI вв. (10, с. 35, 78). *Тип 3.* Вильчатые, с упором и костяным свистунком (1 экз.). Бытовал на территории Западной Сибири в VI—XIX вв. (5, с. 43), Забайкалья в IX—XI вв. (10, с. 35, 57, 78).

ГРУППА VII. Ромбические (7 экз.). Насчитывает пять типов. *Тип 1.* Удлиненно-треугольные, с шейкой (1 экз.). На гранях — пропилы. Известен в материалах Забайкалья X—XI и XIII—XIV вв. как «боеголовковые» (10, с. 78). *Тип 2.* Боеголовковый удлиненно-треугольный, с шейкой (1 экз.). Датируется аналогично первому типу. *Тип 3.* Ассиметрично-ромбические, с упором (1 экз.). Как тип известен в Южной Сибири с IX в. *Тип 4.* Боеголовковые удлиненно-ромбические, с шейкой (3 экз.) Прямые аналоги встречены на материалах Забайкалья XIII—XIV вв. (10, с. 115). Подобный тип бытовал на территории Тувы в X—XII вв. (3, с. 107). В одном случае на гранях наконечника сделаны пропилы. *Тип 5.* Удлиненно-треугольные, с упором (1 экз.). Аналогий не имеет.

Лишь в одном случае, при раскопках кургана-кладбища Сапогово II, был найден костяной наконечник стрелы. По

существующим классификациям, он относится к группе трехгранных, типу боеголовковых, и по конструкции является подражанием железным боеголовковым наконечникам стрел.

Сабли. Их находки относятся к одной группе — трехгранных слабоизогнутых (2 экз.). Подразделяются на один тип — с прямой рукоятью, ладьевидным перекрестием и двусторонней заточкой окончания лезвия. Подобный тип выделен на материалах Алтая IX—X вв. (7, с. 194). Обнаружена была также рукоять с кольцевидным навершием и отломанным лезвием, трехгранным в сечении. Рукоять имеет слабый наклон к лезвию.

Копья. Представлены одним наконечником с втульчатым насадом, относимым к группе ромбических в сечении. По форме пера относится к одному типу — удлиненно-ромбических, с граненой (ромбической) шейкой. Аналогичный экземпляр встречен на территории Алтая в предмонгольское время (9, с. 179).

Боевые топоры. Относятся к группе проушных трехгранных (2 экз.). По форме обушка и лезвия относятся к одному типу — узколезвийных, низкообушных. Подобные экземпляры крайне редки для Южной Сибири, бытование которых зафиксировано на территории Минусинской котловины и Тувы в IX—XII вв. (6, с. 65). В одном случае лезвие симметрично расширяется, в другом — с отогнутой бородкой.

Топоры-тесла. Относятся к группе втульчатых, с несомкнутой втулкой, клиновидные в сечении (8 экз.). Насчитывает два типа. *Тип 1.* Равновеликие (2 экз.). *Тип 2.* С плечиками (6 экз.). Точной датировки для памятников начала II тыс. н. э. не имеют (4, с. 168).

Ножи. Относятся к железным, черешковым, по размерам — к группе малых (8 экз.). Представлены двумя типами. *Тип 1.* С прямой рукоятью и лезвием (3 экз.). Ручка отделена от лезвия и спинки уступами, спинка прямая. *Тип 2.* С отогнутой к лезвию рукоятью (2 экз.). Спинка слабо выгнута, закругляется к острию, с четким уступом к рукояти. Имеют широкое хронологическое и территориальное бытование.

Защитное вооружение. Представлено остатками железных пластинок (8), в одном случае с загнутым краем, без отверстий и других признаков крепления, а также фрагментом большой железной пластины, с ребрами по краю, без следов крепежа. Напоминает фрагмент бригандины-нагрудника (8, с. 151).

Проведенная классификация предметов вооружения из кургана-кладбища Сапогово II позволяет подтвердить пред-

варительную датировку памятника концом X—XII вв. н. э. При этом в комплексе вооружения встречаются предметы, бывшие в употреблении у населения Центральной Азии, Южной и Западной Сибири в тюркский, предмонгольский и монгольский периоды истории. В количественном отношении преобладает оружие дистанционного боя. Среди него своим многообразием выделяются наконечники стрел. Об этом свидетельствует тот факт, что классифицируемые тридцать железных наконечников стрел подразделяются на двадцать два типа. Отдельные категории оружия, такие, как топоры-тесла и ножи были полифункциональны у коренных народов Западной Сибири и могли использоваться и в быту. Проведенный анализ комплекса вооружения предмонгольского времени из кургана-кладбища Салогово II свидетельствует о высоком уровне развития средств ведения войны у аборигенов Кузнецкой котловины, среди которых выделяются средства поражения легковооруженного противника, не защищенного панцирем.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Илюшкин А. М. Курганы-кладбища средневековых самодийцев Кузнецкой котловины // Проблемы этнической истории самодийских народов: Сб. докл. науч. конф. Ч. 1. — Омск, 1983. — С. 45—49.
2. Илюшкин А. М., Сулейменов М. Г. Курганы-кладбища Салогово II — новый тип погребальных памятников эпохи средневековья в Кузнецкой котловине // Современные проблемы исторического краеведения (К 375-летию основания Кузнецка и 50-летию образования Кемеровской области): Тез. докл. рег. науч.-практ. конф. — Кемерово, 1983. — С. 16—18.
3. Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири в X—XIV вв. — М., 1983. — 126 с.
4. Нестеров С. П. Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1981. — С. 168—172.
5. Соловьев А. И. Военное дело корянского населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. — Новосибирск, 1987. — 182 с.
6. Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов. — Новосибирск, 1980. — 176 с.
7. Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1986. — 267 с.
8. Худяков Ю. С., Соловьев А. И. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии. — Новосибирск, 1987. — с. 135—183.
9. Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Алтая в первой половине II тыс. н. э. // Археология Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1988. — С. 188—202.
10. Худяков Ю. С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. — Новосибирск, 1981. — 190 с.

КЛАССИФИКАЦИЯ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ

ГРУППА	ТИП	РАЗМЕРЫ	ТЕРМИНОЛ. ОБЪЯСНЕНИЕ	КЛАССЫ СР.
I		3,0; 1,2	ВОСТОЧНАЯ КИТАЙСКАЯ - ПЕРМАНАНТ	IX-XI
		6,2; 2,1	ВОСТОЧНОЕ АЗИАТСКОЕ - ВОСТОЧНОЕ	VI-XI
		4,0; 1,2	ИНДИЙСКАЯ КОТЛОВИНА - ТУРА	VI-XII
		5,0; 1,0	ИСПАНСКАЯ КОТЛОВИНА - ПЕРМАНАНТ	VI-X
		4,7; 2,1-2,4	ЗАПАДНЫЕ	IX-X
		5,0; 1,4	ТУРА	X-XII
II		5,0; 1,0	ИНДИЙСКАЯ КОТЛОВИНА - ТУРА	IX-X
		4,5; 1,2	ЗАПАДНИЙ СЕВЕР	IX-X
		4,0; 1,2	ЗАПАДНИЙ СЕВЕР	IX-X
		5,0; 2,0	-	-
III		5,0; 1,1	ЗАПАДНИЙ СЕВЕР	РАВАНО И Т.Д.
IV		6,5; 0,8	ЗАПАДНЫЕ	IX-X
		5,5; 1,0	ПРЕЧНЫЕ	XI-XII
V		5,7; 1,0	ЗАПАДНЫЕ	IX-X
VI		6,7; 1,0	ЗАПАДНИЙ СЕВЕР	IX-XII
		5,0; 2,1	ЗАПАДНЫЕ ВОСТОЧНАЯ КОТЛОВИНА	IX-XIV
		4,5; 1,2	ЗАПАДНЫЕ *	IX-XI
VII		6,0; 1,3	ЗАПАДНЫЕ	X-XI XII-XIV
		5,5; 1,3	ЗАПАДНЫЕ	X-XI XII-XIV
		5,0; 1,7	ИЛИ СЕВЕР	IX-X
		4,7; 1,3 5,3; 1,7	ЗАПАДНЫЕ	XII-XIV
		6,2; 1,0	-	-
VIII		7,0; 1,0	-	-

К ВОПРОСУ О КЫРГЫЗАХ В КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЕ

Вопросы расселения кыргызов и распространения кыргызской культуры на территории Южной Сибири в эпоху средневековья представляют значительный интерес для исторической науки. О продвижении кыргызов в конце I тыс. н. э. на земля, находящиеся западнее и юго-западнее основной территории их расселения в Минусинской котловине, высказывали свои соображения многие исследователи. Одним из первых высказал предположение о включении Алтая в состав государства енисейских кыргызов С. В. Киселев в 1949 г.¹ При этом он опирался на «кыргызские черты» в инвентаре памятников IX—X вв. на Алтае². С. В. Киселев считал, что «кыргызское преобладание играло определяющую роль в культуре соседних областей»³. Очевидно, с учетом этого мнения, Л. П. Потапов выделил период «вхождения Алтая в состав государства енисейских кыргызов»⁴. В начале 1960-х годов К. И. Петров предложил собственную гипотезу о путях переселения кыргызов на Тянь-Шань и формировании современного кыргызского народа⁵. Согласно его представлениям, ведущую роль в этногенезе кыргызов сыграли средневековые «кымакско-кыргызские племена Енисейско-Иртышского междуречья»⁶. Среди районов обитания этих племен указываются верховья р. Оби⁷. В дальнейшем эта гипотеза была развита в работах С. Г. Кляшторного, А. М. Мокеева, В. П. Мокрынина⁸. По мнению этих исследователей в начале II тыс. н. э. в Прииртышье, на Северном и Горном Алтае обитали кымакско-кыпчацкие племена, принявшие этноним «кыргыз»⁹. На сходство в языке, традиционной культуре, фольклоре, родоплеменном составе современных кыргызов и народов Саяно-Алтая указывают многие исследователи¹⁰.

Пути продвижения кыргызов в Приобье, Притомье, Прииртышье и на Алтай отмечены распространением археологических памятников кыргызов «эпохи великодержавия». На

территории Горного Алтая такие памятники были выделены Д. Г. Савиновым и автором настоящей статьи¹¹. В Верхнем Прииртышье и степном Алтае кыргызские памятники отмечались Ф. Х. Арслановой, В. А. Могильниковым, Ю. П. Алексиным¹², в Приобье — Т. Н. Троицкой¹³. Наиболее широко представлял расселение кыргызов в западном направлении Л. Р. Кызласов в работах которого к кыргызам не дифференцированно отнесены многие погребения по обряду кремации в Западной Сибири и высказаны предположения о их распространении вплоть до Приуралья и Причерноморья¹⁴. По нашему мнению, к числу кыргызских могут быть отнесены некоторые памятники Алтая и Прииртышья, наряду с которыми в Притомье, Приобье и Прииртышье в IX—X вв. распространяются памятники зависящих от кыргызов племен, известных под названием бома¹⁵.

В работах специалистов по средневековой археологии Сибири, затрагивавших вопрос о расселении кыргызов и распространении кыргызской культуры, сравнительно мало внимания уделялось памятникам Кузнецкой котловины, хотя, очевидно, что ее территория должна была находиться на пути миграций из Минусинской котловины в Западную Сибирь. Это объясняется недостаточной изученностью средневековых памятников Верхнего Притомья. Известные к настоящему времени средневековые памятники Кузнецкой котловины в этнокультурном аспекте оцениваются по-разному. Л. А. Чндина относит их к релкинской культуре VI—IX вв., принадлежавшей самодийскому, древнеселькупскому населению¹⁶. Л. М. Плетнева считает эти памятники относящимися к верхнеобской культуре V—VIII вв., оставленной угро-самодийцами¹⁷. Ю. А. Плотников считает дружинные оружейные клады в Приобье, включая Елыкаевский, святилищами обских угров¹⁸. Большинство исследователей, М. П. Грязнов, М. Г. Елькин, Ю. М. Бородкин, Д. Г. Савинов, В. А. Могильников, С. В. Неверов, относят средневековые памятники к сrostкинской культуре¹⁹. М. П. Грязнов выделил их в кемеровский вариант данной культуры²⁰. Однако этническая принадлежность населения, оставившего сrostкинскую культуру, определяется по-разному, М. Г. Елькин считал это население тюрками, В. А. Могильников — самодийцами, Д. Г. Савинов — кимаками или кыпчаками²¹. А. М. Илюшин одно время приписывал эти памятники тюркешам, затем племенам бома²². Ряд исследователей считают, что средневековые памятники Кузнецкой котловины могут принадлежать разным культурам и этническим группам. Однако, независимо от то-

го, как они интерпретируют этнокультурную принадлежность данных комплексов, отмечают значительное влияние на них кыргызской культуры. Первоначально это влияние отмечалось на материалах торевтики. В дальнейшем были обнаружены черты сходства в погребальной обрядности и предметном комплексе. Судя по этим материалам, средневековое население Кузнецкой котловины испытывало сильное влияние кыргызской культуры в течение периода раннего средневековья, что нашло отражение в облике предметов вооружения, сбруи, поясной фурнитуры и украшений. Существенно отличается от кыргызской только керамическая посуда.

Аналізу влияния кыргызов на культуру местного населения и оценке исторических свидетельств о пребывании кыргызов в Кузнецкой котловине на протяжении эпохи средневековья было посвящено наше специальное исследование, в котором были рассмотрены данные археологии и топонимики, сведения письменных исторических источников и фольклоров²³. Предложенные выводы вызвали ряд резких возражений со стороны Н. А. Кузнецова, который поставил под сомнение факты пребывания кыргызов в Кузнецкой котловине, а также усомнился в том, что у кыргызов на Енисее существовало государство, что кыргызы представляли собой сколько-нибудь значительную военную силу и играли заметную роль в истории Центральной Азии²⁴. По его мнению, военная активность кыргызов во всех случаях была результатом политики тюрков, уйгуров, китайцев, тибетцев, монголов и т. д. Вряд ли имеет смысл в рамках настоящей статьи высказываться по поводу всех приведенных выше возражений. История кыргызов на Енисее, их роль в военной, политической и этнокультурной истории Центральной Азии посвящена обширная научная литература²⁵. Сведения о военных походах кыргызских войск в Восточный Туркестан, Приалташанье, Ордо, Маньчжурию, границы распространения кыргызской культуры в эпоху великодержавия от Иртыша до Забайкалья и от сибирской тайги до Тянь-Шаня, высокий уровень развития военного дела и различных сфер культуры со всей очевидностью свидетельствуют о важной роли кыргызов в истории центральноазиатского региона. Ставить все это под сомнение можно лишь игнорируя историю вопроса.

Мнению Н. А. Кузнецова странным образом перекликается с подобными сомнениями в принадлежности средневековых древностей Минусинской котловины енисейским кыргызам, высказанными в конце XIX в. его однофамильцем, И. П. Кузнецовым-Красноярским, который считал, что на Среднем

Енисее «не могло образоваться настолько сильное государство, которое могло бы выводить страх и трепет на своих соседей и держать в повиновении воинственных среднеазиатских кочевников. Все это совершенно неправдоподобно, и нам остается допустить только одно, что хагасы жили гораздо южнее Енисейской губернии, может быть, между хребтами Танну-Ола и Южным Алтаем»²⁶. В дальнейшем эта оригинальная точка зрения, основанная на чисто умозрительных соображениях, никак не подтвердилась и не нашла последователей.

Другой вопрос, что данных о пребывании кыргызов на территории Кузнецкой котловины в настоящее время недостаточно для всестороннего освещения этой проблемы, которая нуждается в специальном изучении. Памятники кыргызской культуры: курганы и могилы с погребениями по обряду труфоожжения на стороне; поселения, рунические надписи, петроглифы, тамги, на территории Кузнецкой котловины пока не выделены. Они нуждаются в специальном, целенаправленном поиске. Однако это совсем не означает, что кыргызы не проникали на территорию Кузнецкой котловины. Следы пребывания кыргызов в Верхнем Притомье сохранились. Они фиксируются среди находок различных предметов, характерных для кыргызской культуры, обнаруженных на территории Кузнецкой котловины. Они нашли отражение в археологических комплексах местного средневекового населения, испытавшего сильное воздействие со стороны кыргызской культуры. Они выявлены в топонимике Верхнего Притомья. Имеются и прямые исторические свидетельства о военных походах кыргызов в Кузнецкий край.

Сравнительный анализ средневековых предметов вооружения, сбруи, украшений из Кузнецкой котловины и сопредельных территорий открывает возможность для того, чтобы проследить основные направления культурных связей данного региона в эпоху средневековья.

Отчасти подобный анализ был проделан на материалах оружия из Елыкаевской коллекции, в наборе стрел которой выделены формы, характерные для кыргызов²⁷. Отмеченные типы трехлопастых наконечников стрел, ярусные, удлиненно-шестиугольные, удлиненно-ромбические, удлиненно-пятиугольные, имеют широкий территориальный ареал распространения и хронологический диапазон бытования. Однако сравнение пропорций, размеров данных наконечников, характера оформления отверстий в лопастях сближает их, в первую очередь, именно с кыргызскими стрелами²⁸. В наборе

ельскаевских стрел нет форм, которые были бы не характерны для кыргызов в VI—X вв. В то же время сходство ельскаевского набора с комплексами стрел древних тюрков, уйгуров, кимаков, курыкан, байырку охватывает сравнительно небольшой спектр форм²⁹. Определенное сходство в наборе стрел наблюдается между ельскаевским комплексом и средневековыми памятниками Приобья³⁰. Однако пропорции, размеры наконечников, оформление отверстий в лопастях существенно различаются.

Рубяще-колющее и древковое оружие Ельскаевской¹ коллекции имеет широкие территориальные и хронологические рамки бытования. Среди них наибольшее внимание привлекали однолезвийные палаши с кольцевым навершием, характерные для сарматских кочевников³¹. В Южной Сибири подобное оружие бытовало в первой половине I тыс. н. э.³². Среди ельскаевских клинков численно преобладают однолезвийные палаши без перекрестья. Встречаются двулезвийные мечи и сабли со слабо или сильно изогнутым клинком. Подобный спектр клинкового оружия не характерен ни для кочевого, ни для таяжного населения, что объясняется длительным, возможно многовековым, характером формирования коллекции, в составе которой оказались разновременные предметы. В то же время нельзя не отметить, что двулезвийные мечи без перекрестья, однолезвийные палаши без перекрестья, палаши с шипастым перекрестьем, сабли без перекрестья встречаются в наборе рубяще-колющего оружия кыргызов³³. Ельскаевские колья находят широкий спектр аналогий в древковом оружии средневековых кочевников, в том числе у кыргызов³⁴. Встречаются подобные колья и у таяжных племен³⁵.

Оценивая ельскаевские материалы в комплексе, необходимо отметить, что они принадлежат, вероятно, угорскому населению, характер военно-дружинного культа которого способствовал скопленню разновременного и разнокультурного вооружения³⁶. Однако аналогии с кыргызским вооружением свидетельствуют о постоянных контактах с кыргызами в военной области на протяжении всего периода раннего средневековья. Вероятнее всего, в VI—VIII вв. Кузнецкая котловина являлась объектом военных походов со стороны кыргызов Енисея. В IX—X вв. эти контакты приобрели постоянный характер, и Верхнее Притомье было включено в состав Кыргызского каганата. Об этом свидетельствует не только вооружение, но и сбруя, поясной набор, украшения из средневековых погребений конца I тыс. н. э. в Кузнецкой котловине. Наибольшее сходство с кыргызской культурой наблюдается в материалах

захоронений по обряду кремации³⁷. Оно наблюдается в наборе вооружения: железных наконечников стрел, палашей, княжлов, копий, топоров, панцирей, кольчуг, шлемов; в конском убранстве: форме стремян; удилах, псалиев, накладок сбруи, костяных навершиях плетей; пряжках и бляшках, подвесках наборного пояса; кресалах и т. д. В инвентаре сапоговских курганов существенно отлична от кыргызской только керамика. Подобное единство в военно-дружинной культуре не объяснить только внешними контактами. Очевидно, местное население было подчинено кыргызскими каганами и воевало в составе кыргызских войск. Вместе с кыргызами местные племена, известные в источниках под названием бома, проникли далеко на запад и юг от Кузнецкой котловины в степной Алтай и Верхнее Прииртышье³⁸. В то же время в Кузнецкой котловине обитало тюркоязычное население, для которого были характерны иные погребальные обряды: одиночные труположения, захоронения с конем, погребения со шкурой коня³⁹.

В собраниях и экспозициях Новокузнецкого краеведческого музея имеются материалы, которые можно связать с кыргызской культурой IX—X вв.⁴⁰.

В музейной экспозиции выставлена сабля со слабоизогнутым однолезвийным клинком, острие которого расковано на два лезвия. При подходе к черешку на клинке имеется оковка. Черешок прямой с отверстием, в котором находится заклепка для крепления обкладки рукояти. Перекрестье ладьеобразное, с ромбовидным расширением в средней части. На поверхности клинка следы окислы.

Сабля обнаружена случайно, в 1 км севернее Кузнецкой крепости, к югу от Есауловских курганов, по дороге в «кыргызы» на р. Абашевку и р. Черный Июс. На реке Абашевке была обнаружена еще одна сабля, которая хранится в Музее «Кузнецкая крепость». Она имеет однолезвийный прямой клинок, острие которого расковано на два лезвия и уплощенный черен, имеющий плавный изгиб в сторону лезвия. Черешок обломан в месте, где находилось отверстие для крепления обкладки рукояти. По данным Ю. В. Ширина, клинок имеет следы изгиба, он был согнут пополам и распрямлен уже после того, как был обнаружен.

Обе сабли имеют близкие аналоги среди палашей и сабель кыргызов, обнаруженных в Минусинской котловине и Туве, в памятниках IX—XII вв., для которых характерно обоюдоострое острие, прямой или слабоизогнутый клинок, оковка, аналогичное перекрестье и крепление обкладки рукояти⁴¹. Для погребального обряда кыргызов характерны следы

пребывания клинка в огне и сгибание клинка наполовину или в большее число раз⁴².

В экспозиции НКМ представлен разнообразный спектр железных трехлопастных, плоских бронебойных наконечников стрел. Большинство из них имеет широкий территориальный ареал распространения и бытовало на протяжении длительного периода развитого и позднего средневековья, и не могут относиться к какой-либо одной культуре, хотя все представленные формы известны у кыргызов⁴³. В то же время, среди стрел, найденных в Кузнецком округе, нет форм, характерных для тувинских племен⁴⁴.

Среди наконечников представляет определенный интерес набор бронебойных: трехгранно-трехлопастных, трехгранных, четырехгранных и прямоугольных стрел, найденных в п. Камешки в Верховьях р. Томи. Хотя они обнаружены в шорских материалах, вряд ли могут относиться к периоду этнографической современности, когда потребность в бронебойных стрелах сошла на нет. Подобный набор типичен для кыргызского оружия дистанционного боя конца I — начала II тыс. н. э.⁴⁵. Судя по этим данным, контакты кыргызов и населения Кузнецкой котловины не прерывались и после распада Кыргызского каганата во II тыс. н. э.

О военно-политической активности кыргызов в Кузнецкой котловине в XVII — начале XVIII вв. определенно свидетельствуют русские исторические документы того времени. Стремление кыргызов сохранить свое господство над своими кыштымами шорцам, потому что те поставляли для них в качестве дань большое количество оружия⁴⁶. Свидетельством развитого железодельного производства у шорцев являются памятники, обнаруженные на реках Кондома и Мрассу⁴⁷, и находки предметов вооружения, изготовленные шорскими оружейниками. В материалах с позднесредневековых поселений в Кузнецкой котловине найдены предметы вооружения, изготовленные шорскими мастерами. Среди них наконечники стрел и панцирные пластины с поселений Акколь, Кузнецкого острова, Бедаревское-2⁴⁸ и др. Особый интерес представляют находки на Бедаревском поселении железных пластин от панциря-бригандины, характерные для кыргызских панцирей XVII в.⁴⁹. Подобные находки известны на Минусинской котловине и Причудымья⁵⁰. Эти находки наглядно доказывают достоверность сведений письменных источников о важности Кузнецкой котловины как базы оружейного производства для енисейских кыргызов в XVII в. Утрата этой территории представляла огромную опасность для кыргызских княжеств. Поэтому они со-

вершали неоднократные походы в Верхнее Притомье для сохранения своего господства над шорцами. Походы кыргызов в Кузнецкую котловину продолжались до начала XVIII в., когда они были угнаны в Джунгарию и кыргызская государственность на Енисее прекратила свое существование⁵¹. Через территорию Кузнецкой котловины был осуществлен угон кыргызов⁵².

Приведенные материалы свидетельствуют, что история Кузнецкой котловины была тесно связана со Средним Енисеем на протяжении эпохи средневековья. Кыргызы находились в постоянных военно-политических и этнокультурных контактах с населением Кузнецкого края.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. МИА. М.-Л., 1949, № 9, с. 314.
2. Там же, с. 310—311.
3. Там же, с. 314.
4. Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев М.-Л., 1953, с. 97—99.
5. Петров К. И. Очерк происхождения кыргызского народа. — Фрунзе, 1963, с. 33—40.
6. Там же, с. 46—47.
7. Там же, с. 50.
8. Каштаровский С. Г., Мокеев А. М., Мокрашкин В. П. Основные этапы этногенеза кыргызского народа //Тюркология-88. Фрунзе, 1988, с. 42, 43.
9. Там же, с. 43.
10. Савинов Д. Г. Археологические данные о связи енисейских и Тянь-шаньских кыргызов в конце I — начале II тысячелетия н.э. //Вопросы этнической истории кыргызского народа. Фрунзе, 1989, с. 79—90; Молдобаев Н. Б. Этническая и культурная общность кыргызов с народами Саяно-Алтая //Вопросы этнической истории кыргызского народа. Фрунзе, 1989, с. 92—94.
11. Савинов Д. Г. Памятники енисейских кыргызов в Горном Алтае //Вопросы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979, вып. I — с. 181—186; Худяков Ю. С. Кыргызы в Горном Алтае //Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1980, с. 186—201.
12. Арсланова Ф. Х. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье //Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, с. 75; Могильников В. А. Археологические исследования на Верхнем Алае //Археология и краеведение Алтая. Барнаул, 1972, с. 39—42; Алексин Ю. П. Енисейские кыргызы на юго-западном Алтае //Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990, с. 62—75.
13. Троицкая Т. Н. Погребения с трупосожжениями конца I тыс. н. в. на р. Усунь Новосибирской области //Археология Южной Сибири. Кемерово, 1977, с. 130.

14. Кызласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984, с. 117—123.
15. Худяков Ю. С., Крайко О. В. К вопросу о продвижении кыргызов в Западную Сибирь IX—X вв. // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск, 1987, с. 41—43; Худяков Ю. С. Кыргызы на Алтае и в Приобье в XI—XII вв. // Археология Западной Сибири. Омск, 1989, с. 39—40.
16. Чиндяев Л. А. История среднего Приобья в эпоху средневековья. Томск, 1991, с. 67.
17. Великова О. В., Цветнева Л. М. Памятники Томского Приобья в V—VIII вв. н. э. Томск, 1983, с. 116.
18. Плотников Ю. А. «Клады» Приобья как исторический источник // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987, с. 131.
19. Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. МИА. М.-Л., 1956, № 48 с. 150, 151; Елькин М. Г. Курганный могильник позднего железного века в долине р. Ур // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1970. — вып. 2, с. 82; Бородин Ю. М. Курганы у с. Тарасово // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1977, с. 148; Саянов Д. Г. Расселение кымаков в IX—X веках по данным археологических источников // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1978, с. 66; Могильников В. А. Срогский культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981, с. 46, 47; Неверов С. В. Этническая принадлежность срогской культуры // Вопросы историографии Сибири и Алтая. Барнаул, 1983, с. 195—196.
20. Грязнов М. П. Археологические исследования на Оби в лоне водохранилища Новосибирской ГЭС // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1960, с. 24.
21. Елькин М. Г. Курганный могильник... с. 82; Могильников В. А. Срогская культура... с. 45, 46; Саянов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984, с. 113, 114.
22. Илюшин А. М., Сулейменов М. Г., Гуща В. В., Стародубцев А. Г. Могильник Сапогово — памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. Новосибирск, 1986, с. 49; Илюшин А. М. Верхнеобская этнокультурная общность (по материалам из Кузнецкой котловины) // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1989, с. 75.
23. Худяков Ю. С. Кыргызы в Кузнецкой котловине // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1993. — вып. 1 — с. 78—87.
24. Эти соображения были высказаны Н. А. Кузнецовым в ходе дискуссии на семинаре «Историко-культурное наследие Кузнецкого края», посвященном 375-летию города Кузнецка, проходившем в г. Новокузнецке 4—6 мая 1993 г.
25. Бартольд В. В. Киргизы // Соч. М., 1963, т. 2, ч. 1, с. 474—543; Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1969, с. 314—362; Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969, с. 69—129; Худяков Ю. С. Вооружение еврейских кыргызов VI—XII вв. Новосибирск, 1980; Худяков Ю. С. Кыргызы на Табате. Новосибирск, 1982; Худяков Ю. С. Кыргызы на Енисее. Новосибирск, 1986; Саянов Д. Г. Народы Южной Сибири... с. 66—104; и др.
26. Кузнецов Н. П. Древние могилы Мыусвянского округа. Томск, 1889, с. 35—39.

27. Худяков Ю. С. Стрелы Елыкаевской коллекции // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1983. — вып. 1, с. 50, 51.
28. Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов, с. 79—83.
29. Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986, с. 143—145; 171, 183—185; Худяков Ю. С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991, с. 10—12, 29—31.
30. Велитова О. В., Плетнева Л. М. Памятники Томского Приобья... с. 74; Чиндыва Л. А. Могильня Редка на Средней Оби. Томск, 1977, с. 30.
31. Хазисов А. М. Очерки военного дела сарматов... М., 1971, с. 6, 85—104.
32. Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников... с. 79, 100. Юп., 131.
33. Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов... с. 29—44.
34. Там же. с. 52.
35. Соловьев А. Н. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Новосибирск, 1987, с. 89.
36. Плетников Ю. А. «Клады» Приобья... с. 131.
37. Илюшин А. М., Судейменов М. Г., Гузь В. В., Стародубцев А. Г. Могильник Салогово... с. 20—28.
38. Худяков Ю. С. Проблемы культурогенеза кыргызов на территории Алтая и Прииртышья // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993, с. 51, 52.
39. Сажин Д. Г. Народы Южной Сибири... с. 111—112.
40. Выражаю признательность Ю. В. Шириной за возможность ознакомиться с материалами, хранящимися в НКМ.
41. Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов... с. 34—43.
42. Там же. с. 49—50.
43. Там же. с. 79—83.
44. Соловьев А. Н. Военное дело коренного населения... — Табл. VII—IX.
45. Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов... с. 89—101.
46. Поташов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1967, с. 20.
47. Суучугашев Я. И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск, 1979, с. 153, 154.
48. Ширин Ю. В. Археологические памятники города Новокузнецка // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1983. — вып. 1, с. 16.
49. Худяков Ю. С. Защитное вооружение кыргызского воина в позднем средневековье // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1991, с. 89—95.
50. Худяков Ю. С., Соловьев А. Н. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987, с. 148—151.
51. Поташов Л. П. Происхождение и формирование... с. 57.
52. Вугашев В. Я. Этническая история хакасов XVII—XIX вв. М., 1990, с. 33.

ПОГРЕБЕНИЯ СЕРЕДИНЫ I ТЫС. Н. Э. В ПРИШИМЬЕ

Первый грунтовый некрополь переходного времени от раннего железного века к средневековью в Пришимье был обнаружен при раскопках саргатского кургана в Абатском 3 могильнике.

Могильник открыт в 1962 г. М. К. Поздняковой, исследовался в 1988-89 гг. Н. П. Матвеевой. Он состоял из 8 насыпей, вытянутых двумя неровными цепочками по линии СВ-ЮЗ и располагался в 3 км к ЮЗ от р. п. Абатский, на левом коренном берегу р. Ишим.

Курган 2 был насыпан на склоне террасы, обращенном к озеру Угловому. Распахивался. Диаметр его к моменту раскопок был около 26 м, высота с северной стороны — 0,3 м, с южной — 1,2 м. В ходе работ вскрыто сложное погребальное сооружение, захоронения в котором производились не менее чем в три этапа. В центральной части подкурганной площадки выявлено 8 могил, окруженных круглым замкнутым рвом. В него, в свою очередь, впущено два погребения, а третье совершено за его пределами с северо-востока. Эти захоронения окружает второй ров, более широкий и глубокий. Могилы, обнесенные рвами и вырытые в материке, как видно, в два этапа, относятся к саргатской культуре и датируются разнообразным инвентарем в рамках I—III вв. н. э. (I).

Вся восточная сторона внешнего рва оказалась заполненной грунтовыми погребениями, как одиночными, так и коллективными, совершенными в верхней части его заполнения на глубине 0,2—0,4 м от уровня материка и не менее чем в 0,4—0,6 м выше дна рва. Всего их зафиксировано семь. Они относятся к последнему этапу функционирования могильника на этом месте и совершены в тот период, когда внешний, второй, ров уже в значительной мере заплыл.

Погребение 2¹ (рис. 1-Б) обнаружено с ЮЮВ стороны кургана в заполнении внешнего рва на глубине 0,2 м от уровня материка. По цвету могильная яма не выделялась на фоне основного заполнения рва. Судя по несколько большей рыхлости грунта ее размеры были около 1,6×1,0 м.

Два покойника лежали вытянуто на спине рядом, головы на ЮЗ. Они были захоронены одновременно. У первого — взрослой женщины², ноги вытянуты и сведены вместе, правая рука — вдоль туловища, левая — согнута в локте и находится на середине груди, кисть ее доходит до локтя правой. На правой ключице лежат птицевидный идол из белой бронзы и под ним — круглая плоская бронзовая бляшка (рис. 1—1, 2).

Второй покойник — ребенок приблизительно 10 лет, лежит рядом, причем правый бок его оказался под левым боком первого. Голова его была втянута в плечи, ноги согнуты в коленях влево. Но левая нога лежит сочлененной, а кости правой разъединены: бедренная кость параллельно левому бедру, а обе берцовые лежат поодаль. По-видимому, ноги были подняты вверх, а по истлеванию связок упали влево. Правая рука погребенного резко согнута в локте и заведена на плечо, фаланги ее пальцев покоятся поверх левой ключицы. Кисть левой руки — на крыле таза. (рис. 1-Б).

В 1 м от погребения к ЮЗ в заполнении рва найдены на той же глубине черепки сосуда, украшенные гребенчатым штампом.

Погребение 4 (рис. 1-В, 3, 4). Форма могилы в плане не определяется точно, ее размеры около 1,8×0,7 м, глубина — 0,2 м от уровня материка. Покойник — мужчина в возрасте около 20 лет, лежал вытянуто на спине головой на СВ, ногами к погребению 2 и на расстоянии 0,3 м от него на той же глубине. По-видимому, они одновременны. Правая рука его согнута в локте, кисть ее находилась в области таза, левая рука вытянута вдоль туловища. Справа под черепом обнаружен бронзовый птицевидный идол (рис. 1—3), под ним — пряди черных волос, доходившие до плеч, ниже их — тонкий слой бересты. Сохранившаяся под бляхой и волосами береста указывает на существование берестяной подстилки. В 20 см вправо от черепа, на уровне плеча, найдена прямоугольная бляха из белой бронзы, лятая, с четырьмя петлями на оборо-

¹ Нумерация погребений в кургане общая, номера присвоены по очередности выборки.

² Здесь и далее определения к. и. н. В. А. Дремова.

те и с остатками в них тонких кожаных ремешков. Украшена бляха тремя рядами выпуклин, а также изображенными стилизованных медвежьих голов (рис. 1—4).

Слева от головы покойного была положена заупокойная пища. От нее остались ребро, позвонок, а также трубчатая кость животного, лежавшая в 10 см справа от правого бедра.

Погребение 6 (рис. 2-А) находилось в ЮВ части внешнего рва и являлось коллективным захоронением. Форма ямы точно не определялась, глубина от уровня материка — около 0,3 м. В погребении было захоронено 7 человек. Они лежали вплотную ногами друг к другу или головами, группами по 2, 2 и 3 человека. От погребения 4 их отделяло расстояние в 1 м. Между ними на той же глубине найден череп лошади. Сохранность удовлетворительная.

Первый погребенный — ребенок 8—9 лет — лежит вытянуто на спине головой на ЮЮЗ, руки вдоль туловища. Находок рядом с ним не было.

Второй покойник — мужчина в возрасте около 30 лет, стопами ног соединяется с ногами первого, лежит в противоположном направлении также вытянуто на спине, руки вдоль туловища. На головке левой бедренной кости находился кожаный шнурок с наанизанными на него тремя бронзовыми бляшками. Одна из них круглая (рис. 2—4), другая — с изображением бобров в геральдической позе (рис. 2—5), третья — антропоморфный идол из белой бронзы (рис. 2—6). С внутренней стороны левого бедра находились остатки сильно корродированного железного кинжала (распался). У левого колена лежало зеркало с ручкой-штырем, расплющенное (рис. 2—7).

Третий покойник — ребенок 2—3 лет, лежал параллельно и посередине между первым и вторым, головой на ЮЮЗ. Кости его лежали кучкой, по-видимому, скорченно. Близ черепа его было найдено бронзовое зеркало (рис. 2—3).

Четвертый покойник — женщина 20—30 лет, расположен параллельно второму, головой на ССВ, лежал вытянуто на спине, руки вдоль туловища. Находок не было.

Пятый, шестой и седьмой скелеты находились близ голов второго и четвертого, в 15 см выше их, так что череп шестого находился между головами второго и четвертого. Пятый — мужчина около 18 лет, также был положен вытянуто на спине, руки в области таза. У головы его, слева, найден обломок бляшки, у левого бедра — крупный нож (рис. 2—2), под левым плечом и у бедра левой ноги — неорнаментированные черепки.

Шестой покойник лежал головой на ССВ. Правая рука его вытянута вдоль туловища, кисть у верхней части бедра, левая рука резко согнута в локте и поднята вверх, кисть ее под нижней челюстью. Над крестцом положен железный нож (рис. 2—1). Под нижними ребрами с правой стороны грудной клетки находилось железное тесло. Это мужчина в возрасте 20—25 лет.

Седьмой — старик 60—70 лет, лежит головой на ЮЮЗ, чуть ниже шестого. Руки были согнуты под прямым углом и сложены на груди: правая сверху, кисти у локтей. Левая нога вытянута прямо, правая согнута в колене, стопы рядом.

Погребение 7 (рис. 3-А) расположено в СВ части внешнего рва в яме, приблизительные размеры которой $2,5 \times 1,7$ м, глубина — 0,5 м от уровня материка. Содержало коллективное захоронение 5 человек. Все они лежали вытянуто на спине головой на СЗ. Два покойника, взрослые — вдоль ЮЗ края, два других, дети — у СВ края рва. Между этими двумя парами находились останки пятого человека, но, в отличие от первых, в потревоженном состоянии. Череп лежал на месте стоп, левое бедро сдвинуто, кисти рук его также оказались в ножном конце могилы, тогда как позвоночный столб зафиксирован *in situ*. Видимо, эта часть погребения попорчена грызунами.

В ногах первого, мужчины 30—35 лет с деформированным черепом, находился бронзовый котел (рис. 3—9). В области таза второго — женщины 20—30 лет, обнаружена большая железная пряжка с язычком, оплетенная проволокой (рис. 3—6), у левого плеча — птицевидный трехглавый бронзовый идол, распавшийся при расчистке, в галочках — круглый плоский диск с отверстием в центре, украшенный гравированными кругами (рис. 3—4), под челюстью железный нож (рис. 3—8), бусина (рис. 3—2). В изголовье одного из детей (условно — третьего покойника) был поставлен круглодонный глиняный горшок с крупноребенчатый узором кашинского типа (рис. 3—1). Возраст ребенка 8—9 лет, череп искусственно деформирован. На правом виске второго ребенка, возраст которого 9—10 лет, найдены круглая бронзовая бляшка с отверстием для пришивания (рис. 3—5). В ногах пятого покойника — железный книжал (рис. 3—3). Это был мужчина 20—25 лет.

Погребение 8 (рис. 4-А) обнаружено во рву с восточной стороны, напротив центра насыпи. Одночное, на глубине 0,4 м. Размеры ямы точно не определяются. Покойница — женщина 50 лет, была положена поперек рва, в отли-

чие от других скелетов, вытянуто на спине, руки вдоль туловища, правая кисть на правой подвздошной кости, левая — вдоль бедра, головой на запад. Под скелетом обнаружен тлен от берестяной подстилки.

На правой ключице и посередине правой плечевой кости найдены две длинных рубчатых бронзовых проколки (рис. 4—3, 4). У правого колена — две полые фигурки медведей с отверстиями для штыря или подвешивания в середине спины. (рис. 4—2, 5). Внутри одной из них была дощечка размерами 3×1,3 см, перекрывавшая отверстие (рис. 4—1). Подвески лежали рядом, спинами друг к другу. Под ними оказался толстый слой бересты и дерева, от истлевшей коробочки. Ниже пальцев ног, лентой, вытянутой к востоку, лежал кожаный пояс, свернутый вдвое, с надетыми на него пятью бронзовыми прямоугольными бляхами (рис. 4, 6—10). На груди покойной, близ позвоночника, найден железный черешковый нож (рис. 4—11).

Погребение 9 (рис. 5-А, 1, 2) находилось в восточной части рва, севернее погребения 8. Размеры могилы около 1,6×1,1 м, глубина 0,4 м. Три ребенка в возрасте 8—10 лет, 4—5 лет и около 10 лет были положены вплотную друг к другу, головами на север. Все лежали вытянуто на спине, руки — вдоль туловища. У правого колена старшего (?) найдены две литые полые фигурки зайцев с отверстиями в спине для штыря или шнура (рис. 5—1, 2). У других детей вещей не было. Под фигурками сохранился слой бересты.

Погребение 10 (рис. 5-Б) располагалось в СВВ части внешнего рва. Заполнение могилы — серая мешаная супесь, форма в плане четко не определяется. Размеры — около 1,8×1,6 м, глубина — 0,3 м от уровня материка.

Три взрослых человека были уложены вплотную друг к другу головами на ЮЮВ, все вытянуты на спине, с руками вдоль туловища. У первого покойника — мужчины 20—25 лет, руки были чуть согнуты в локте, кисти — в области таза. На правой половине груди найдена прямоугольная бляха, украшенная выпуклинами (рис. 5—4). Поверх нее были замечены древесный тлен и окислы железа. Поверх левой руки лежал железный кинжал (рис. 5—5).

На левой стороне груди второго покойника — мужчины около 50 лет, явно европеоидного облика, найден бронзовый антропоморфный идол (рис. 5—8), а под головой его справа — маленький черешковый железный ножичек (рис. 5—6). Третий покойник — женщина в возрасте 20 лет, с искусственно деформированным черепом. В области таза у нее были обна-

ружени бусы: одна бронзовая цилиндрическая, одна бочковидная стеклянная (рис. 5—7). Там же располагался железный нож с деревянной рукояткой, сильно корродированный и найденный в обломках.

Четвертый покойник — ребенок 6—7 лет, положен в ногах первых трех. Сохранность костей плохая. Остались лишь несколько черепных и трубчатые кости от конечностей, свидетельствующие о положении его тоже вытянуто головой на СВ. Рядом с черепом обнаружена бронзовая бляха плоского литья с двумя квадратными отверстиями (рис. 5—3).

Эти захоронения во внешнем ряду кургана, несомненно, являются грунтовыми и совершены значительно позднее последних саргатских могил, когда ров уже заплыл на две трети. Они, за исключением двух, коллективные, совершены в короткий срок, вплотную друг к другу, или даже одновременно.

Покойники лежали вытянуто на спине, на берестяной подстилке, руки — вдоль туловища, либо сложены на груди или животе. Ориентировка колеблется: что определяется положением погребения во рву.

По способу погребения — ингумация в неглубоких прямоугольных ямах с неустойчивой ориентировкой и набору инвентаря кашинские захоронения Абатского 3 могильника наиболее близки поздне-кулайским некрополям: Ордынскому 1 (2), Шеркалинскому (3) и, в особенности, Барсовскому 3 (4). В последнем погребения также втушечки во рвы, но принадлежавшие городищу эпохи раннего железа, и сопровождаются оружием, зоо- и антропоморфным литьем, провязками, зеркалами, украшениями. В отличие от кулайских в абатских захоронениях нет наконечников стрел, набора бус, посуда другого культурного облика, преобладают коллективные погребения.

Керамика из грунтовых погребений представлена двумя сосудами. Один находился в погребении 7, в головах одного из покойников, другой близ погребения 9. Оба украшены гребенчатым штампом по шейке и плечу, имеют горшковидную форму и круглое дно, короткую шейку. Венчик плоско срезан и также украшен отпечатками гребенчатого штампа. Композиция, особенно на сосуде из погребения 9, перекликается с керамикой кашинского типа. Свообразны для нее бордюрные орнаменты по шейке, вертикальные, наклонные отрезки или зигзаг, заключенный между параллельными горизонталями. Поэтому и могильник следует считать оставленным кашинскими племенами.

Инвентарь погребений своеобразен, отличается от саргатского наличием культового литья, практически отсутствуют оружие (кроме кинжалов) и украшения. Несомненная хронологическая близость их позволяет рассмотреть инвентарь для определения хронологической и культурной принадлежности совокупно.

Кинжалы железные линзовидные в течениях без навершия и перекрестья — характерны для первых веков н. э. (5). Поясные бронзовые пряжки с петлями на обороте и орнаментом из рядов выпуклин и стилизованных медвежьих головок известны из Айдашинской пещеры, памятников Нижнего Приобья, одинцовских погребений Верхнего Приобья и первоначально датировались В. Н. Чернецовым III—IV вв. н. э., Т. Н. Троицкой — II—IV вв. н. э., а позднее были омоложены до V—VII вв. н. э. (6). Аналогичная поясная бляха-накладка, украшенная лишь крупными выпуклинами, известна в Усть-Полуе, Тюковском кургане, Шеркалинском могильнике и датируется в последнем I—III вв. н. э. (3). В Прикамье бляхи с изображением головы медведя распространены во II—VII вв. н. э. (17).

Бронзовые пронизи гофрированные, цилиндрические, широко распространены в южно-таежных памятниках раннего железного века, в частности в Айдашинской пещере, Шеркалинском могильнике (3), а также раннесредневековых — ломоватовских (7), агафоновской стации.

Солярная бляшка — зеркало с отверстием в центре и гравированными концентрическими кругами с одной стороны находит аналогии в Елыкаевской коллекции, Айдашинской пещере (8, 9), Шеркалинском могильнике (3), кладе с городища Барсов городок 1/9 (10), чегандинских древностях (11).

Железные черешковые ножи с прямой спйкой широко бытуют в раннем железном веке и средневековье.

Круглая крупная пряжка кольцевая с подвижным язычком (диаметр — 6,5 см) относится к типу пряжек, известных с IV в. до н. э., но по пропорциям ближе к средневековым, хотя аналогичные по размеру есть и в пъяноборских погребениях II в. н. э. (12).

Птицевидный идол с тремя антропоморфными головками, изображением груди в виде двух выпуклин; двух лап, контуры крыльев и хвоста показаны шнуровым орнаментом и врезными линиями, близок орнито-антропоморфным изображениям позднекулайского времени (3).

Плоские круглые бронзовые бляшки с двумя петлями на обороте и оригинальным гравированным изображением че-

ловеческой личины на одной из них находят аналогии также в Айдашинской пещере (9), могильнике Чеганда 1 (12).

Зеркала плоские бронзовые с ручкой-штырем раскованные (плющенные) характерны для сарматского периода, детали их формы изменены при проковке, поэтому более точная датировка затруднена. Аналогичные зеркала в сочетании с круглыми бляшками найдены на городище Барсов городок 1/9 (10), большая коллекция их хранится в Ханты-Мансийском музее (13).

Бляшка с геральдическим изображением бобров, стоящих на хвостах. Хвост и ребра показаны нарезками. На обороте имеется петля. Более сложная композиция с бобрами известна с Мурлинского городища потчевашской культуры (14).

Тесло железное с несомкнутой втулкой, овальное в сечении. Известны в памятниках раннего железного века с III—II вв. до н. э. и позднее.

Котел бронзовый полусферической формы на коническом поддоне с двумя ручками, украшенными гвоздевидным выступом с орнаментом из трех горизонтальных валиков по верху, 1 типа по Н. А. Боковенко, характерных для периода VIII—VII вв. до н. э. — первых веков н. э. (15).

Литые бронзовые полые изображения стоящих медведей с опущенной головой. Близкие изображения по позе и пропорциям находим на рукояти кияжала из д. Хариной (16) и из коллекции Зелкмяна. Последняя сходна по размерам, также реалистичная почти без орнаментальных деталей (17), датируется VII—VIII вв. н. э. Наши фигурки отличаются наличием декора на лапах в виде овала, заполненного согнутым рассеченным валиком, и по тулову — между лапами с боков, в виде полоски с рельефным зигзагом внутри. Ряд полых подвесок в виде сидящего и стоящего медведя известен из других равнеломоватовских памятников (7), а также потчевашских (14), и одицовских (18). Близжайшие территориально, сходны по пропорциям, также парные, но без проработанных деталей происходят из коллективного погребения в к. 4 саргатского могильника Памятное (19), которое датировано автором серединой 1 тыс. н. э., хотя другая инвентарь укладывается в рамки II—III вв. н. э.

Бронзовые литые полые изображения зайцев. Украшены с боков дугообразно изогнутыми полосками мелких жемчужил. Близкие аналогии нам не известны.

Антропоморфные бронзовые личины с петлей для подвешивания на обороте. Моделирован головной убор, детали лица в рельефе. Полные аналогии не известны.

Датировка погребений не вполне ясна. Большинство вещей характерны для фоминского этапа кулайской культуры, позднесарматского периода (котел, пронизка, зеркала, бляшки, бляхи-накладки). Вместе с керамикой, относимой к раннему железному веку, они дают основание датировать комплекс III—IV вв. н. э. Но ряд предметов, такие как полые фигурки медведей, зайцев, антропоморфные и ориенто-антропоморфные изображения по стилю более сближаются с инвентарем раннесредневековых памятников. Поэтому грунтовые погребения Абатского 3 могильника следует считать принадлежащими переходной эпохе от раннего железа к средневековью и датировать в пределах IV—V вв. н. э., но, видимо, не позже, так как в VI—VIII вв. н. э. на этой территории известны уже памятники потчевашской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матвеева Н. П. Отчет о полевых исследованиях 2 отряда Тюменской археологической экспедиции, проведенных в Абатском, Ишимском районах Тюменской области и в Белозерском районе Курганской области в 1988 г. — АИА АН СССР, р-1, №
2. Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979, 128 с.
3. Чудинова Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984, 256 с.
4. Борзунов В. А. Отчет об археологических исследованиях в Тюменской и Свердловской областях в 1986 г. — АИА АН СССР, р-1, № 11406.
5. Соколовский Н. Н. Воспорские мечи //МИА, 1954, № 33.
6. Троицкая Т. Н. Одицовская культура в Новосибирском Приобье //Проблемы западносибирской археологии. Новосибирск, 1981.
7. Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Изд-во Иркутского Ун-та. 1985, 290 с.
8. Мартынов А. И. Памятники и отдельные находки предметов скифосарматского времени в Томско-Енисейском лесостепном районе //ИЛАН, 1975, вып. VI.
9. Молодкин В. И., Вобров В. В., Ревнушкин В. Н. Айдашская пещера. Новосибирск, 1980.
10. Сосновкин И. Н., Коротков В. П. Клад бронзовых вещей городища Барсов городок 1/9 //Вопросы истории Западной Сибири. Тюмень, 1974, с. 112—119.
11. Генкин В. Ф. История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху //ВАУ, вып. 10, Свердловск, 1970.
12. Генкин В. Ф. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры //ВАУ, вып., 1982, с. 5—52.
13. Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья //МИА, 1953, № 35.
14. Могильников В. А. Потчевашская культура //Археология СССР. Финно-угры и балты. М., 1987, с.

15. Вожованко Н. А. Бронзовые котлы эпохи ранних кочевников в Азиатских степях // Проблемы западносибирской археологии. Новосибирск, 1981.
16. Сизовы А. А. Древности Казанской тундры // МАР, № 28, Спб., 1902.
17. Оберин В. А. Древнее искусство народов Прикамья Пермский австрийский стиль. Перм. кн. изд-во, 1979, 190 с.
18. Гутов Е. А. Процесс изготовления полых бронзовых изделий во второй половине I тыс. н. э. // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. Новосибирск, 1989, с. 69—73.
19. Кошкин П. М. Новые материалы сарматского времени на юге Тюменской области // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1973, с. 79—86.

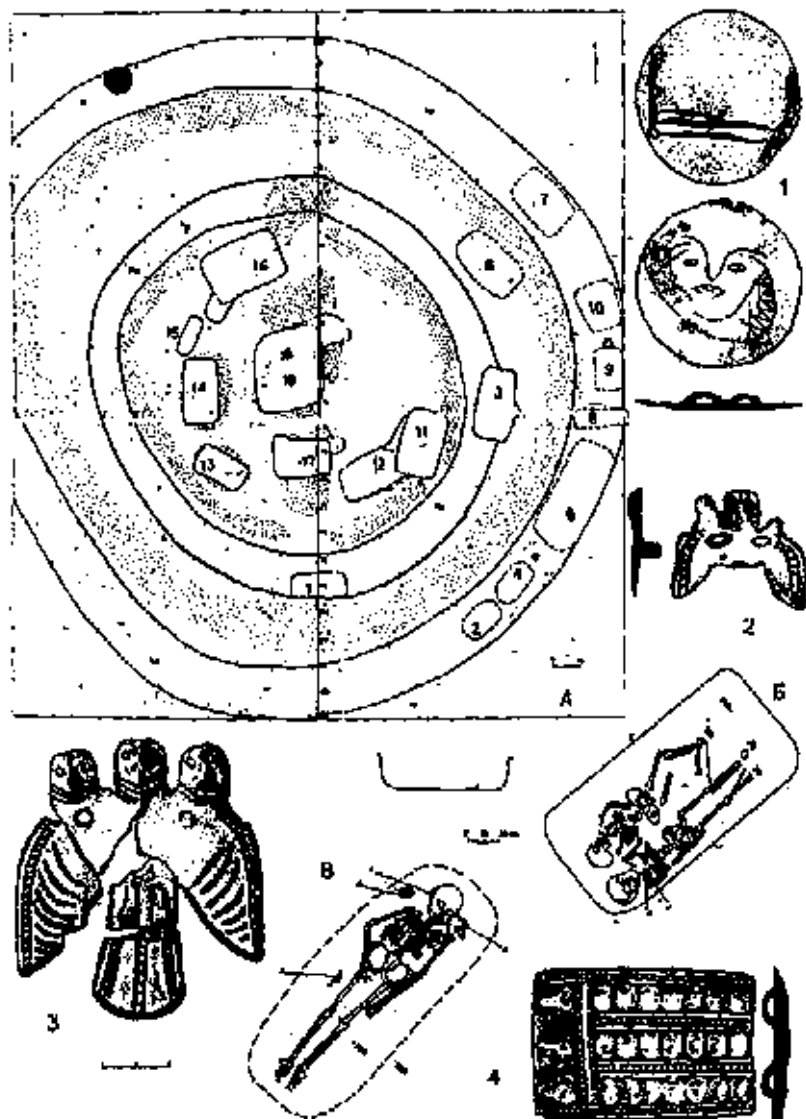

Рис. 1. А — план кургана-2 Абатского 3 могильника; В — погребение-2 (1 — бляха, 2 — птицевидный идол); В — погребение-4 (1 — птицевидный идол, 2 — бляха, 3 — кости животных); 1, 2 — инвентарь погребения-2; 3, 4 — инвентарь погребения-4; 1-4 — бронза.

Рис. 2. А — погребение-6 из к. 2 АБ-3 (1 — нож, 2—4 — бляшки и идол, 5 — зеркало, 6 — керамика, 7 — тесло, 8 — обломок бляшки; 1—8 — инвентарь погребения-6; 1, 2, 8 — железо, остальное — бронза.

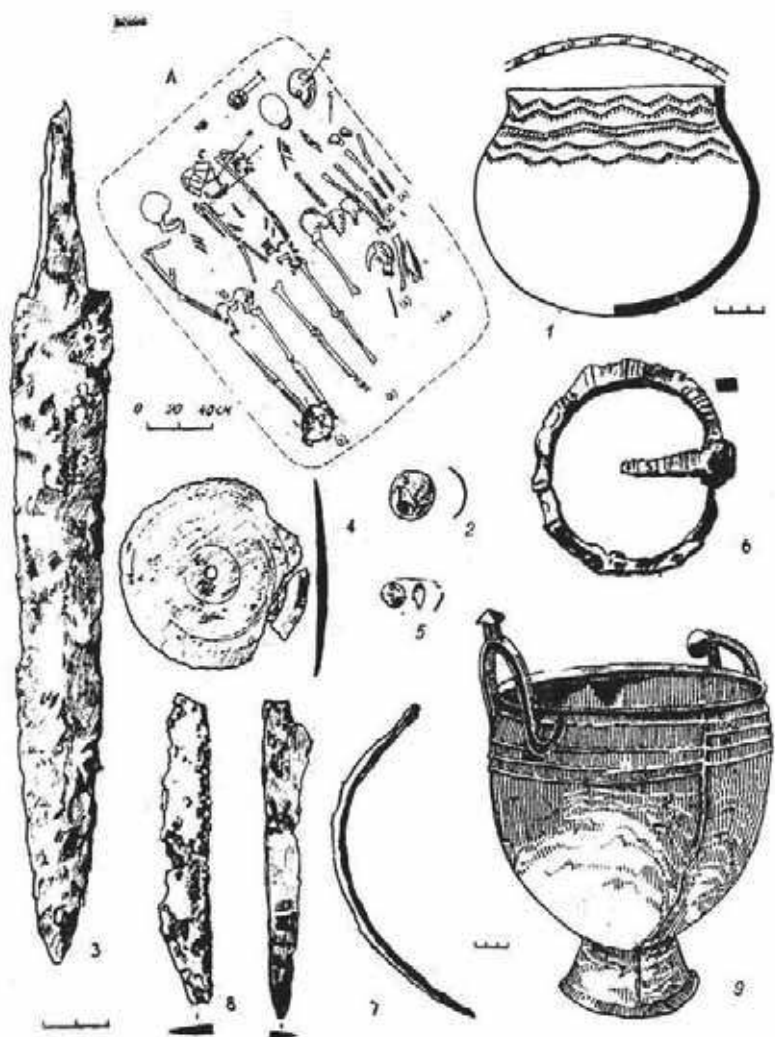

Рис. 3. А — погребение-7 из к. 2 АБ-3 (1 — котел, 2 — пряжка, 3 — нож, 4 — птицевидный идол, 5, 7 — бляшки, 6 — кивжал, 8 — сосуд, 9 — нож, 10 — бусина); 1—9 — инвентарь погребения-7; 1 — глина, 2 — стекло, 3, 6—8 — железо, остальное бронза.

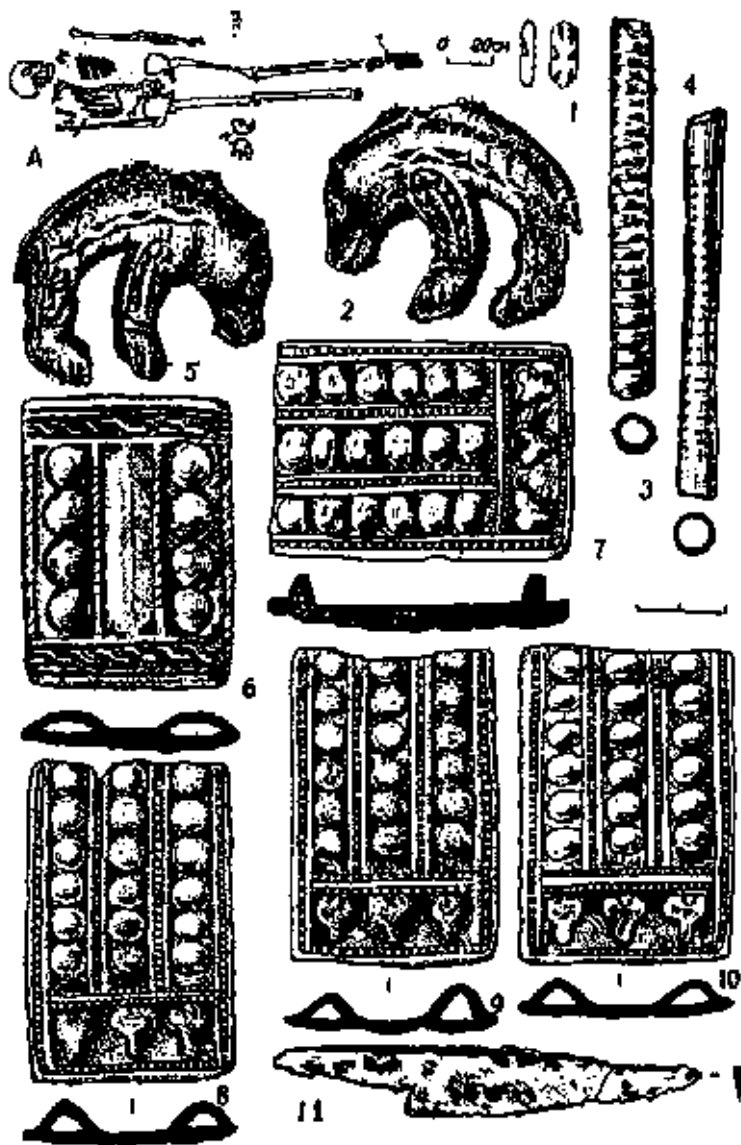

Рис. 4. А — погребение-8 из к. 2 АБ-3 (1 — промизки, 2 — нож, 3 — фигурки медведей, 4 — поясные бляхи); 1—11 — инвентарь погребения-8; 1 — дерево, 2—10 — бронза, 11 — железо.

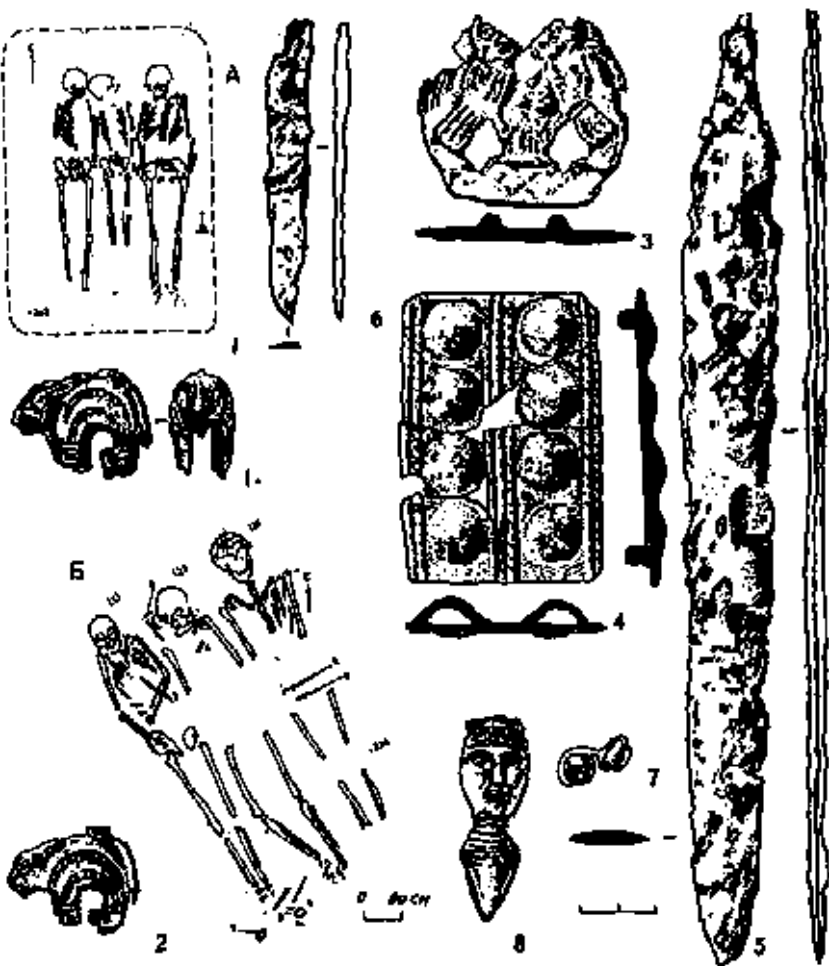

Рис. 5. А — погребение-9 из к. 2 АВ-3 (1 — фигурки зайцев); В — погребение-10 из к. 2 АВ-3 (1 — поясная бляха, 2 — кинжал, 3 — нож, 4 — идол, 5 — бусы, 6 — нож, 7 — бляха); 1, 2 — инвентарь из погребения-9; 3—8 — инвентарь из погребения-10; 5, 8 — железо, 7 — стекло, бронза, остальное — бронза.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МНОГОСЛОЙНОГО ПАМЯТНИКА СТЕПНОЙ ЧУМЫШ-2

Многослойный археологический памятник Степной Чумыш-2 находится на левом берегу р. Чумыш, в 1,5 км, ниже по течению от с. Степной Чумыш Целинного района Алтайского края (Рис. 1, б), на мысовидном безлесом понижаящемся участке надлуговой террасы. Высота памятника от уровня луговой поймы около 20 м.

Исследование этого памятника начал А. П. Уманский в 1963 году. Тогда было заложено несколько разведочных раскопов. Были обнаружены остатки поселения XVIII в., а двумя из траншей выявлены две грунтовые могилы фоминского этапа¹. Материалы этих погребений при публикации были объединены с материалами раскопок могильника одинцовского этапа, расположенного в 650 м к западу, на более возвышенном участке этой же террасы (Рис. 1, 1(а)). С тех пор эти два памятника нередко отождествляют, называя или могильником в урочище Татарские могилки, или могильником Степной Чумыш. Случается, что и материалы исследователями смешиваются в единый комплекс².

В 1978 г. А. П. Уманский, работая в экспедиции А. В. Могильникова, продолжил исследования памятников в районе с. Степной Чумыш. Могильнику одинцовского этапа было присвоено название Степной Чумыш-1, а памятнику с погребениями фоминского этапа — Степной Чумыш-2. Поиск новых могил фоминского этапа был безрезультатен. На памятнике Степной Чумыш-2 были раскопаны 3 жилища XVIII в. и выявлен культурный слой эпохи раннего железа.

Следует отметить, что в ходе паспортизации археологических памятников в бассейне р. Чумыш памятник Степной Чумыш-2 был переименован А. Л. Кунгуровым в Куюк-1, но мы, во избежание дальнейшей путаницы, предлагаем использовать прежнее название.

В 1991 г. автор продолжил исследование этого памятника.

Целью наших работ было продолжение поиска на Степном Чумыше-2 погребений фоминского типа. К моменту проведения наших работ на памятнике Степной Чумыш-2 поверхность занимаемого им участка террасы была искажена не только многочисленными раскопочными траншеями и их задернованными отвалами, но и несколькими глубокими силосными траншеями и ямами, часть из которых была выкопана в старых расколах. Точность глазомерной съемки планов памятника и взаиморасположения раскопов, сделанной в 1963, 1978 гг., оказалась недостаточной для соотнесения раскопов этих двух лет работ. Поэтому вычислить участки обнаружения могил стало практически невозможно. Исследованию были подвергнуты промежутки между раскопами прежних лет. Общая площадь раскопов (за все годы работ) составила около 365 кв. м (Рис. 1, 4).

Мощность культурного слоя на памятнике Степной Чумыш-2 достигала 55—60 см. Все слои перерезаны многочисленными крупными норами сусликов. На вскрываемой площади в дерне и в темном почвенном слое (общая мощность 20—25 см) находок не было. На уровне 20—45 см встречались фрагменты керамики раннего железа и, видимо, относящиеся к этому же периоду обломки костей животных и расколотые камни. Найдены фрагменты керамики в основном от баночных сосудов, иногда с вывернутым наружу венчиком, орнаментированные жемчужником с вдавлениями между ними, наклепными валиками гладкими или расчлененными, резной елочкой и крестом, редко янками (Рис. 3, 1—5). Каменные орудия представлены обломками терочников и топил. На некоторых участках (кв. Е-20, 3-16, 3-22) (Рис. 1, 4) встречены линзы зольников, содержащие обломки сосудов и дробленые кости. Мощность зольников достигала 30—60 см. Так как расколам подвергались узкие промежутки между участками разрушений, да и все слои были буквально перемешаны многочисленными норами, нам не удалось выявить какие-либо жилищные конструкции, связанные с этим периодом бытования поселения. Данный поселенческий слой соотносится с чумышско-ишимской группой памятников и может быть датирован последними веками до н. э. На глубине 35—45 см от дневной поверхности на северо-восточном участке раскопа встречались обломки сосудов поздней бронзы (Рис. 3, 6, 7), а на глубине 45—60 см в центральной части раскопа найден каменный скребок (Рис. 3, 11) и два фрагмента керамики, орнаментированные гладкой качалкой (Рис. 3, 10). Находки из нижнего слоя могут относиться к ранней бронзе (большемысская куль-

тура). В нижнем слое найдены и остатки впущенной в него неопределенной конструкции из камня (кв. Е-5), представлявшие собой линзу диаметром более 40 см. Рядом с этим скоплением камней расщипаны кусочки прокаленной глины и металлургические шлаки неясного характера. Скопления камней встречались и в других местах раскопа (кв. Е-15, Е-20, К-4).

На границе с ямой, как можно предполагать раскопа-7, в котором в 1963 году было вскрыто одно из погребений фоминского типа, на глубине 30 см найдено скопление черных сажистых пятен на площади $1 \times 0,5$ м с вкраплениями отдельных жженых косточек животных (кв. Г-4). Можно предположить, что это следы поминальной обрядности. Но точно такие же скопления жженных костей животных на соседнем участке (кв. К-3, К-4) сопровождалась развалом сосуда глиняного для поселенческого слоя этого памятника эпохи раннего железа (рис. 3, 5). Возле одного из сажистых пятен на глубине 35 см (кв. Ж-14) найден железный стержень с граненой головкой (рис. 2, 5) (возможно, из кончика стрелы). В верхнем слое найдены костяной наконечник стрелы (кв. И-13) (рис. 3, 9), просверленный альчик (кв. Ж-16) (рис. 3, 8) и два железных наконечника стрел (кв. Ж-16) (рис. 2, 6, 7).

В западной части раскопа, у кромки одной из разведочных траншей 1978 г. (кв. Е-17, Е-18), найдено погребение фоминского типа. Ему был присвоен порядковый номер 3 (учитывая могилы 1 и 2, исследованные в 1963 г.).

Могила-3 представляла собой яму сложной конструкции. Одна ее часть ($1,15 \times 0,7$ м), глубиной 0,29 м (все глубины от уровня древней поверхности), ориентированная длинной осью с ЮЗ на СВ. В восточном углу она была прорезана ямой ($0,6 \times 0,45$ м), глубиной 0,55 м, ориентированной длинной осью с ЮЗЗ на СВВ, то есть под тупым углом к длинной оси мелкой ямы. Северная половина юго-восточной стенки мелкой ямы составляла единую линию с юго-восточной стенкой глубокой ямы (рис. 1, 2). Стратиграфические наблюдения позволяют утверждать, что это была могила с подбоем. В восточной части могилы найдены пережженные косточки и кусочки обугленной бересты. Их основная масса лежала на дне глубокой ямы, а часть — на дне мелкой ямы. Дно глубокой ямы было прокалено, на нем было скопление черной сажистой органики. В могиле найдены:

1 — обломки глиняного сосуда (рис. 2(1); 2, 3), мелкие обломки этого сосуда найдены на дне глубокой ямы среди пережженных косточек; сосуд представлял собой малейкий круглодонный горшок с вывернутым наружу приотстранным

венчиком, небрежно орнаментированный крупной гребенчатой уточкой и мелкой гладкой уточкой со сбоем орнаментальной композиции;

2 — железный ножик с обломанным черешком (рис. 1, 2(2); 2, 4) (на дне мелкой ямы, возле глубокой);

3 — берестяной совок или часть коробки (рис. 1, 2(3); 2, 2) (на дне глубокой ямы); изделие свернуто из цельного куска бересты; внутренняя поверхность его обуглена.

Персженные кости в могиле-3 принадлежали ребенку в возрасте до 7 лет⁴.

Кроме этого, на одном из участков раскопа (кв. 3—10) найден фрагмент небольшого глиняного сосуда фоминского типа, орнаментированный одним рядом вертикальной гребенчатой уточки (рис. 2, 1). Возможно, эта находка связана с погребением, разрушаемым проходящей в этом месте силовской траншеей. В слое, где был найден фрагмент сосуда фоминского типа (на глубине 30—35 см), встречались скопления мелких персженных костей.

В северной части раскопа (кв. В-15) были найдены обломки черепа, отдельные кости человека и (кв. В-15) частичко сохранившееся групповое захоронение по обряду ингумации. Погребение, получившее порядковый номер 4, имело следы разграбления. Контуры могильной ямы не фиксировались. В погребении-4 на глубине 70 см от дневной поверхности расширены останки трех человек — 2 взрослых и ребенок. Костяки ориентированы головой на СВ. Два из них — взрослые (костяк — 1 и 3) находились в вытянутом положении на спине, а один (детский костяк-2) — в скорченном на правом боку.

У костяка-1 (взрослый женский) (вдоль северо-западной стенки могилы) на месте остались только кости правой стопы и голени. В области туловища найдены две кости предплечья и пястная кость кисти, а также мелкие кусочки бересты, окрашенной в красный цвет. На месте головы сохранился череп без нижней челюсти. Часть костей от костяка-1 передвинута сусликами в кв. В-16.

У костяка-2 (детский) (между костяками 1 и 3 у их ног) череп был разрушен грабителями. Обломок его мозгового отдела найден в районе головы взрослых костяков, а обломок верхней челюсти в области туловища костяка-1.

У костяка-3 (взрослый мужской) (вдоль юго-восточной стенки могилы) отсутствовали кости правой руки, за исключением кисти, и все кости правой стороны туловища, включая часть позвоночника. У правой ноги отсутствовала большеберцовая кость. На плечевой кости левой руки, вытянутой вдоль

туловища, в области локтевого сустава, расчищены 4 железных наконечника стрелы (рис. 2, 11—14), лежащие пачкой острыми в сторону головы (рис. 1, 3/1—4). Среди костей разрушенной грудной клетки найдены обломки роговой пряжки с утраченным железным язычком (рис. 1, 3(6); 2, 9). Вторая аналогичная пряжка, но целая (рис. 2, 10), найдена ниже таза между бедренными костями (рис. 1, 3(5)).

В области головы костяка-1, на 10 см глубже, расчищены обломки неорнаментированной придонной части плоскодонного сосуда (рис. 2, 8). Сосуд мог быть связан с погребением, но мог относиться и к поселенческому слою раннего железа.

Уцелевший инвентарь погребения-4 позволяет датировать данное захоронение IX—X вв. н. э. Роговые пряжки представляют собой копии аналогичных бронзовых изделий, найденных в сросткинских погребениях могильников Ближние Елбаны-8 и Ближние Елбаны-5⁴. Боеголовковые наконечники также характерны для этого времени⁵.

Можно предположить, что железные наконечники, найденные в верхних слоях памятника Степной Чумыш-2, также связаны с разрушенными погребениями IX—X вв. н. э. С подобными же объектами нужно соотносить обломки костей человека, встречающиеся на различных участках этого памятника.

В 125 м к югу от нашего раскопа, на краю мысовидного участка террасы с площадкой памятника Степной Чумыш-2, на разрушенной кромке заболоченной поймы левого притока р. Чумыш речки Карначак, были собраны фрагменты керамики, позволяющие выделить на этом месте поселенческие слои андроновского (рис. 3, 13—16) и ирменского времени (рис. 3, 12).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Уманский А. П. Могильник верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // *Бронзовый и железный век Сибири*, Новосибирск: Наука, 1974, (*Древняя Сибирь*, вып. 4), с. 136—149.
2. Косарев М. Ф. *Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда*. М.: Наука, 1991, рис. 82; ВЗ.
3. Определил антрополог Алтайского государственного университета А. Р. Ким.
4. Грязнов М. П. *История древних племен Верхней Оби* /МИА. 1956, № 48, табл. 59, 18; 57, 15.
5. Худяков Ю. С. *Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии*. Новосибирск: Наука, 1966, рис. 84.

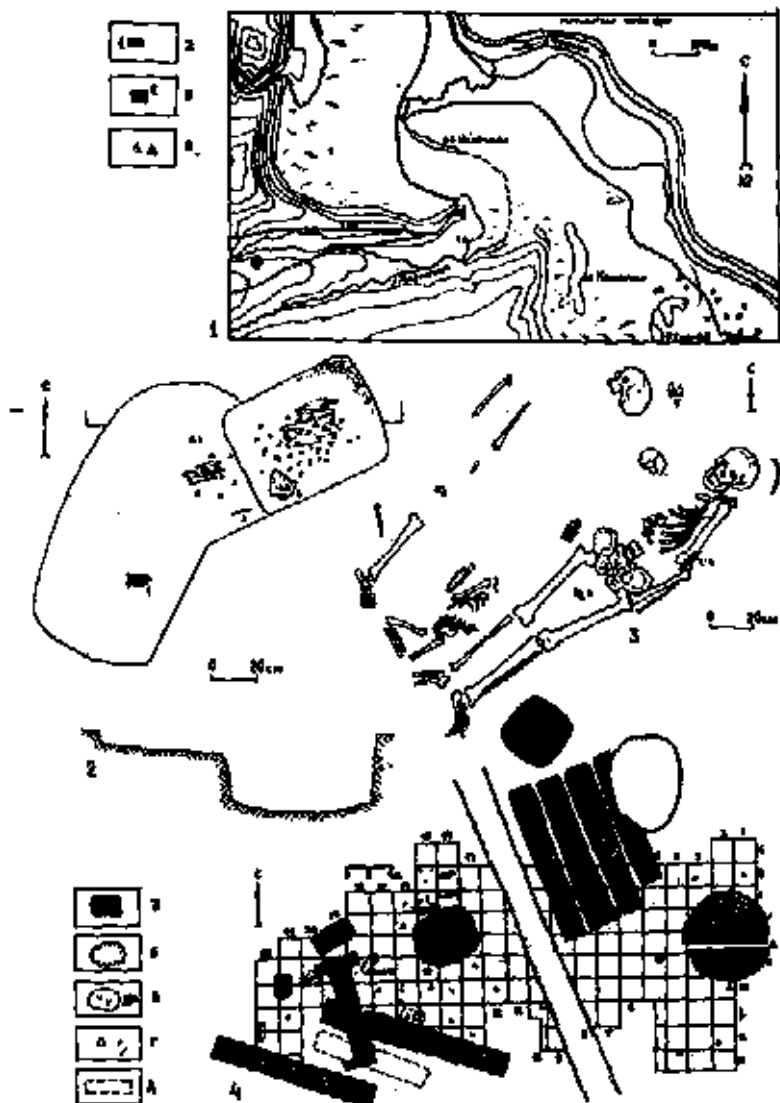

Рис. 1. 1 — план района исследования (а — Степной Чумыш-1, б — Степной Чумыш-2, в — место сбора керамики); 2 — план и разрез могилы-3, Степной Чумыш-2; 3 — план могилы-4, Степной Чумыш-2; 4 — схема расколов на памятнике Степной Чумыш-2 (а — раскопы прежних лет, б — силосные ямы и траншеи, в — вольники, г — места находок керамики и отдельных предметов, д — место траншеи 1968 г. по А. П. Уманскому).

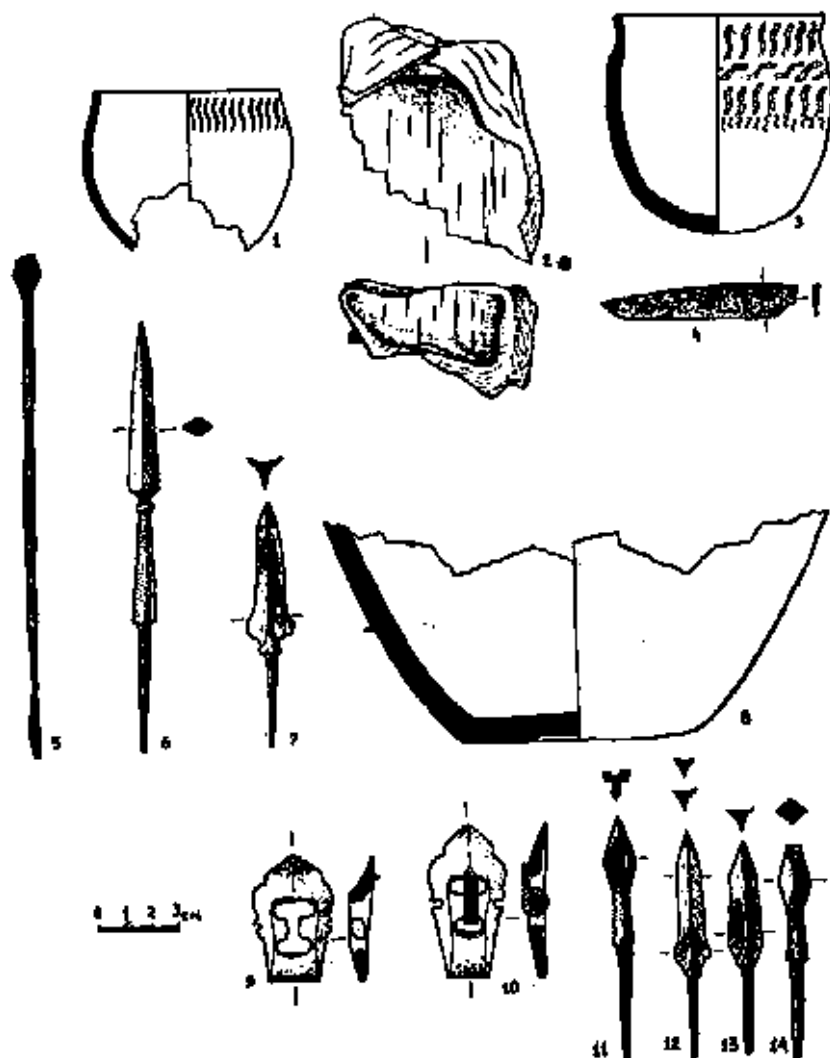

Рис. 2. Материалы раскопок. Степной Чумыш-2. 1, 5—7 — из слоя; 2—4 — из могилы-3; 8—14 — из могилы-4; 1, 3, 8 — керамика; 2 — береста; 4—7, 11—14 — железо; 9 — кость; 10 — кость, железо.

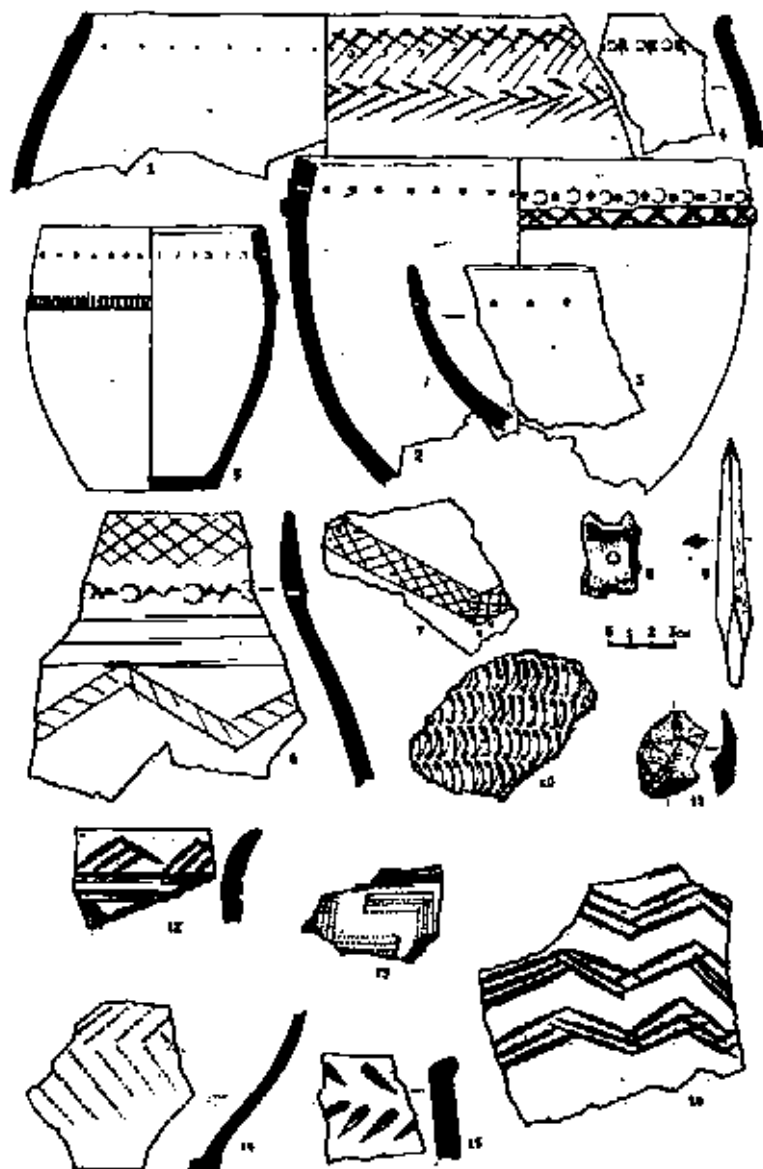

Рис. 3. Стенной Чумыш-2, 1—11 — материалы раскопок; 12—16 —
 сборки и игу от раскопа, 1—7, 10, 12—16 — керамика; 8, 9 — кость;
 11 — камень.

РАСКОПКИ КУРГАНА КОНЦА I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э. НА Р. ЧУМЫШ

Экспедицией Историко-архитектурного музея «Кузнецкая крепость» был раскопан курган на левом берегу р. Чумыш в Целинном районе Алтайского края на памятнике, который А. П. Уманский назвал «Курганная группа № 3 у с. Степной Чумыш»¹.

Памятник представляет собой курганный могильник, который расположен на высокой террасе левого берега р. Чумыш, на гребне увала, до 120 метров высоты над уровнем уреза воды в реке, в 2 км к ЗСЗ от поселка Куюк, в 2,5 км к северу от с. Степной Чумыш. На соседнем увале, в 1 км к югу, вверх по течению р. Чумыш, находится «Курганная группа № 2», где А. П. Уманским были проведены раскопки, давшие материал скифского времени² (рис. 1).

Курганная группа насчитывает 18 хорошо различных насыпей 8—12 м диаметром. Большинство из них имеют в центре провалы. Безусловно, насыпей было гораздо больше, но многие из них в настоящее время не видны, т. к. памятник подвергался распахке (рис. 2). Один курган на памятнике был исследован А. П. Уманским (курган 1), курган относится к эпохе средневековья³.

Для уточнения общей датировки курганной группы был исследован наиболее распаханный курган (однако видимый на поверхности) на противоположном крае могильника — курган № 2 (рис. 2).

Курган № 2 имел земляную насыпь округлой в плане формы, диаметром около 10 м и высотой (над уровнем современной поверхности) около 20 см. В центре кургана прослеживалась небольшая западина.

При снятии насыпи в западном секторе кургана было обнаружено сооружение из 2-х лежащих рядом камней. Один камень большой — 50×30×30 см, неправильной вытянутой формы, его острое ребро было видно на дневной поверхности еще

до начала раскопок. Второй камень — лежащая вплотную к нему небольшая плитка — $20 \times 20 \times 5$ см. Никаких следов обработки на камнях нет. В 30 см к западу от камней на глубине 30 см от дневной поверхности были обнаружены мелкие фрагменты кальцинированных костей. Отдельные фрагменты встречались в радиусе до 70 см.

Выкид из могильной ямы стал проследиваться на глубине 30 см. Он занимал площадь диаметром до 5 метров в центре кургана. Толщина линзы выкида доходила до 35 см. В центре мешаная, серо-желтая линза была пробита грабительским расколом.

Отдельные фрагменты костей из разрушенного грабителями погребения стали встречаться в заполнении могильной ямы на глубине 70 см от поверхности. На глубине 180 см — находились выброшенные грабителями лошадиные кости — кости передних ног и ребра. Среди лошадиных костей были найдены две костяные бляшки-пронизи подквадратной формы с круглым отверстием посередине (рис. 4, 1, 2). Кости ног лошади были свалены кучей у северной стенки могильной ямы, ближе к северо-западному углу. Ребра были свалены кучей в северо-восточном углу ямы. Под ребрами лошади находились перемешанные кости от 2-х человеческих скелетов. Человеческие кости почти все находились в СВ углу и лежали плотной грудой до самого дна могильной ямы — от 190 — до 240 см от уровня дневной поверхности. Некоторые кости (прямые кости одной руки) находились в сочленении. Среди человеческих костей была найдена бронзовая подвеска 3,5 см длиной, свернутая из неровной пластинки толщиной до 1 мм. Внутри подвески сохранился кожаный узелок (рис. 4, 4). Здесь же были найдены несколько фрагментов от проволочек-сережек, круглых в сечении (ок. 1 мм). Один фрагмент серебряный, остальные — бронзовые (рис. 4, 14, 13). А также здесь был обнаружен обломок железного ножа с узким, но массивным лезвием (рис. 4, 5).

На глубине 210 см выявилось деревянное перекрытие, которое занимало приблизительно 1/4 часть могильной ямы в западной ее части. Перекрытие состояло из четырех бревен или плах, постеленных вдоль длинной оси могилы. Перекрытие разрушено, очевидно, во время ограбления захоронения. Рядом с перекрытием, у южной стенки могилы, лежал костяк лошади. Голова, шея, задние ноги, часть ребер, лопатка находились в непо потревоженном состоянии. Лошадь лежала вплотную к стене, с поджатыми ногами, головой на запад (рис. 3, 3). Под конским костяком была обнаружена третья костяная

бляшка-пронизь подквадратной формы с круглым отверстием (рис. 4, 3).

Дно могильной ямы имело размеры 2,6×1,4 м и было ориентировано в направлении запад—восток. В восточной части могилы оказались ненарушенными кости ног от 2-х захороненных. Сохранились в первоначальном положении берцовые кости и кости стоп. Кости скелета, уложенного у южной стенки (ближе к коню) более массивны. Между ногами костяков лежало бронзовое шило, круглое в сечении, слегка изогнутое, концы раскованы на 4 грани. На одном конце сохранились остатки деревянной рукояти (навершия?). Шило лежало острием к пятке второго (северного) скелета (рис. 4, 7).

Кости ног находились на глубине 245 см от поверхности. Судя по непо потревоженным костям, можно сказать, что погребенные лежали вытянуто на спине, головой на запад.

Остальные человеческие кости были все свалены кучей в СВ углу. Очевидно, грабители, траншея которых прорезала могилу в центре, от северной стенки, разрушили погребение до полного разложения покойников, т. к. отдельные кости находились в сочленении, а кроме того, на головках бедренных костей остались зарубки, сделанные, видимо, ножом — возможно, грабители обрезали сухожилия у захороненных для того, чтобы вынуть их по частям в узкий грабительский лаз.

Под деревянным перекрытием, на дне могильной ямы, оказались следующие вещи: глиняный горшок, лепной, кривобочный, неровного обжига, доньшко слегка вогнуто, стенки очень тонкие, венчик почти прямой. Высота сосуда — 19 см, диаметр венчика — 12 см, диаметр тулова — 16,5 см (рис. 5, 1). Орнамент — два ряда горизонтальной елочка. Но орнамент нарушен 7 глубокими ямками, 8 черточками-зарубками, не выдерживается параллельность рядов елочка (рис. 5, 2). Рядом с горшком находился крестец овцы в сочленении с 6 позвонками, в который был воткнут кончик тонкого железного ножа (рис. 4, 6), обломок, длиной 3 см. Овечьи кости были в могиле также среди перемешанных человеческих костей. Это были еще 2 крестца. Возможно, обломок ножа, описанный выше, был связан с этими костями.

Недалеко от горшка, на дне могильной ямы, были найдены: фрагмент железной пряжки с круглой рамкой (рис. 4, 8), неопределенный фрагмент спекшегося железа (рис. 4, 10), разогнутая бронзовая пронизка (рис. 4, 9) и кусочек гематита, залощенный, который использовался, видимо, в косметических целях (рис. 4, 11), а также крошечные обрывки золотой фольги (рис. 4, 12).

Дно могильной ямы вышло на уровень палеолитического слоя — 265 см от уровня дневной поверхности. Здесь встречены каменные отщепы, пластины, угольки, фрагменты минерализованных костей. Все палеолитические находки переданы А. Л. Куягурову.

В результате раскопок кургана нами выделены несколько деталей погребального обряда:

— Выбрано возвышенное место для сооружения могильника:

— могильник курганный, причем специальной планировки его не прослеживается;

— насыпь кургана округлая в плане, ровик отсутствует;

— наличие жертвенного (поминального) камня к западу от могилы и кальцинированные косточки рядом с камнем;

— в кургане только 1 могила, ориентированная длинными сторонами в направлении восток—запад;

— могильная яма очень глубокая — более 2 м;

— наличие деревянного перекрытия могилы;

— 2 погребенных в одной могиле;

— погребенные были уложены вытянуто на спине, головой на запад;

— с юга от могилы — захоронение коня, головой на запад;

— в качестве пищи захороненным положено овечье мясо (задняя часть, курдюк) с воткнутым в него обломком ножа и поставлен горшок в головах могилы.

Инвентарь, уцелевший от разграбления, немногочислен. Однако довольно выразителен. Это, в первую очередь, горшок, имеющий прямые аналоги среди посуды березовского этапа большереченской культуры⁴, который датируется II—I вв. до н. э.⁵

Прочий инвентарь — нож, воткнутые в бараний дрестец, шило, украшения не противоречат подобной датировке и культурной привязке. Не имеют аналогий в большереченской культуре костяные подквадратные блины-пронизи с круглым отверстием. Однако эти детали лошадиной сбруи встречаются в материалах Горного Алтая⁶ и Минусинской котловины⁷ датируются также II—I вв. до н. э.

Однако прямо отнести курган к березовскому этапу Большереченской культуры не позволяет захоронение коня с юга от могилы. Курганы с захоронением коня на Северном Алтае относят к так называемой «Чумышко-нишинской группе памятников». Несмотря на то, что у разных исследователей представление о месте «Чумышко-нишинских памятников» среди археологических культур Горного и степного Алтая сильно

различаются⁹, в последних публикациях указывается либо на принадлежность этих памятников локальному варианту большещеченской культуры, либо к Большещеченской историко-культурной общности⁹.

В настоящее время памятники Чумышско-ишкинской группы изучены явно недостаточно, чем и вызывается отсутствие единого мнения по их культурной принадлежности среди археологов. Поэтому публикация каждого исследованного памятника имеет большое значение в процессе накопления информации о культурно-историческом процессе на северном Алтае в конце I тысячелетия до н. э.

В результате исследования мы можем сказать об археологическом памятнике «Курганная группа № 3 у с. Степной Чумыш», что это разновременный памятник, включающий в себя комплексы эпохи палеолита, погребения II—I вв. до н. э., относящиеся к «Чумышско-ишкинской группе памятников», и средневековый могильник. Памятник вызывает чрезвычайный интерес и требует продолжения раскопок.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архив ИА РАН, Р-1 № В047, Могильников В. А. Отчет о полевых исследованиях 1978 г.
2. Там же.
3. Там же.
4. Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка. МИА № 48, М.-Л., 1936, 265 с., Табл. XXIX, 10.
5. Грязнов М. П. Алтай и приалтайская степь. //Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992, 494 с., с. 177.
6. Кубарев В. Д. Курганы Уландрына. Новосибирск, 1987, 304 с., рис. 14, 8.
7. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992; табл. 94, 87.
8. Шульга П. И. К вопросу о взаимодействиях населения Горного Алтая и предгорий. //Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991, с. 131—132.
9. Алексеев Ю. П. Этнопоказательные признаки в памятниках Большещеченской культуры (V—I вв. до н. э.) //Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, 1990, с. 194—195.
10. Воквалко Н. А., Мошкова М. Г., Могильников В. А. Основные проблемы в изучении памятников древних скотоводов Западной и Южной Сибири и Забайкалья //Степная полоса Азиатской части СССР., с. 157.

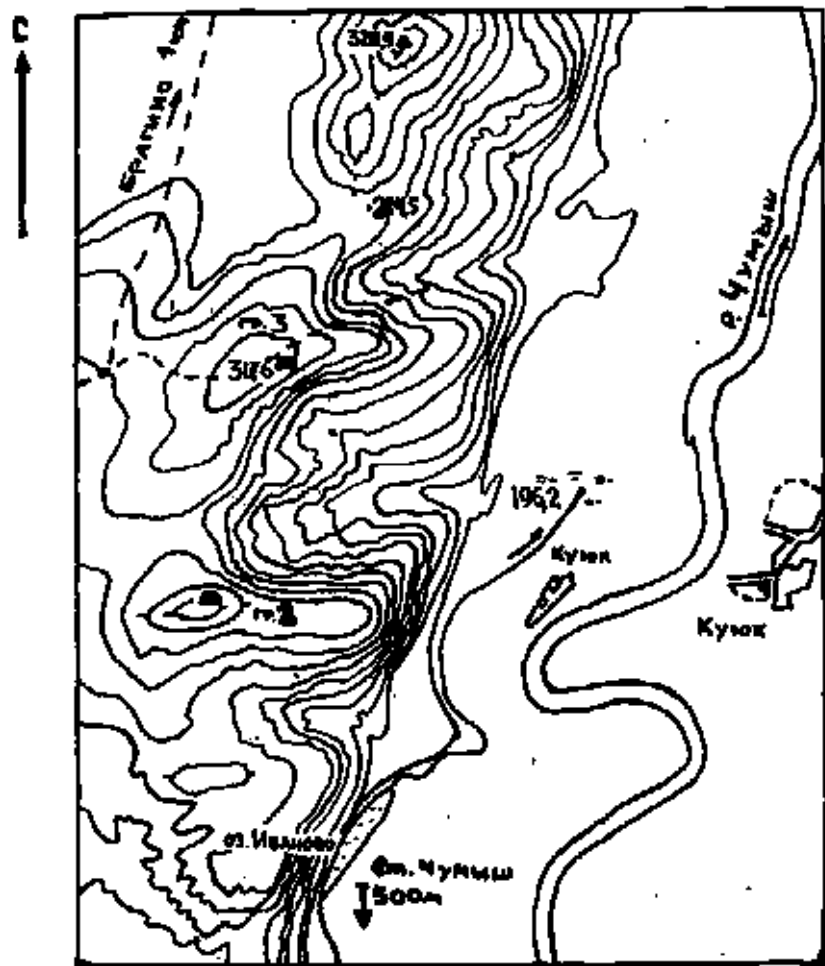
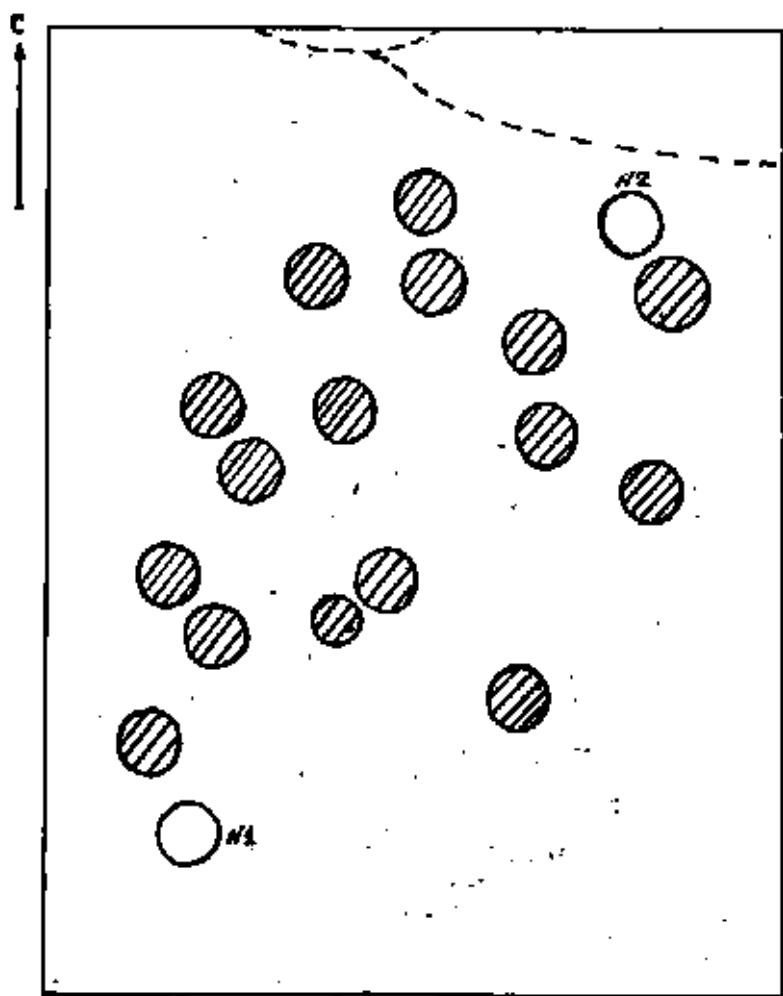

Рис. 1

Рис. 1. Местонахождение курганной группы № 3 у села Степной Чумыш.

● - КУРГАН

0 10 м

○ - РАСКОПАНЫЙ КУРГАН

Рис. 2. План курганный группы № 3.

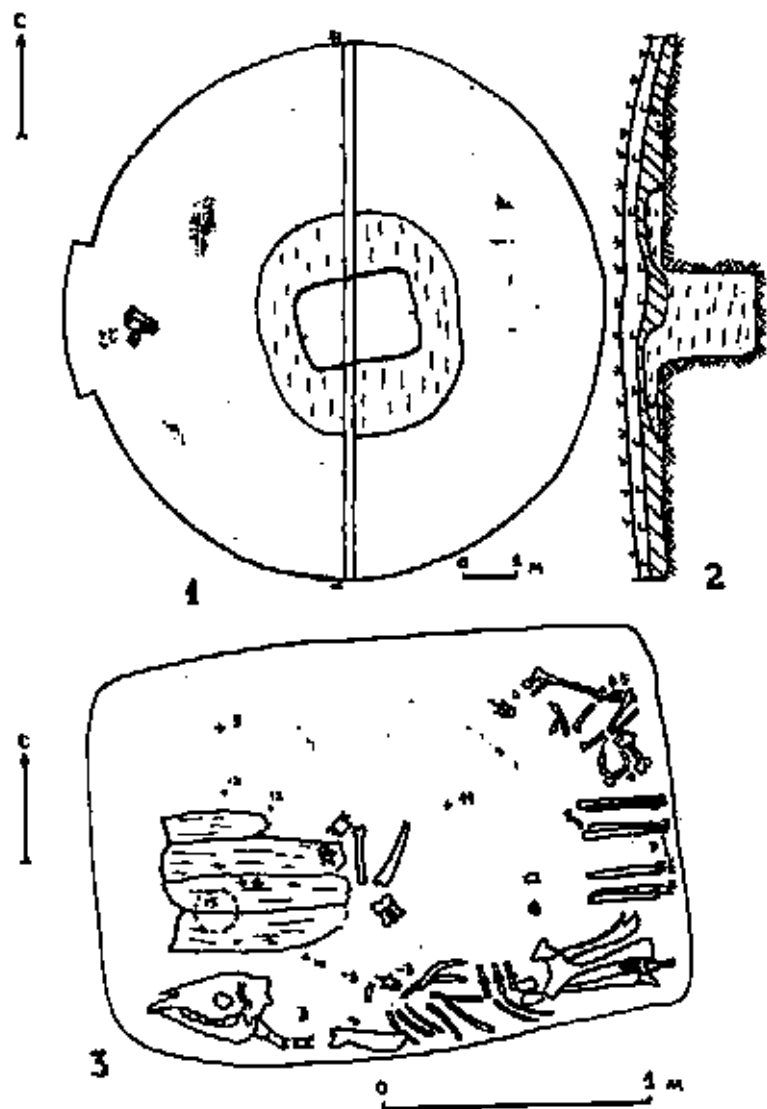

Рис. 3. 1. Курган № 2 — план. 2. Курган № 2 — бровка С-Ю. 3. Курган № 2 — дно могильной ямы.

Рис. 4

Рис. 4. Инвентарь. 1—3 — бляшки-пронизи. 4 — подвеска. 5—6 — ножи, 7 — шило, 8 — фрагмент круглой рамки от пряжки, 9 — разогнутая пронизка, 10 — неопред. фрагмент железа, 11 — гематит, 12 — золотая фольга, 13 — фрагменты бронзовой проволоки, 14 — фрагмент серебряной проволоки.

1—3 — кость, 4, 9, 13 — бронза, 5—8, 10 — железо, 11 — камень, 12 — золото, 14 — серебро, 7 — бронза-дерево.

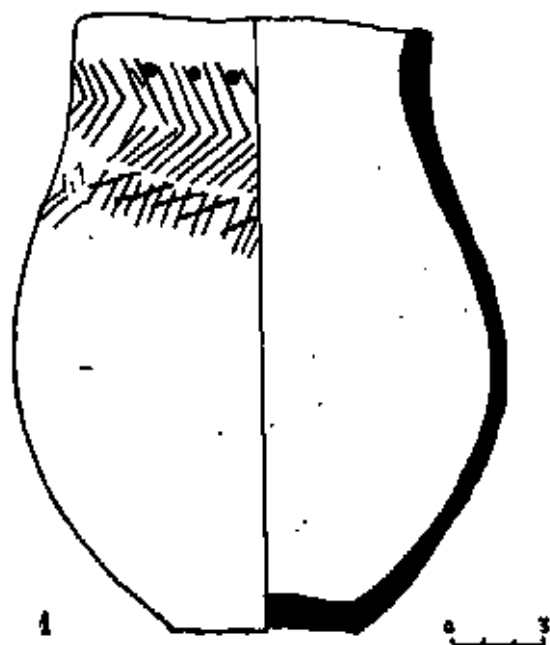

Рис. 8. 1. Сосуд, глина. 2. Развертка орнамента.

**ПОЕЗДКА ПО РУДНОМУ АЛТАЮ В АВГУСТЕ—
СЕНТЯБРЕ 1734 ГОДА**

(из книги *Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733—1734*)

1. 11-го августа 1734 года в 9 часов утра мы благополучно прибыли в Усть-Каменогорскую крепость (проехав 6165 верст от С.-Петербурга). В двух верстах от крепости мы перебрали красивую речку Ульбу, берега которой были усеяны крупной галькой и булыжником.

2. Мы не особенно были утомлены поездкой, и на следующий день после своего прибытия в Усть-Каменогорск решили съездить в Аблай-Кит, который с недавнего времени приобрел всемирную известность. Решение было быстрое, и особой подготовки к этой поездке не требовалось, но все же надо было как следует поразмыслить, прежде чем предпринять это путешествие. Нам сказали, что на него потребуется по меньшей мере пять дней. В таком случае нам сразу же по возвращении в Усть-Каменогорскую крепость пришлось бы уезжать отсюда, чтобы не упустить времени для осмотра медеплавильного завода Демядова и не запоздать с поездкой в Томск. Но и в Усть-Каменогорске имелось многое такое, что заслуживало исследования. Однако побывать в Аблай-Ките надо было обязательно: нужно было описать это местечко и прихватить с собой находящиеся там редкости, чтобы они не оказались рассеянными по белу-свету, как обычно бывает, и не были бы, таким образом, потеряны для исторической науки... Но никого из своей партии нам посылать туда не хотелось, из боязни нападения казахских орд, и мы решили направить туда нашего унтер-офицера с двумя солдатами в сопровождении охраны из 30 человек и писаря местной канцелярии, которому поручили описать и измерить, по возможности, все достопримечательности; а унтер-офицеру и его команде поручалось забрать оттуда все, что можно было взять.

Выехали они 12-го августа на закате солнца, а 15-го в 8 часов утра прибыли обратно. Они проехали, по их словам, верст 75 степью, западнее Иртыша, ехали, большею частью, вдоль

речки Аблай-Кит то в южном, то в восточном направлении. Аблай-Кит или Аблайн-Кит, как его называют калмыки, находится в версте от речки Аблай-Кит, к северу от нее. Местечко это состояло из четырех домов и руин четвертого здания, внутри которого можно было еще видеть остаток очага; помещение это своим видом напоминало кухню. Все эти строения были обнесены стеной в $5\frac{1}{2}$ аршина высоты и $4\frac{1}{2}$ аршина толщины, сложенной из бутового камня, которая составляла продолговатый четырехугольник с воротами на полуденной и восточной сторонах. Впрочем, это не сплошная стена, с одной стороны она прерывается скалой, которая сама служит вместо стены. Южные ворота стены ведут прямо к двум строениям, стоящим на весьма высоком фундаменте. Первое строение не имело ничего, кроме одного большого зала с двумя печами по углам, острыми наверху и вздутыми посередине, внизу они имели отверстие, из которого что-то, по-видимому, вытекало, было и другое отверстие для мехов. Следующее сооружение также представляло один большой зал, у входа в который на большом постаменте стоял огромный бронзовый идол, окруженный шестнадцатью другими, меньшего размера. На стенах этого зала были видны многочисленные, совершенно оригинальные изображения. У меня не хватит терпения подробно их описывать, но я замечу лишь, что по нелепости они не уступают алхимическим бредням. Видишь, например, человека с 4 головами и 24 руками, рядом изображен другой с 2 головами и 8 руками. Первый одной из своих правых ног наступал на голову некоему человеку, а двое других лежат у его ног. Напротив помещается человек с 2 головами и 4 руками; рядом с ним женская особа, которую данный мужчина обнимает двумя из своих рук и целует одной из своих голов, сплетая также свои ноги с ее ногами. В этом же помещении имелся большой шкаф со множеством полок, где первоначально, когда Аблай-Кит был открыт, лежало много рукописей, рассыпанных по всему помещению.

Третье строение не имеет фундамента и стоит прямо на земле, и, кроме центрального зала, имеет еще маленькие боковые помещения. Все эти сооружения построены из обожженного кирпича и имеют несколько отверстий, но не имеют даже следов огня.

Не желая вдаваться в подробности, я хочу лишь сообщить, что люди доставляли нам оттуда множество тангутских и калмыцких рукописей, разнообразных по форме и оформлению, исписанных различными письменами. Тангутские были большей частью написаны на синей, гладкой бумаге, белыми

или золотыми буквами, калмыцкие же все написаны на белой бумаге черными или красными чернилами. Кроме того, мы получили еще и другие небольшие рукописи, из которых отчетливо было видно, что они отпечатаны. Вместе с тем, нам были принесены четырехугольные продолговатые деревянные таблички с вырезанными на них монгольскими письменами, обмазанными черной типографской краской. Но среди принесенных бумаг не нашлось ни одной с их оттисками. Было доставлено также несколько досок с плохо выполненными рисунками, сделанными акварелью, но хорошо сохранившимися; такими дощечками был завален каменный пол в обоих зданиях; изображения на них, по-видимому, святые. В Усть-Каменогорске нам дали подобное изображение, сделанное на бумаге, но выполненное гораздо лучше, оно тоже было привезено из Аблай-Кита. Там должно быть много таких рисунков, но наши люди не нашли ни одного. Замечательно, что изображения на этих картинах, подобно святым у разных народов, имеют золотой нимб вокруг головы, и еще ту особенность, что они вообще изображаются сидящими со скрещенными ногами.

Заключивая это описание, я хочу еще добавить, что, по словам наших людей, там в настоящее время лежит еще так много писем, что ими можно нагрузить еще около 20 подвод. И хотя лучше сохранившиеся уже изъяты, следовало бы сберечь и остальные, так как и плохо сохранившиеся могут быть прочитаны. Мы, следовательно, могли вполне удовлетвориться тем, что получили оттуда, но все же было очень жаль, что нам самим не удалось побывать там, жаль особенно потому, что мы и отказались-то от этой поездки только из-за неверных сведений о ее длительности.

Аблай-Кит есть не что иное, как языческий храм калмыцкого хана Аблая из племени Хошот, жившего в середине прошлого века и отстраненного от своей должности в калмыцком округе приблизительно в 1671 году.

3. В течение тех ночей, которые мы провели в Усть-Каменогорске, мы наблюдали на восточной стороне неба светлое сияние — это было отражение пылающих за горами степей. По-видимому, калмыки намеренно жгут степи, чтобы этим задержать продвижение казахской орды. Казахи, которые благодаря этому лишаются пастбищ для своих лошадей, на которых они совершают свои кочевья, этим самым, по мнению калмыков, лишаются возможности подкочевывать к ним.

4. Усть-Каменогорская крепость получила свое название от гор, которые начинаются в верхнем течении Иртыша. Расположена она на мелководном рукаве реки Иртыша, на довольно

обширной равнине, горы же находятся к востоку от нее. Она невелика в окружности, и увидели мы ее только тогда, когда выехали на равнину; она представляет из себя правильный четырехугольник и имеет двое ворот, из которых открыты только одни. По обе стороны ее располагаются казармы, с двух других сторон построены дома для офицеров, старые цейхгаузы и помещения для гауптвахты. Посередине крепости стоит церковь. Начальником крепости является лейтенант, выполняющий обязанности коменданта и имеющий в своем распоряжении 150 человек служивых и солдат. Близ крепости, на том же рукаве Иртыша, имеется еще несколько небольших частных домов, построенных самими владельцами. Крепость окружена рогатками, а с той стороны, где находится слобода — надолбами. Надолбы — это вид укреплений, которые устраиваются для того, чтобы помешать местному конному неприятелю вести наступление и потому эффективны только в данной местности. Они представляют из себя два ряда бревен, лежащие поперек на сваях высотой в половину человеческого роста, и местами связанных друг с другом небольшими поперечными балками. Крепостной вал — земляной, укреплен фашинами для предотвращения от воздействия обычных здесь выхрей, которые легко могли бы опрокинуть голый земляной вал. С внутренней стороны вал подпирают сваи, а снаружи он окружен довольно глубоким рвом. Почва вокруг крепости, кажется, не так хороша, как в окрестностях Семипалата, да и местность здесь из-за больших гор более дикая. Мы рассчитывали найти здесь в изобилии калмыцкие огурцы и арбузы, но, хотя местность эта расположена южнее, мы не нашли тут зрелых овощей, их было мало, и они были еще зеленые. Это объясняют тем, что они были поздно посажены. Зато тут во множестве растут шалфей и иссоны.

Диких животных здесь изобилие. Встречаются маралы, козлы, разные особые виды диких коз и овец (сайги и степные бараны или, по-калмыцки, «аргали»), лоск (называемые в этой местности «сохатые»), дикие свиньи (кабаны). С тех пор, как в эту местность было послано высочайшее повеление ловить маралов и аргали живыми и препровождать их в Петербург, ловля их производится следующим незамысловатым способом. Делаются ямы, имеющие приблизительно длину, ширину и высоту животного, которое собираются ловить. С одной стороны ямы воздвигают длинную изгородь, которую на том конце, где находится яма, оставляют открытой. Яма сверху прикрывается дерном, так что ее не видно. Пробегающее дикое животное, встречая на пути изгородь, находит проход

через нее лишь на том месте, где имеется яма. Прежде чем достигнуть отверстия в изгороди, оно подбегает к яме; дерн проваливается, и животное оказывается в плену. Говорят, что иногда таким образом попадает такой крупный и сильный олень, что его бывает невозможно связать и извлечь из ямы и приходится пристрелять. Из казны выплачивают за аргали два с половиной рубля. Судя по всему, при этом имеют свою выгоду и офицеры, и промышленники. Так как оплачиваются и те животные, которые гибнут в пути при перевозке на большое расстояние. В большинстве случаев они доставляются на место уже дохлыми. Хотя я не думаю, что промышленники при этом очень много зарабатывают, но живут они очень хорошо, и я нигде еще не встречал более состоятельных людей.

6. Иртыш в этой местности уже не так красив, каким он был в нижнем течении. Он везде настолько мелкий, что даже на совершенно легком суденышке ехать по нему можно лишь с большим трудом.

6. 13-го г-н профессор Миллер отправился на кое-какие еще не открытые местные могильники. Ему хотелось видеть их внутреннее состояние, и он нашел его следующим: покойник лежал голый в земле, с головой, обращенной на восток. Все его уцелевшие кости были в их натуральном положении, но совершенно трухлявые. Кроме этих костей он обнаружил там между ними несколько ржавых кусочков железа, первоначальное назначение которых установить было невозможно, так как они сильно пострадали, от ржавчины. Могильная яма была сплошь выстлана галькой, словно там было русло речки или реки.

7. 16-го, в 5 часов вечера, мы выехали из Усть-Каменогорска и в тот же вечер проехали на вершинах 30 верст, а так как кормовище у речки Глубокой было бедно травой, мы расположились несколько дальше этой речки, на берегу Иртыша. 17-го утром мы прибыли на свое прежнее хорошее кормовище на речке Березовке. Примерно на полпути между речками Глубокой и Березовкой мы встретили много мелкого миндаля особого рода, отсюда я захватил с собой на Березовку несколько таких деревцев и рассадил их там¹.

8. Хотя мы собирались дойти в этот день до Убы, но она оказалась дальше, чем мы предполагали. Ехали мы до поздней ночи и расположились у маленькой речушки, воду которой нельзя было пить без отвращения, верстах в 40 от Березовки. С нами имелся взятый нами на всякий случай запас воды, и мы поэтому не испытывали никакой нужды; другим

участникаж нашей партии мы не могли преподнести более приятного подарка, как дать испить нашей водицы.

9. 18-го августа, в 9 часов утра, мы подъехали к речке Убе и проехали ее берегом около пяти верст. Раздулся очень сильный ветер, который доставил нам много неприятных переживаний. Люди, как обычно, развели костер, чтобы сварить пищу; но только лишь они сделали это, как пламя охватило близрастущий кустарник, и, несмотря на все старания наших людей, им не удалось однако потушить пламя. Не прошло и четверти часа, как весь окрестный лес был охвачен пожаром... И нам пришлось как можно быстрее перетаскивать свои пожитки в реку, дабы уберечь их от огня. Возможно, пожар продолжился бы долгое время, но, к счастью, вскоре же после его начала пролился ливень, который сразу же его потушил.

В пятидесяти верстах от этого места имеется гора, именуемая Плоская, в которой добывается руда для Кольванских медеплавильных заводов. Проезда через нее нет, так как для этого пришлось бы делать большой крюк, да и из-за высоты горы совершенно невозможно проехать через нее на телеге; и однако нам все же не хотелось упустить случая побывать на руднике. Мы решили поэтому подняться на упомянутую гору, взяв с собой шесть человек из охраны, а багаж свой отправить с остальной частью охраны по обычному пути. Условились съехать вечером у речки Алея, поэтому мы ничего с собой не прихватили, кроме одного плаща и небольшого количества копченой колбасы и сухарей. Выехали мы одновременно с багажом в 1 час дня (18 августа), а в 3 часа дня были уже на Плоской горе, где мы сразу же увидели лежащую на поверхности руду, и спустились в рудник, глубина которого еще не превышала 8 сажен. В нем работают 30 рудокопов, которые добывают 100—200 пудов руды в день. Руда хорошего содержания, но, благодаря налетам казахской орды, летом здесь нельзя работать более трех месяцев, так как весной и осенью это опасно; мы слышали, что через 14 дней работа здесь должна быть прекращена. Зимой же эту дорогу делают совершенно непроезжей сугробы, которые высоко надувает с одной стороны горы сильными снежными бурями. Живут рудокопы в берестяных хижинах, находящимся под горой, на берегу Убы.

10. Выехали мы с рудника в 4 часа вечера, но не проехали и полпути до Алея, как пролился страшный ливень, который, впрочем, быстро прекратился. Один местный служивый, который сопровождал нас, сообщал, что за лето это был первый дождь, так как лето было засушливое. Ясно, что мы пожела-

ли, чтобы во время нашего путешествия еще продлилась хорошая погода.

В 8 часов вечера мы подъехали к реке Алею. Здесь бассейн реки Иртыша кончился, это был первый приток Оби. Сойдя с коней, мы узнали, что наши телеги подъехали к Алею не на условном месте, а несколько ниже по течению. Дороги туда не знал никто; а, между тем, у нас осталось совсем мало продуктов, да и те были у охраны, а у остальных на нашей партии не осталось совсем ничего. Нечего было нам и пить, кроме обычной речной воды, да и ту приходилось пить или из посуды служивых, или из собственных ладоней. Не было у нас и котла, в чем бы скипятить чай, и ничего, чем нам укрыться бы на ночь. Мы было решили ехать дальше, но оказалось, что это не под силу коням, которые были порядочно утомлены. Мы отнеслись ко всему этому довольно терпеливо. После немного колбасы и сухарей и запив чистой водичкой, мы улеглись, разведя костер, на голую землю. Ночью начался сильный ветер, очень холодный, который нас ошеломил. Утром, посмотрев друг на друга, мы увидели, что все очутились у самого огня, от которого сначала мы лежали довольно далеко. Каждый сознался, что его погнал к огню холод.

11. На следующее утро (19 августа) в 4 часа мы встали со своего жесткого и холодного ложа и в половине 8 утра прибыли в дер. Пихтовку. Дорога сюда от Плоской горы была устроена лишь в этом году, и она на 30 верст короче старой дороги. От Плоской горы до Алея она идет среди гор, сама же она, большей частью, ровная, и, благодаря чарующей глаз красивой степи, чрезвычайно приятна. За Алеем нам пришлось то подниматься на многочисленные высокие горы, то спускаться с них, особенно у Пихтовки, где дорога временами так была крута, что едва можно было удержаться на лошади. В Пихтовке мы квартировали у штейгера, одного немца, и нас угостили там квасом, который нас хорошо освежил; кроме того, мы отведали свежей говядины, которая подкрепила нас. Не пробыли мы и двух часов в Пихтовке, как неожиданно прибыли наши подводы, после чего все неприятности забылись.

Пихтовая гора получила свое название от дерева пихты, которая во множестве растет на этой горе. На горе имеется пять рудников, в которых мы побывали. Добыча значительная, и руда залегает недалеко от поверхности. Нет ни одного рудника свыше 15 сажен глубины, большей частью она залегает на глубине 7 сажен. Руду ломают обычно в мощных жалах, и получают из нее процентов 12 чистой и хорошей меди. Шурфовать жилы здесь не составляет труда, так как при этом

следуют по шурфам, сделанным в незапамятные времена вышеупомянутыми древними жителями. Кто были эти древние жители, не так-то легко можно сказать. Это не могли быть калмыки, которые и по сегодняшней день не умеют даже толком плавить руду. В версте от Пихтовой находится гора, и в версте от нее еще одна гора, называемая Гольцовкой, на них обеих также имеется несколько шурфов. Вершина первой окружена каменной стеной, из чего можно заключить, что прежде там стояла чья-то хижина. Кто знает, для каких целей должен был служить Аблайн-Кит, о котором я упоминал выше, если предположить, что это не просто был языческий храм? Трудно найти здесь такое место, где не было бы этих древних шурфов. Замечательно также, что от прежнего времени только почти и остался один шурфы. Изредка встречаются ямы до 8 сажен, выкопанные в мягком грунте, что легко можно было сделать заступом, из чего можно заключить, что древние люди не знали применения пороха.

После обеда мы намерены были сразу же отправиться дальше, но не хватало то того, то другого, да к тому же установилась дождливая погода. Нам удалось выехать лишь через три часа, когда перестал дождь. Дорога от Пихтовки к медеплавильному заводу очень гористая, вследствие чего не было надежды на то, что телеги доберутся туда в этот же день. Поэтому мы поехали налегке без багажа, разрешив телегам ехать с нами. В 7 часов вечера мы, помокнув под дождем, благополучно добрались до Колывано-Воскресенского завода, где встретили отставшую от нас в Семипалате часть нашей партии, которые прибыли сюда еще 17-го числа. Они рассказали нам, что плавание водой до Шульбы проходило с большими трудностями, и завсанки приходилось из-за частых мелей тащить на себе. Поездка же по суше была совершена благополучно, но из-за отсутствия проводника, знающего недавно проложенную сюда от Убы кратчайшую дорогу, о которой упоминалось выше, им пришлось сделать крюк еще целых 50 верст. На следующее утро, 20-го, в 8 часов, сюда прибыл оставленный нами в Пихтовке багаж.

12. В тот же день пришел небольшой караван урунхай-калмыков. Слово «урунхай» — значит «ясашные»; все они являются крестьянами-калмыками, не обязанными к несению военной службы. Над ними начальствует небольшой князек, которого они называют «комба». Прежде они проживали в этой местности, и когда здесь был основан медеплавильный завод, они проходили сюда, чтобы выразить свой протест. Откочевали они отсюда потому, что дважды подвергались напа-

дению и ограблению казахской орды. Жирут они теперь у истоков реки Чарыша, днях в трех езды отсюда. От своих претензий они скоро отказались, и теперь они, как и все прочие калмыки, очень благожелательно относятся к России, так что даже в прошлом году, получив кое-какие сведения о раздорах внутри казахской орды, они предупредили об этом местных жителей. И это было вполне своевременно, так как казахская орда действительно осмелилась подойти к самым стенам местной крепости. Но так как защитники ее были начеку, один из казахов был взят в плен, а остальных отогнали.

Мы попросили прибывших калмыков на следующее утро зайти к нам. Большинство из них носили круглые красные шапки, обшитые мехом, с желтой кисточкой на макушке; роста они были невысокого, имели маленькие глаза, одутловатые щеки и продолговатый подбородок. На них были длинные халаты, волосы были сбриты наголо. Позади же их так отращивали, что их приходилось заплетать в косу. Эта длинная коса висела сзади. Те из них, которые были еще холосты, носили четыре косы. Сюда они приехали для того, чтобы закупить продукты.

Побеседовав немного с ними, мы попросили их пострелять в цель своими довольно широкими и тупыми стрелами. Все они попали в цель на расстоянии 7—8 сажен. Затем расставили на земле разные мишени, и калмыки проезжая мимо них во весь мах, должны были на всем скаку послать стрелу в намеченную цель. Удивительно, с какой сноровкой они делали это! Да и как этому не удивляться — ведь они — простые поселяне, и никто не руководил ими в их верховых упражнениях.

Они очень ловко сидят на коне: с правой стороны у них висит колчан, а с левой — лук. Показали они нам также несколько вонских стрел, которые гораздо острее остальных, предназначенных для стрельбы в животных.

13. 23-го августа мы отправились на Кольвакскую гору. Она находится южнее и несколько западнее и является первой горой, на которой копал Акивфий Никитич Демидов. У ее подножия был заложен первый металлургический завод, вместе с острогом, от которого теперь остались одни развалины, так как он прекратил свое существование в 1729 году после того, как был перенесен на другое место, где он находится и поныне. На вершине горы видны еще остатки шахты глубиной до 17... ктеров (горных сажен), а также бросается в глаза жила мощностью в 5 футов, руда которой дает 24 процента, руда эта является самой богатой по содержанию в этой местности

и имеет сине-зеленый цвет. С 1732 года здесь прекращена добыча руды по той причине, что в упомянутом году не только этот, но и все местные рудники были выжжены пожаром, пришедшим сюда из-за Иртыша и дошедшим до Оби. С этого времени работы производятся лишь на Пихтовой и Плоской солках, так Колывано-Воскресенское горное дело не намерены продвигать в камень; пихтовские же руды ценятся из-за содержания там медного колчедана. На расстоянии немногим более версты, несколько ниже этой горы находится другая, которая называется «Синяя сопка», «Сопкой» в Сибири называют любую, особняком стоящую гору, безразлично — в горах или на равнине. А так как сопка эта издали выглядит сивей, она и получила название «Синяя». Она очень высока, и в ясную погоду видна бывает, кажется, даже из Усть-Чумыша, который находится отсюда, примерно, на расстоянии 250 верст. Поэтому она очень славится в этой местности и служит ориентиром путешественникам. На ней водится порода черного, очень длинношерстного соболя, охота на которого здесь повсеместно запрещена, из опасения, что при этом могут пострадать горнозаводские рабочие. Точно такая же порода соболя водится и дальше в горах, а также и у урунхай-калмыков, о которых я говорил выше, и я сам видел несколько шкурок, привезенных сюда упомянутыми калмыками. Она известна под названием «кангарагайские соболя».

14. 27-го мы отправились в дальнейший путь на Белое озеро и в Воскресенские горы. Упомянутое озеро находится к востоку от завода, на расстоянии 7 верст от него. Отсюда проложен канал в речку Белую, которая вращает колеса гидротехнической заводской установки; благодаря этому вода так разливается, что если прежде каждое лето здесь ощущался недостаток воды, то теперь, несмотря на то, что лето было очень засушливое, нужды в воде не было. Ближе Белого озера, к югу от него, имеется еще три небольших озера; все они также могут быть поставлены на службу заводу, так как с помощью их можно из года в год приводить в движение машины. Впрочем, по-видимому, принимается в расчет и то обстоятельство, что местность эта бедна лесами, благодаря чему здесь не считают нужным устраивать большие заводы. Воскресенские горы расположены в основном к западу от заводов, и ближайший рудник находится в 8, а более отдаленный — в 10 верстах. На протяжении этих двух верст заложены восемь рудников, по следам найденных в таком же количестве сделанных древними шурфов. Горы эти, по сравнению с Пихтовскими, Колыванскими и прочими, весьма незначительны и кажут-

ся холмистой равниной. Зато она богата рудами, особенно цинковой обманкой, благодаря чему все работы производились первоначально только в этих горах, так как думали, что имеют перед собой богатую серебряную руду. В пожаре, о котором я упоминал, сгорели все сооружения этого рудника, а так как Горное ведомство уже существовало, и сорт руды, благодаря знанию горного дела, уже точно определили, добыча этой руды была прекращена.

В 1725 году Демидов узнал от некоторых беглых и поселившихся на Оби крестьян, побывавших в этих местах в поисках дичи, о существовавших здесь издавна шурфах руды, и собрал кое-какие неполные сведения о местности, где они были обнаружены, после чего он исходатайствовал себе привилегию у Горной коллегии для разведки местности и устройства металлургического завода. В 1726 году он произвел разведку, а в 1727, как уже сообщалось, заложил на горе Кольванке завод, который в следующем 1729 году перенес на то место, где этот завод стоит и поныне. Он расположен в горах и имеет для своей защиты крепость с четырьмя бастионами, окруженную земляными валами и рвами. Юго-западнее крепости находится слобода, а северо-восточнее — металлургический завод, обнесенный кругом частоколом. В крепости живут комендант и заводские рабочие. Главный завод состоит из пяти меньших заводов. В первом имеется пять изогнутых печей и медный молот; во втором — два коксольных горна и одна толчейная машина, которая измельчает соль; в третьем лудят и обрабатывают медь; в четвертом имеется пять кузниц, меха которых приводятся в движение только руками; кроме того, имеется лесопилка и углесушилка. Заводские рабочие были посланы сюда как с Екатеринбургского, так и с Невьянского заводов. Рудокопы — большею частью крестьяне из различных местностей, прибывшие сюда для того, чтобы отработать подушную подать, которую они платят казне; отработав ее, они возвращаются на свои родные места, что является довольно серьезным препятствием для развития горнозаводского транспорта. Хотя Демидов и приписал несколько деревень по Чарышу, но в них проживает не более 40—50 человек, тогда как для того, чтобы велась бесперебойная работа, требуется по меньшей мере 800 человек. Для охраны этой местности Демидову посланы из Кузнецка сотня верховых служивых, которым он выплачивает особый казенный кошт.

15. На горном заводе нет официальной церкви, так как большинство людей на заводе являются так называемыми староверцами или раскольниками, отколовшимися от греко-рос-

сийской церкви. Насколько мне удалось узнать (а обстоятельно узнать это очень трудно), это — люди, у которых есть свои книги, книг этих они придерживаются, в силу чего не едят и не пьют ни из какого сосуда, из которого пил или ел православный русский, не ходят в русскую церковь, совершенно воздерживаются от водки, а крестное знамение совершают обычно двумя перстами, как и православное русское духовенство, когда духовное лицо преподает благословение народу. Рассуждают они однако довольно запутанно.

Однажды ко мне подошел староверец, который обратился ко мне за советом по поводу своей болезни. Я хотел дать ему лекарство. Он, однако, не пожелал его взять, под предлогом, что, взяв лекарство, он совершит большой грех. Я сказал ему, что, наоборот, бог сам повелел лучше заботиться о своем теле. Он же ответил, что этим он восстановит против себя своих братьев. Тогда я посоветовал ему принимать лекарство тайно, и так как он, по-видимому, согласился на это, я предложил ему свои услуги, чтобы давать ему его у себя на квартире. Он тут же его принял.

Самым популярным из местных раскольников является один рудейщик, по фамилии Кудрявцев, который проживал на р. Чарыше и распространял лживый слух о том, что он, якобы, основал женский скит для своих единоверцев. По профессии он — обыкновенный крестьянин, и этот пример показывает, что обманывать и у староверов считается делом неззорным. Я достаточно насыщался о том, как он ложкостью и обманом выведал у крестьян, открывших рудосодержащее место, это открытие, с которым и пошел к Демидову и получил от него хорошее вознаграждение, а с людьми, от которых он получил эти сведения, ничем не поделился; поэтому звание «рудейщик» было присвоено ему несправедливо, только лишь на основании его же показаний, так как он, как говорят, сообщил, что до сих пор никто не находил ни одного такого месторождения.

По-видимому, все остальное, что староверцы устранили из религии русских, сводится к мелочам. Возможно, те и другие отличаются друг от друга, подобно ортодоксам и пезтистам в лютеранской церкви².

16. 29-го в 3 часа дня мы отправились в дальнейший путь. Нас сопровождали 20 служивых, которых мы получили в горно-металлургическом заводе. Так как время года было как раз такое, когда всюду рыскают казахские орды, мы взяли еще своего семипалатинского унтер-офицера с 15 служивыми для охраны, лейтенанта же и остальных лошадей, которые

были у нас еще из Усть-Каменогорска и Семипалата, мы отпустили. В этот вечер мы прошли не более 18 верст, и расположились на маленькой речке.

17. На следующий день к часу дня мы подъехали к речке Локтевке. Речка эта впадала в Иртыш в двух местах неподалеку от нашего стойбища; на ней располагались четыре деревушки, принадлежащие Акифию Никитичу Демидову и основанные им два завода. Ночью нас захватил в пути сильный ливень, а когда мы проехали еще 20 верст, лошади дальше не пошли. Пришлось нам потому устроить привал прямо на сухой степи, где не было ни корма для лошадей, ни дров, ни воды, кроме той, которая лилась с неба.

31-го в 11 часов мы подъехали к речке Алей. Там нас уже ожидали сменные лошади, доставленные из одной из расположенных на Алее демидовских деревень.

Поскольку нам до сих пор так везло, что мы не попадались на глаза казахской орде, мы перестали опасаться этого и совсем отпустили отсюда семипалатинского унтер-оффера с 15-ю подчиненными ему служивыми.

18. 1-го сентября в 2 часа утра мы подъехали к маленькому озеру, и всю ночь напролет мокли под сильным дождем, сопровождавшимся громом и молнией. В 2 часа дня мы доехали до речки Барна аул, на которой опять имеется одноименная демидовская деревня. Вдоль Барна аула, от ее истока до устья растет сосновый лес с примесью березы, который называется «барнаульский бор». Мы пребыли в Барна ауле до полуночи, а на следующий день к 9 часам утра подъехали к речке Касмале и к одноименной деревне. Не доезжая несколько верст до того места, где мы переправлялись через Касмалу, и проехав немного дальше мы встретили еще несколько деревушек, состоявших из небольшого количества изб. В окрестностях дер. Касмалы имелся сосновый лес с примесью небольшого количества берез, и простиравшийся до деревни, в которой мы находились, и даже протянувшийся на несколько верст далее. Это особенно бросалось в глаза потому, что мы в течение всего лета почти не встречали леса. Отобедав в полдень, мы отправились дальше, и в 5 часов вечера подъехали к р. Оби. Там мы сложили свои вещи в большой карбас, сами же направились в демидовскую деревню, расположенную за рекой у перевоза, куда нас проводил сопровождавший нас начальник горных заводов. Утверждают, что река Обь достигает в этом месте сажен 1000 ширины, и что ее наибольшая глубина составляет около 4 сажен, что весной, во время половодья, можно проехать на довольно большом судне до той деревни, в ко-

торой мы находились в полдень. Лет же 10 тому назад западный берег, вероятно, из-за наносного песка, был ниже, и река на этом месте была уже. Она является одной из главнейших рек Сибири и имеет свой исток в Монголии. Две главные, образующие ее реки, называются Бия и Катунь; название Обь она получает лишь после слияния этих рек, что происходит у Бийска или Би-Катунской крепости. Начиная от этой крепости она становится населенной, и на ней имеется много слобод. Бийск же является пограничной крепостью на границе с калмыками, которые лет 20 тому назад разрушили его до основания. Но вскоре после этого он был снова восстановлен, и с тех пор не подвергался нападению.

В нескольких верстах ниже той деревни, где мы находились, имеется слобода, получившая от властвующей на этом месте в Обь реки Чумыш название — Усть-Чумыш. Готовясь к нашему дальнейшему путешествию, мы задержались там до 4-го декабря, в каковой день мы отправились в 7 час. утра. Езда по этой местности не сопряжена с опасностью, так что здесь не требуется никакой охраны, благодаря чему мы решились отпустить в тех 20 служивых, которые были прикомандированы к нам от завода. Дежидовский управляющий, оказывавший нам помощь во всевозможных обстоятельствах, возможно, считал, что, дав нам охрану до Кузнецка, он тем самым оказал нам большую честь.

В час дня мы приехали в дер. Кашкарагазиху, где и остановились, вещи же отправили дальше, на р. Чумыш, до переправы; сами же мы решили до ночи побыть на этом берегу. Мы до тех пор находились в деревне, пока нам не сообщили, что все переправлено.

Здесь мы были уже в настоящей Сибири. Люди, замечая, что мы не творим крестного знамения, не считали нас христианами. И удивлялись: как это мы, не будучи христианами, все же являемся прекрасными людьми?

В 5 часов вечера мы подъехали к Чумышу. Вещи были уже переправлены и ожидали на том берегу. Здесь нет обычных средств переправы; поэтому нам для того, чтобы переправиться, пришлось соорудить род временного pontонного моста. Берут несколько рыбацких лодок и связывают их поперечными бревнами. Мост был скоро готов, и мы очень хорошо по нему проехали.

По реке Чумышу живет много татар, главным образом, телеутов, хотя прежде жило их там гораздо больше. Во время вышеупомянутого нападения калмыков многие откочевали оттуда и убежали дальше в глубь Сибири. Теперь они постоян-

но возвращаются на свои прежние места жительства. В полутора верстах от переправы есть дер. Тайменка. Мы приехали туда в 7 час. вчераше, сделав крюк версты 4, так как прямая дорога была слишком узка для телег и ходков.

5-го часов в 10 утра мы были уже в дер. Анисима или Улиберт, расположенной на речке Улиберт. Я хочу раз навсегда заметить, что большинство сибирских деревень получили свое название от имен тех крестьян, которые первыми в них поселились. Лишь немногие имеют название от речки, на которой они расположены. Некоторые носят по два названия, как это видно на примере упомянутой деревни. Однако крестьяне чаще употребляют то название, которое происходит от имени первооснователя.

В вышеупомянутой деревне Кашкараганхе нас поставили на квартиру к хозяину, который был основателем деревни. Мы спросили, как его фамилия, и он отрекомендовался нам: Колесников. «Колесник» — это вообще тот, кто делает колеса, в частности, мельничные колеса. Следовательно, крестьянин этот получил фамилию от своей профессии. Другой он не имел. Он был большой забавник: все, что он говорил или делал, было до крайности смешным. Он догадался, что мы удивлены, почему деревня не называется Колесниковой.

— Да, — сказал он, — люди здесь, в деревне, такие злодеи, что не хотят предоставить мне этой чести, пока я жив.

В 10 часов вечера нам пришлось расположиться на ночлег в степи у речки с почти стоячей водой, в которой было мало воды. Мы нашли здесь несколько берез для костра.

На следующий день (6-го) в 2 часа дня мы были в дер. Легостаевой, близ которой протекает река Бердь. Отсюда мы ехали все время на север. Когда мы попросили людей рассказать нам, в каком направлении нам следует ехать, они в своей речи очень часто употребляли слово «таволган», которого мы прежде еще не слышали. Это татарское слово обозначает не что иное, как лес, и употребляется местными русскими в их разговоре. Река Бердь была так мала, что мы могли ее перепрестить и, следовательно, из-за этого не было задержки. Мы проехали ее еще засветло, а затем ожидали лунного света, прежде чем отправиться в дальнейший путь.

19. 7-го сентября в 8 часов утра мы, проехав березовым, осиновым и сосновым лесом, прибыв в дер. Чемскую или Белоголову, расположенную на речке Чем. Вечером мы отправились дальше, но не проехали и 10 верст, как сломалась ось у одной телеги, и пришлось мастерить ковую ось. К счастью, мы успели подъехать к маленькой речке, на которой и распо-

ложались, пока не взошел месяц. На следующий день (8-го сентября) в 7 часов утра мы уже стояли на речке Изылы, предварительно пересбредя через нее, а час в 11 утра приехали в дер. Курат. Пообедав там, мы поехали лесом, состоявшим, большею частью, из лиственниц, а в 6 часов вечера прибыли в дер. Калтирак на одноименной речке. Это — татарская деревня, в ней не более четырех русских домов. Населяют ее татары разных племен, главным образом телеуты и кыштымыши. Среди них много таких, которые были крещены Тобольским архиепископом Филофеем во время его миссионерской поездки к осяткам. Но они, по-видимому, не придают этому большого значения. Это видно хотя бы из того, что они, вопреки обычаю, который у местных христиан считается важным, не носят креста, который дается при крещении, под предлогом, что они хранят его дома. Они открыто говорят, что их принудили креститься, и что они добровольно никогда бы на это не согласились. Однако они умеют делать обычное крестное знаменье и кладут его на себя, когда это от них требуется. Вступая в брак, они венчаются, и время от времени посещают русскую церковь. Мы побывали в их избах, которые оказались типичными татарскими жилищами, с широкими низенькими скамейками и печуркой с плитой. Разница была лишь в том, что печка стояла не у стены, а была построена прямо на земле, как и наш камин в комнате. Печурка была совсем низенькая.

Мы пригласили к себе на квартиру телеутско-татарскую женщину и девушку, чтобы посмотреть, как они одеты. Женщина была необычайной красоты, черноволосая, беленькая, с хорошеньким личиком, приветливая и с красивой фигурой. С ней был ее муж, который был слеп на один глаз. Мы спросили ее, довольна ли она своим мужем и не желает ли иметь лучше? Она дала нам понять, что хотя она очень страдает от того, что ее муж некрасив, но если так угодно богу, то она довольна... Она говорила довольно хорошо по-русски, и все, что она говорила, было мило. На ней была длинная юбка из красной шелковой материи, одетая поверх шерстяной рубашки; кроме того, как все татарки, она носила холщовые шаровары. Воротник рубашки был унизан кругом китайским жемчугом, впереди же рубашка имела разрез во всю длину, наподобие мужского халата, и была унизана пуговицами разной величины и из различного материала и снабжена петлями. На ее голове была хорошо сшитая татарская шалочка, отороченная соболями мехом; волосы ее были заплетены в две косы, которые свешивались спереди по обе стороны шеи и почти доходили до

пят, а затем снова поднимались на плечи, причем оба их конца были связаны вместе. В каждом ухе у нее имелись по две серебряные серьги, большая и маленькая. На маленькой висел синий камень, вправленный своим верхним концом в серебро, а на большой — сравнительно круглая и несколько сужающаяся к низу, пробитая бляшка, на которой висело пять круглых пулек или камушков.

Покрой одежды девушки был точно такой же, но одета она была немного поуже, и волосы у нее были заплетены в одну, свисающую спереди косу.

Переночевав в этой деревушке, мы на рассвете выехали из нее. В полдень, подъезжая к местечку Брюханову, я узнал, что в 10 верстах от речки Калтирак нам предстояло переехать болотистое место. Прежде это место было постоянно залито водой, но лет пять тому назад вода вдруг исчезла, и теперь оттуда постоянно выходит дым. Все люди утверждали, что они сами видели это; расспросив подробно об этом явлении, я пришел к выводу, что там находится горящее поле, подобно тому, какое имеется близ Баку у Каспийского моря. Этого было достаточно, чтобы побудить меня туда вернуться. Я велел спешно оседлать мне лошадь и поехал туда с одним солдатом. Описываемое место находилось в 10 верстах от дер. Калтирак, у самой дороги, справа, в овраге. Здесь имеется много дымящихся мест, но причину дыма не нужно искать долго. Это — горящее торфяное болото. Прежде здесь было болото, в котором мох все более и более скапливался в течение многих лет, вырастая под водой. Это мох и горел теперь, подожженный грозой или людьми, которые разводили здесь костры, а так как его никто не пытается потушить, он постоянно тлеет. Я назвал это место торфяником; дым имеет такой же запах, как и дым нежного голландского торфа.

В 3 часа дня я вернулся к своей компании, которая в это время находилась в дер. Брюхановой. Они ожидали услышать от меня чудеса. Но все, чем я мог их порадовать, был кусок торфа, который я с собой привез.

Дер. Брюханова расположена на речке Касма. Не задерживаясь там, мы отправились дальше и, проехав несколько верст, снова увидели слева от дороги вышеупомянутые «чудеса». В полночь мы подъехали к речке Ур, где велели покормить лошадей, а на другой день (8 сентября) в 11 часов утра прибыли в дер. Бачатскую. Эта деревня расположена в привлекательной местности на речке Малый Бачат. Большой же Бачат мы проехали уже за 8 верст до того. Мы расположились под открытым небом, а так как была хорошая погода,

пообедали в палатке. Отсюда, как и от Калтирака, дорога шла степью до самого Ильинского погоста. В 10 часов ночи, проехав около 10 верст и нигде не встретив речки, мы сделали остановку, а так как мы предусматривали это, мы заранее запаслись водой. В пути нам по-прежнему встречались различные могильники; особенно много их было слева от дер. Бачатской, неподалеку от нее. Внешне они были сходны с прежде встречавшимися могильниками, но в них редко находят золото, а только серебро, медь и железо.

На следующий день (9 сентября) мы к полудню доехали до Ильинского погоста (7023 версты от Петербурга), расположенного на р. Томи; местные крестьяне обычно называют его Красноярским. Напрямик сюда от Бачатского ездят только летом, зимой ездят по другой дороге, которая находится левее; при этом имеется то удобство, что в пути попадаются деревни. Летом же из-за множества болот эта дорога становится непроезжей. Мы переправились через р. Томь с помощью самодельного плота и в 7 часов вечера того же числа благополучно прибыли в город Кузнецк.

20. 16-го пополудни мы приехали в одну деревню, верстах в трех от Кузнецка, населенную татарами-телеутами. Когда едешь сюда из Ильинского погоста, деревня эта остается слева. Она состоит из разного рода жилищ, в одних живут зимой, в других летом. Зимние избы точно такие же, какие мы видели в Калтираке. Летние хижины имеют круглую форму, сверху они заострены, внизу же имеют в полеречки около 3 сажен. Маленькое, снабженное дверью, отверстие, которое обычно делается на восточной стороне юрты, служило входом. Надерху посредине имеется другое круглое отверстие, через которое выходит дым. Внутри кругом вдоль стен сделаны широкие скамьи, а посредине в земле выкопано небольшое углубление, где варят пищу. Строятся эти юрты из камыша, который накладывается на корпус из связанных вместе тонких жердей. Чтобы в юрту не проникал дождь, между камышом и жердями прокладывают бересту.

Мы зашли в одну юрту, где гнали водку. Это производится на обычном очаге. На треножник устанавливается железный котел, покрытый деревянной крышкой, имеющей отверстие как в середине, так и по бокам. В боковое отверстие проходит кривая деревянная трубка. Другим концом эта трубка опускается в маленький деревянный сосуд, опущенный в другой, наполненный водой, и своим видом напоминающий наду кормушку для свиней. Водка делается из кобыльего молока, которое предварительно сквашивается. Сосуд, в котором оно

квасится, изготовлен из кожи, и все выглядит совершенно по-свински, да и самая водка, хотя, по-видимому, и крепкая, имеет весьма скверный запах. Они находят в своей водке то преимущество, что от нее не болит голова, а это весьма редко бывает при употреблении хлебной водки, да и виноградная водка лишена такого хорошего свойства.

Эти татары не являются магометанами. Их религия не имеет какого-то определенного культа, и они, кажется, и сами не знают, во что верят. Они верят в единого бога, которого они прославляют таким образом: каждое утро они становятся лицом к востоку и благоговейно повторяют такую краткую молитву:

— Не бей меня, не убивай!

Близ их деревень имеются такие места, которые на их языке, отличающемся от обще-татарского, называются «таюлга». Березовые колья, вбитые на расстоянии сажени друг от друга, образуют четырехугольник, у которого один или несколько раз в году совершаются жертвоприношения. Убивают лошадь, снимают с нее шкуру и, рассаживаясь вокруг таюлги, съедают мясо убитой лошади. Шкуру набивают, а в морду чучелу вкладывают одну или несколько веток с листьями, и чучело сажают сверху на таюлгу, на которую для этой цели накладывают поперечины. Кладут его мордой к востоку, да и сама таюлга устанавливается по направлению к востоку. Заметьте, что русские не прочь воспользоваться шкурами их жертв, татары устанавливают теперь свои таюлги близ деревень. По бокам таюлги мы заметили также три березовых шеста, которые стояли в один ряд, приблизительно на расстоянии сажени друг от друга и были связаны поперечной веревкой. На верхних концах двух наружных шестов имелись маленькие четырехугольные, горизонтальные привязанные дощечки, по углам которых были поставлены прямо стоящие деревянные, оббитые конскими волосами, палочки в несколько дюймов длиной. На веревке было развешено множество разноцветных лент, которые свешивались на несколько дюймов в длину. Между каждыми двумя шестами я считывал по 14 ленточек. Кроме того, на верхнем конце средней палки была привязана заячья, а рядом с ней, между первой и второй палочками — горностаевая шкурка. Мясо этих животных также пошло бы на обед. Когда мы спросили, могут ли здесь пригодиться шкурки других животных, нам объяснили, что только эти животные являются священными. По их словам, лисица для этой цели не пригодна, так как она копается в земле. Эта их таюлга считается священным местом, так как в их воображении шкура, кото-

рые на нее кладутся, кладутся в честь бога, в виде жертвы ему, так как во время вышеупомянутой церемонии они обычно совершают свои моления. Их священнослужитель, который устанавливает порядок этой церемонии, называется на их языке «кам». По их словам, он иногда целую ночь простаивает на поле, размышляя о том, что им порекомендовать. Их священник не умеет, как и они, ни читать, ни писать, я признаю, по которому его считают достойным этого сана, является наличие у него свойств, которые придают ему сходство с одержимым. Он говорит им во время своего представления, что его сам бог (возможно он боится сознаться в том, что ему это дает дьявол) посвятил в сан священника, и они верят этому. Объявив себя однажды священником, он уже может продолжать свои колдовские манипуляции. У него есть колдовской бубен, с помощью которого он якобы может находить потерянные вещи, исцелять больных и заниматься предсказаниями. Но люди эти утверждают, что его пророчества и исцеления не всегда бывают удачными. Мы охотно посмотрели бы на что-нибудь из его волшебства, но люди оказались настолько догадливыми, что поспешили заверить нас, будто бы-кама у них нет. Что касается их прочих обычаев, то можно упомянуть о том, что у них разрешается многоженство, и что они не едят свинины, но пьют водку, которой нередко напиваются допьяна. Их женщины не отличаются красотой и курят табак. Одна из них, увидев, что я набиваю трубку, вышла ко мне со своей трубкой и попросила табака. Набив свою трубку, она затянулась табачным дымом и передала трубку другой женщине, которая сделала то же. Как мы заметили, так поступает и молодежь, и старики. Все они глотают табачный дым. Некоторые сжигают своих покойников, другие же погребают их. Кроме церемоний, описанных выше, у них других празднеств не бывает, празднуют они лишь тогда, когда у них накопится запас водки.

Можно бы, без сомнения, еще многое рассказать о них интересного, но они настолько хитры, что всеми способами скрывают свои обычаи. В будущем я постараюсь побольше рассказать об этих людях, когда обстоятельства позволят мне кое-что узнать о них интересное.

21. 17-го я снова имел удовольствие смотреть вулкан; виденное мной у Калтирака не разуверило еще меня в том, что таковые здесь есть. Ходили слухи, что вулкан имеется близ места впадения речки Абашевой в Томь. То же самое утверждали и местные жители, которых мы с г-ном профессором Миллером расспрашивали об этом. Нас уверяли, что близ упомянутого места из горы постоянно выходит дым. Нам с

Ф-ном профессором Миллером интересно, конечно, было узнать, в чем причина такого явления, и в 10 часов утра мы выехали туда. Проехав более 18 верст по трудной дороге, мы доехали до Абашевой и перебрали ее. Близ нее, в черсте от маленькой деревушки Безруковой, на берегу Томи, мы нашли гору, которую искали. Дорога туда все время шла в восточном направлении. По пути нам пришлось избираться на высокую гору, подъем и спуск были очень опасными. Подъезжав поближе, мы увидели на некоторых местах, у подножия горы, восходящий дым, который имел неприятный запах. Подойдя к самому тому месту, откуда шел дым, и рассмотрев довольно хорошо это место, мы увидели, что причиной дыма являлось горение битумной почвы, которая не простиралась далеко вглубь и поэтому легко могла быть потушена. Либо местные огнедышащие вулканы имеют ко мне антипатию, либо же я опять оказался в дураках, но только мне пришлось, как ня в чем не бывало, вернуться восвояси. Погода была хороша, и в 6 часов вечера мы благополучно доехали до дому.

22. На следующий день, 18-го, мы опять решили предпринять небольшую прогулку. Переправившись близ города через Томь, мы прошли около версты в маленькую деревушку, где жили абияские татары. Хижины их очень бедные и наполовину врыты в землю. Крыты они, большею частью, землею, и некоторые представляют собой плетни с наложенными наверх поперечными балками. На эти балки насыпается земля, а пазы в плетне кое-как затыкаются разным хламом. Наверху посередине потолка сделано отверстие для дыма. Внутреннее же устройство такое же, как у телеутов, только все выглядит несколько более по-свиински. Во всей деревне мы встретили только одного мужчину, хозяйничали одни женщины, так как все мужское население выехало на полевые работы. Поэтому нам ничего не удалось узнать об их религии и обычаях, за исключением того, что, как нам сказали, эти татары прибыли в эту местность вместе с татарами-телеутами. Так как главным поводом к нашей поездке в эту деревню было — видеть колдовские махинации кама, мы спросили женщин о каме, но услышали в ответ, что он скончался несколько месяцев тому назад. Мы любопытствовали узнать, где его бывшая хижина, но нам отвечали, что она разрушена и показали нам щепень от нее. У этих народов распространен обычай — уничтожать хижины покойников. Мы спросили далее, где же находятся колдовской бубен покойного кама, и узнали, что его положили в могилу хозяину.

Женщины у этих татар кое-чем отличаются от телеутских.

Они также любят наряжаться; но мы видели девушку, у которой позади свешивалось пять кос, да по одной косе спереди с каждой стороны; все косы были сзади связаны вместе.

23. Г-н профессор Миллер пригласил в этот вечер еще женщин и девушек верхне-томских татар. По его словам, у женщин с каждой стороны свешивалось по четыре косы, унизанных во всю длину перламутровыми раковинами. На нижнем же конце висят кольца, какие обычно продают в русских мелочных лавках. У одной женщины были еще, кроме того, симметрично расположены на каждой стороне друг против друга по четыре крестообразно посаженные фарфоровые пуговицы. Девушки носили такие же украшения, но имели еще повязки на лбу, также унизанные фарфоровыми пуговицами.

24. На следующий день, 19-го, мы отправились в дальнейшее путешествие. Мы слышали, что многие татары, жившие на речке Кондоме и Мрассу, сами умеют плавить железо из руды, так что здесь никакого другого железа и не было бы, если бы его не добывали сами местные татары. Поэтому мы решили доставить себе удовольствие посмотреть их плавильню; нас уверяли, что нам не придется для этого слишком далеко ехать. Хотя и много было таких мест, где они занимаются плавкой, но нам было достаточно познакомиться с одним, так как все они плавят одним и тем же способом. Мы выбрали плавильню в деревне Гадовой и послали туда своего человека, который должен был предупредить о нашем прибытии и велеть там приготовить все, с чем нам интересно было познакомиться. Мы выехали в половине 8-го утра, а когда переправились через Томь, было уже 8 часов. Наших лошадей расседлали и переправили, мы же переехали на маленькой лодке. Затем мы поехали вдоль Кондомы, хотя, по причине плохой дороги нередко удалялись от нее на порядочное расстояние. В 10 верстах от переправы мы проехали русскую деревню Муратову. Затем мы перевалили гору, и к 10 часам доехали до большой русской деревни Шумариной. Мы не стали там долго задерживаться, сменили лошадей и у самой деревни совершили переправу через Кондому, через которую легко можно перебраться. В 6 верстах отсюда нам пришлось снова перебраться Кондому близ маленькой русской деревушки. Пройдя отсюда верст 5, мы еще раз переправились через Кондому, на берегу которой и располагалась деревня Гадова. До этого места мы все время ехали на юг, придерживаясь примерно юго-западного направления, к нам пришлось преодолевать пешком различные болота, проехать которые на телеге невозможно. Нам хотелось как можно

скорее увидеть железоплавильный завод. Но как мы не осматривались, мы не видели никакого здания, отличающегося от других по своей архитектуре. Все выглядело точно так же, как в абинской деревне, где мы были накануне. Наконец, нас пригласили в одну юрту, у входа в которую мы также увидели плавильную печь. Ясно, что для плавильной печи не требовалось специальной юрты, и что для этой цели оказалась пригодной любая карта. В этой же юрте живут и люди, что уже само по себе является преимуществом перед европейскими металлургическими зданиями, содержание которых обходится крайне дорого. Печь стоит на том месте, где обычно находится очаг для варки пищи, и земля там немного подкопана. Яма, которая имеется во всех татарских юртах на месте очага, составляет часть плавильной печи. Глиняное сооружение, дно которого имеет одинаковый поперечник с выкопанной в земле ямой, около полуфута, кверху сужается, и верхний поперечник на расстоянии фута от пола не превышает полутора дюймов; все это составляет, вместе с ямой, плавильную печь. Впереди имеется отверстие, которое замуровывается во время плавки, а сбоку есть другое, в которое вставляется два меха. Вся работа производится двумя татарами; один подносит попеременно уголь и руду, причем руды он брал на закладку не более того количества, которое умещается на кончике ножа, руда употреблялась в мелко измельченном виде. Таким образом он заполнял печь, а другой парень в это время дул двумя мехами. Как только уголь садится, приносится новая порция руды и угля, и вся эта процедура повторяется до тех пор, пока не будет высыпано в печь около трех фунтов руды — количество, какое печь может вместить за раз. После того, как высыпана последняя руда, плавильщик, подув немного мехами, вынимает внизу с помощью щипцов замурованный там камень. Плавка лежит в яме; ее извлекают из-под углей и очищают от налипших углей, ударяя об нее чурбаком. Из трех фунтов руды получают около двух фунтов железа, которое хотя и выглядит довольно нечистым, однако на деле оно хорошее. Все это мы наблюдали в течение полутора часов.

25. Пока производилась плавка, мы пригласили к себе ихнего кама, чтобы посмотреть, как он колдует. Он принес свой колдовской бубен, напоминающий своей формой сито и обтянутый с одной стороны кожей. Посередине полой стороны проходит поперечная планка, несколько толще в середине, на том месте, где за нее держится кам. Оба конца были потолще и имели треугольную форму. Поперек этой деревянной планки, хотя и не посередине ее, так как за нее в противном

случае, нельзя было бы держаться, проходит железный стержень, на который наиззано с одной стороны четыре, а с другой — пять полых внутри побрякушек. При бубне имеется одна бярзбанная палочка, которая, впрочем, есть не что иное, как кусок набитой и затем сшитой заячьей шкурки, на которую навешаны различные ленточки и безделушки. Кам взял бубен и барабанную палочку и то лопотал на своем языке, то бормотал по-медвежьи; то он бегал, как сумасшедший, вздвигаясь вперед, то опять садился, делал страшное лицо, дико вращал глазами, временами закрывал глаза, словно терял сознание: Поиграв эту комедию с четверть часа, он отдал бубен другому парню, и колдовство на этом кончилось. Мы тут же спросили:

— Что все это значит?

И он ответил, что таким образом он атакует Шайтана, когда хочет его о чем-нибудь спросить, но что сейчас он делает это только для нашего удовольствия, и, следовательно, на этот раз с Шайтаном не беседовал. Задав целый ряд вопросов, мы узнали, что люди прибегают к помощи кама в тех случаях, когда что-нибудь теряют, или если они хотят узнать что-нибудь о будущем, либо о своих отсутствующих друзьях, или же если они желают таким способом излечиться от болезни и порч.

Кам делал вид, что он все знает и все может; своими заклинаниями он якобы вызывает Шайтана, который всегда является с вечера в образе медведя и открывает ему то, о чем он его спрашивает. Временами же каму приходится жестоко страдать от Шайтана, который его порядком мучает, даже в то время, когда не следовало бы этого делать, например, во сне. Единоверцы кама уверяли, что он во сне внезапно вскакивает и жалобно кричит, чем он также хочет убедить неверующих в своих сношениях с Шайтаном. Когда мы спросили его, почему он во всех своих делах не предпочитает обращаться к богу, подателю всего доброго, он ответил, что такие люди, как он и его едиоверцы, ничего не знают о боге, кроме того, что он делает добро даже тем, кто его об этом не просит; поэтому считают излишним его о чем-нибудь просить, Шайтана же прославлять надо, чтобы он чем-нибудь не навредил, ведь он ничего другого не делает, кроме как пакостит людям. Бог, конечно, знает будущее, но ему, каму, неизвестно, как от него это можно выпытать, верно также и то, что они приносят Шайтану жертвы. Они варят иногда полные бочки пива, которым они брызгают в воздух и на стены перед Шайтаном. Находясь в смертельной опасности, они боятся, что их души могут стать жертвой Шайтана. Поэтому кам должен бить в

бубен и, вежливо обращаясь к Шайтану, стараться войти с ним в любовную сделку. Что такое души и куда они идут, они не знают, но не хотят, чтобы их души достались Шайтану. Своих покойников они либо закапывают, либо сжигают, или же кладут их на деревья и отдают их в пищу птицам небесным.

Отсюда видно, что эти народы живут в глубоком невежестве, и по их образу жизни можно заключить, насколько злосчастно их положение; какое может быть более убедительное свидетельство о благе, которое дает нам христианская религия, нежели состояние этого несчастного народа!

Свои земледельческие орудия они изготовляют сами из железа, о чем я уже говорил выше. Для возделывания полей служит один-единственный инструмент, состоящий из выкованного в виде полукруга, с очень острыми краями железного лемеха, к которому прикрепляется черенок, образующий с лемехом прямой угол. Они работают с этим инструментом так же, как у нас на огороде работают с мотыгой, и могут разрыхлить им почву на несколько дюймов. Зерно они перетирают между двумя камнями. При этом парень постынно трет одним камнем по другому. Руду для своей плавки они ломают на речке Кондоме, в 40 верстах выше устья притока Мундыбаша, с помощью вышеупомянутого инструмента, которым они обычно пользуются для удаления дерна; покрывающего руду; употребляется при этом и другой инструмент, напоминающий своей формой топор, только лезвие у него длиннее и уже, и очень острое. Этим же инструментом они колют дрова, он же служит и для выполнения многих других функций.

Одежда их ничем не отличается от одежды татар-телеутов. Разница лишь в том, что одежда холостых парней имеет свои особенности, как и одежда девушек. У них, так же, как у китайцев и урунхай-калмыков, волосы заплетены в косу. Повседневной пищей этих татар является луковица дикой саранки, которую они варят в воде или пекут в золе. Я отведал ее, приготовленную последним способом, она имеет мучной вкус, или, вернее, совершенно безвкусна.

Г-н профессор Миллер пытался получить у татар их колдовской бубен. Кам притворился весьма опечаленным этим, а, так как мы настаивали, к нам обратились все жители деревни с просьбой, чтобы мы отказались от своего намерения взять у них бубен, так как в противном случае они все пострадают, вместе со своим камом. Но мы продолжали настаивать, и бубен был нам наконец отдан. Однако плутоватый кам и тут, по своему обыкновению, сжульничал: он успел взять часть

заячьей барабанной палочки, да еще вынул из бубна несколько железных погремушек.

26. Мы выехали из этого селения часа в 2 дня (19 сентября). Доехав до Шумариной, мы сели там на своих кузнецких лошадях и еще аасветло доехали до Кузнецка.

27. На следующий день профессор Миллер пригласил к себе еще разных татар, которые не представляли собой ничего особенного. Двух камов он попросил поиграть у него на дому. Один из них еще не так хорошо знал свое ремесло и отказывался играть под тем предлогом, что он не взял с собой бубна. Но его уговорили поиграть на бубне г-на профессора Миллера. Он взялся излечить одного из присутствующих. Кончив, он заявил, что Шайтан не хочет идти в эту комнату. Мы попросили его поиграть в сенях. Поиграв, он решил, что больной его обманул и скрыл от него свою настоящую болезнь. Он еще не умел так, как полагается, кричать и ворчать и принимать внушительный вид колдуна.

Был еще там другой одноглазый кам, которому, по его словам, Шайтан все же явился в виде слабого отблеска огня. Этот кам лучше знал дело и являлся местной знаменитостью. О своем уродстве он говорил, что это Шайтан его так отделал, однако, подлец тут же проболтался, когда на вопрос — в каком возрасте он окривел, он назвал десятый год, когда он еще не спознался с Шайтаном. На вид он — смелый парень; он низенького роста, и мастер себя выставлять. Войдя в комнату, он заявил, что, дескать, он заранее знал, что его сюда пригласят. Бубен его имел более солидный вид и был снаружи покрашен красками. Мы отвели его во двор дома, чтобы он там поиграл. Один из нашей партии, у которого не было ни отца, ни матери, сказал, что, выехав из Петербурга, оставил своих родителей здоровыми и бодрыми, но что в минувшую ночь он видел страшный сон, благодаря чему беспокоится, как бы с ними чего-нибудь не случилось, как бы они там не померли, и просил кама сказать, как в действительности обстоят дело. Он начал бить в бубен и страшно кричать и выть; причем делал изумительные жесты: то он становился твердым, как палка, то все в нем ходило ходуном, словом, он выглядел бесноватым. И через каких-нибудь четверть часа он отдал бубен и смело выпалил, что родители живы и здоровы, добавив, что в это следует твердо верить. Тогда ему предложили еще другой случай. Некто во время своего пребывания в Тобольске, ложась спать, положил на стол кольцо, но, когда на следующее утро захотел его надеть, кольца не оказалось, и он до сего времени не может его найти. Кама при этом спросили:

— Где это кольцо?

Случай этот, в сущности, напоминал вышеупомянутый.

Проворчав что-то про себя, колдун извлек связку маленьких палочек, вроде спичек. В одной такой связке оказалось 49 палочек, подобно тому, как черемисские, чувашские и вотяцкие колдуны употребляют по 49 бобов. Он спросил, как зовут владельца кольца, и ему назвали придуманное имя. Он извлек из связки 5 палочек и отложил их особо. С остальными он затеял игру, кидая их туда-сюда и вытягивая то одну, то другую. Пофиглярничав таким образом некоторое время, он выразил свое удивление тем, что кольцо еще не возвращено: лицо, у которого оно находится, охотно отдало бы его, да стесняется это сделать. Кама попросила определить, мужского или женского пола это лицо, и скоро ли он или она возвратят это кольцо? Игра началась снова, и ответом было, что это — мужчина, и что кольцо скоро будет возвращено. Мы спросили его, зачем кам кричит, когда бьет в бубен. Он ответил, что этим он созывает всех чертей. Отвечая на другие вопросы, он описал Шайтана как призрак, который вечерами стоит в некотором отдалении от него, на некоторой высоте. Затем снова началась барабанная дробь, после чего кам пришел в нормальное состояние. Кривой кам отдал нам свой бубен со всеми принадлежностями.

Колдовать по-русски в этой местности называется «кам-лать», от слова «кам».

28. Из сибирских слов, не употребляемых в России, наш толмач записал следующие: *срошный* — рабочий; который нанимается на определенный срок; *солец* — руль, употребляющийся на дощанике; *пимки* — башмаки на шерсть, валяные особым способом из одного одного материала; *часто* — теперь; *однако* — да; *на вольную сторону* — наизнанку; *охитить* — сделать чистым; *донской год* — прошлый год; *лонись* — в прошлом году; *саеры* — кожаные подколенники у седла, которые употребляются в Сибири для предохранения сапог от загрязнения; *кичим* — кожаный чепрак между кошмой и седлом, употребляемый в этой местности; *потник* — кошма; *тычины* — жердн у частокола; *чарки* — русские кожаные мужские башмаки; *поршни* — башмаки из недубленой кожи, в форме деревянных или слетенных из лыка лаптей; *шимки* или *кочи* — башмаки с пришитыми к ним холщовыми голенищами; *тунак* — меховая шапка с отворотами со всех четырех сторон; *польники*, *полюшки* — тетерева; *ячеи* — отверстия в сетях; *дахен* — блюдо, состоящее из простоквашы и сушеного ячменя; *терезы* — весы; *ушкан* — заяц; *ушканна* — заячья

шкура; *кислый* — квашеная капуста; *бус* — мучная пыль; *ага, эга, дога* — в Ирбите — шуба с меховым подкладом; *лопоть* — одежда; *бубас* — холщовый пиджак, окрашенный берестой; *тяж* — бечева у колес; *подвал* — погреб для припасов; *займище* — лес возле речки; *курья* — речной залив; *болван* — деревянное чучело птицы, которое для приманки прикрепляется к длинному шесту; *хмелевать* — выходить на сбор хмеля; *буеровать* — выходить на выкапывание золота и серебра из могил; *веранть* — мерить версты; *страдавать* — жать и косить сено; *робить* — работать; *страда* — уборка урожая и сенокошение; *сельница* — квашня; *шибко* — очень; *божница* — полка, на которой стоят иконы; *ягушка* — ягненок; *буран* — сильная метель; *матка* — компас; *благо* — много; *сырник, сокоренки* (в Тобольске), *сокорёнки* (в Таре) — сырые дрова.

29. Во время нашего последующего пребывания в Кузнецке не произошло ничего достопримечательного, и мне, следовательно, остается рассказать лишь о самом городе. Он расположен на том месте, где прежде жили киргизские татары, которые, однако, постепенно, по мере того, как здесь селились русские, все более оттеснялись к калмыцким границам. Город построен уже более 100 лет тому назад, заселили его колонисты из Томска, Верхотурья и Великого Новгорода. На том месте, где теперь город, в то время жили татары, которые плавляли железо из руды и занимались его ковкой, чем и добывали себе средства для пропитания. Поэтому-то это селение и получило такое название — его первыми жителями были кузнецы. Город расположен на правом или восточном берегу реки Томи, напротив того места, где в Томь впадает речка Кондома. Его можно, вследствие этого, разделить на три части — верхнюю, среднюю и нижнюю. Верхняя и средняя части расположены на высоком берегу, причем средняя часть находится на низменной, выдавшейся части этого берега, нижняя же часть располагается на равнине, находящейся между Томью и упомянутым берегом, однако расселена не у самой реки, а в полуверсте от ее русла. В верхней части имеется маленькая деревянная цитадель, в которой есть молитвенный дом. В средней части находится острог, а в нем — дом воеводы и приказная изба; там была также церковь, но несколько месяцев тому назад она сгорела вместе с домами, стоявшими за острогом. В средней части города выше острога находится много домов, но в нижней части их больше, и, кроме того, там имеется еще одна церковь. Число всех, имеющихся в городе домов, едва достигает пятисот.

Жители города не отличаются прилежанием. Трудолюбивых здесь найти нелегко. Река Томь богата рыбой, но рыбки здесь не увидишь. О фруктах здесь не имеют понятия. Тут трудно найти что-либо кроме хлеба да мяса. Хлеб едят с овощами, которые они сажают в своих огородах, что и является, пожалуй, единственным занятием местных жителей. Пашни у них расположены всегда на горах, а не в долинах, что они объясняют тем, что в долинах всегда холоднее, чем на горах. Но настоящая причина, как я думаю, в том, что в окрестностях Кузнецка больше гор, чем долин.

О дичи пока ничего не известно. Вначале, когда город был только построен, в этой местности встречалось множество различных животных — соболей, белок, куниц, оленей, козуль, лосей и других, но с течением времени все эти животные ушли отсюда и перекочевали на другое место, где, как когда-то из месте нынешнего Кузнецка, было пустошь и не было еще поселения. Если в других, более крупных сибирских городах, идет оживленная торговля, то здесь торгуют гораздо меньше. Черкесский табак и лошади — единственные, имеющие здесь сбыт товары. Через Кузнецк уже много лет не проходят караваны, и товары находят сбыт только у местных жителей.

Мы решили выехать из Кузнецка в тот самый день, в который год тому назад выехали из Твери, и который был связан у нас с приятными воспоминаниями, в надежде на такое же благополучное дальнейшее путешествие. Чтобы сделать как можно больше полезных открытий, мы опять разделились на несколько партий. Г-н профессор Миллер отправился с нашим и одним татарским толмачом сушей, я же с остальным отрядом и татарским толмачом — водой. Выехали мы (27 сентября) в 3 часа дня. Профессор Миллер провожал меня водой до села Красноярского, а его экипаж до того места шел порожняком. Суда, на которых мы ехали, не отличались удобствами. Это были лодки, несколько больше обычных, крытые берестой. Вследствие этого на них нельзя было развести огня, и под крышей нельзя было стоять выпрямившись. Суда же большего размера в это время не плавали, так как вода была очень мелкой. Весной же, когда вода высокая, ездят также и на дощаниках.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вобовишк.

2. После того, как я побывал на этом горно-металлургическом заводе, он стал одним из крупнейших и превосходнейших заводов.

какие когда-либо были в Европе. По мере того, как продолжалась добыча руды, горный завод время от времени получал новых людей — рудоплавщиков и др.; некоторые руды, содержание которых не могло быть в достаточной мере обследовано демидовскими людьми. Демидов показал специалистам, которых он встретил в Екатеринбурге и которым поручил произвести обследование рудняков; вскоре оказалось, что все руды, которые прежде считались медными, имели большое содержание серебра, и что это серебро содержало в себе так много золота, что оно с легкой окупало усилия, потраченные на их добычу. Поэтому были заложены зейгерные заводы, которые еще более стали преуспевать, когда в окрестностях Колыванских гор открыли гору, получившую из-за множества водящихся там змей название Змеиной горы, и которая изобиловала богатыми серебряными и медными рудами разных пород, мощность их составляла 3—3 фута, и простирание жил достигало немецкой мили. Руды эти изобилуют самородным золотом, которое то в виде тонких жил, то в зернах, то в толстых листочках встречается внутри и на поверхности руды, и без того дающей большое количество золотосодержащего серебра. Такая благословенная добыча имеется, впрочем, не только в упомянутой Змеиной горе, но и во многих других месторождениях, открытых с течением времени, которые простираются на восток гораздо выше Усть-Каменогорска и находятся как раз посередине между этой крепостью и известным озером Нор-Завсан («Благородное озеро»), о котором упоминалось выше, и затем доходит до места впадения в Иртыш реки Вухтармы. Нет поэтому никакого сомнения в том, что вся эта местность между Иртышом и Обью изобилует ценнейшими горными породами, так что, если заняться этим делом по-настоящему, понадобится несколько столетий для того, чтобы вычерпать все эти сокровища. При этом надо считать особым преимуществом то, что здесь нет нужды строить дорогие горные заводы с дорогостоящими механизмами, а можно использовать ветер или текущие воды. Все руды залегают недалеко от поверхности земли, и рудники, находящиеся на глубине 10 саженей от поверхности, встречаются в этой местности уже довольно редко.

3. «Таволга» — татарское слово, обозначающее спирт. Возможно, что я и ошибаюсь в приведенном значении, что в то время легко могло случиться, так как мне тогда приходилось объясняться с помещью двух толмачей — русского и татарского.

**АРХИВНЫЙ ФОНД СЕМЬИ БУЛГАКОВЫХ
В НОВОКУЗНЕЦКОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ.**

Дирекции краеведческого музея г. Новокузнецка
(бывшего Кузнецка).

...Препровождаю в музей от своего имени и от имени моего младшего брата Веннамина Федоровича Булгакова документы, относящиеся к жизни и деятельности наших отца Федора Алексеевича Булгакова — штатного смотрителя училищ Кузнецкого и Бийского округов, матери — Татьяны Никифоровны Булгаковой, рожденной Исаковой — учительницы Кузнецкого приходского училища, моего старшего брата — ученика седьмого класса Томской Губернской классической гимназии, впоследствии поручика Николая Федоровича Булгакова, документы, относящиеся к жизни и деятельности моего деда, отца моей матери — Никифора Васильевича Исакова — рядового лейб-гвардии Гренадерского полка, участника русско-турецкой войны, а также документы из времени обучения моего в Кузнецком уездном училище.

Прошу вас принять эти документы на постоянное хранение.

18 мая 1965 г.

*Валентин Федорович БУЛГАКОВ —
член ученого совета музея-усадьбы
Л. Н. Толстого, Ясная Поляна,
член Союза писателей СССР.*

Последний секретарь Л. Н. Толстого Валентин Федорович Булгаков был выходцем из Сибири, уроженцем города Кузнецка Томской губернии. «В виду отдаленности и разбросанности Кузнецких волостей требовались перемены в управлении ими. Необходимо было построить среди тамошних татар особый острог с постоянным составом служилых людей... Таким образом, было положено начало городу Кузнецку, расположенному на правом берегу реки Томи, против устья реки Кондомы»¹.

Кузнецк — один из старейших городов Сибири, основанный в 1618 году землепроходцами, длительное время сохранял значение стратегического центра Западной Сибири. Ко 2-й половине 18 века теряет значение стратегического поселения, но оторванный своей отдаленностью от основных сибирских дорог, он не сумел развиться в значительный центр. Но тем не менее, в городе были очаги культуры, интересные архитектурные комплексы. Примером может служить каменная крепость, построенная в 1820 г. как фортификационное сооружение, два великолепных храма: церковь Одагитриевской Божьей матери — 1785 г. и главенствующий Спасо-Преображенский собор — 1835 г. К 90-м годам 18 века Кузнецк приходит небольшим селом, которое в силу традиции продолжает называться городом.

Просветительская деятельность императрицы Екатерины II в области образования распространилась и на Сибирь. «Вследствие Высочайшего повеления, последовавшего в 1786 году о повсеместном открытии народных училищ, в городе Кузнецке было открыто таковое в 1790 году»². Училище существовало на средства города. Но вскоре Магистрат отказывается училщю в финансировании ввиду ограниченности городских средств, и оно закрывается.

В 1803—1804 гг. Александр I проводит реформу в народном образовании, и с 1817 по 1826 годы в Сибири открываются 13 уездных училищ, в том числе и в городе Кузнецке. Основной преподавательский состав формировался из учительской среды семинарий европейских и сибирских городов.

Федор Алексеевич Булгаков — отец Валентина Федоровича Булгакова после окончания Тамбовской семинарии был приглашен в Кузнецк на должность домашнего учителя русского языка (рис. 1).

В 1854 году Федор Булгаков принят на должность учителя русского языка в училище. «Определить учителем русского языка домашнего учителя Ф. Булгакова»³. «Учитель русского языка г. Булгаков обладает очень хорошими педагогическими способностями и достаточным запасом знаний»⁴. В 1860 году после очередной инспекторской проверки Кузнецкого уездного училища Томской дирекцией на должность штатного смотрителя назначается преподаватель русского языка и литературы Ф. Булгаков. Сохранившиеся документы свидетельствуют, что воспитанный на идеях шестидесятников, с семинаристским образованием Ф. Булгаков не только высокообразованная личность, но и человек демократических взглядов. Он беспокоится за профессиональную подготовку

Булгаковъ Ф. А.
(1824—1896).

Рис. 1. Федор Алексеевич Булгаков (1824—1896).

преподавателей, часто просит дирекцию училищ Томской губернии об освобождении учащихся от платы за учение — по бедности их родителей. «Господину директору училищ Томской губернии. На утверждении Вашего Высокоблагородия честь имею представить при сем постановление педагогического совета Кузнецкого уездного училища 18-го сего января за № 10 состоявшееся, об освобождении от платы за учение во второй половине 1879/80 учебного года 15-ти учеников уездного училища из 31-го по бедности их родителей и воспитателей. Штатный смотритель Ф. Булгаков»⁶. Находясь на должности штатного смотрителя Булгаков ведет переписку с министерством народного просвещения, сообщая о неполадках и недоделках в строительстве дома под училище, составляет отчеты о проверке Бийского училища в 1861 году, исторические справки по училищам и гимназиям, историческую записку по Кузнецкому училищу от 20 февраля 1861 года.

Мать Валентина Федоровича Булгакова, Татьяна Никифоровна Булгакова (урожденная Исакова), (рис. 2), работала учительницей в приходском училище. В 19 лет вышла замуж за Ф. А. Булгакова. Они обвенчались 13 ноября 1885 года, о чем свидетельствует выписка из метрической книги часть II по бракосочетавшимся за 1885 год; выданная Градо Кузнецким Спасо-Преображенским Собором Томской Епархии в 1897 году 16 июня под № 82. Выписка на бланке Московской Синодальной типографии. (Просматривается водяной знак — Синодальная типография). В выписке значится, что 13 ноября 1885 года под № 17 были обвенчаны коллежский ассесор Федор Алексеевич Булгаков, православного вероисповедания, вдов по второму браку, 60 лет, с учительницей Кузнецкого приходского училища Татьяной Никифоровной Исаковой, православного вероисповедания, девицей 19 лет. Таинство совершал протоиерей Захарий Кротков. Поручителями были помощник смотрителя Кузнецкого уездного училища Каянтон Алексеевич Батюшков и помощник надзирателя 2-го класса участка Западного округа коллежский ассесор Николай Иванович Казанцев, со стороны невесты — учитель Кузнецкого уездного училища Иван Семенович Шунков и купец Лука Емельянович (фамилия неразборчива). Выписка заверена гербовой сургучной печатью Спасо-Преображенского Собора и заверена подписями протоиерея Захария Кроткова, дьякона Василия Ртищева и псаломщика Алексея Дроздова⁷.

От этого брака родилось пять детей: Лена, Костя, Воля, Валя и Надя. До зрелого возраста дожили Вениамин Федо-

Рис. 2. Татьяна Никифоровна Булгакова (1866—1922).

рович и Валентин Федорович. О далеких детских годах в архиве музея хранятся воспоминания Венямина Федоровича Булгакова, о городе с тремя тысячами жителей, о жизненном укладе в семье Булгаковых. В воспоминаниях есть описание их дома, который находился на улице Соборной: «Наш дом среди четырех сотен построек тогдашнего захолустного Кузнецка мы считали не последним в дюжине домов города... Мы любовались и гордились своим гнездом». А 8 ноября 1888 года Федор Алексеевич Булгаков сделал полное описание дома в предположении продажи: «В городе Кузнецке продается новый деревянный дом на каменном фундаменте, длиною, без парадного крыльца, 7 сажений, шириною 7 сажений, оштукатуренный изнутри алебастром с известью, крытый тесом, крыша окрашена масляной зеленой краской и украшена по краям резной разноцветной решеткою; под одной комнатой дома подполье из лиственничного лесу. Полы, двери, окна, ставни и косяки во всем доме и на крыльцах окрашены масляной краской. Дом окружен с трех сторон садом, в котором выстроена большая беседка с 8-ми колоннах с голубой крышей и вся окрашена масляными разноцветными красками. В саду кедровые деревья уже приносят плоды. С уличной же стороны дома столярной работы решетка, окрашенная масляными красками.

Во дворе дома выстроены на каменном фундаменте два двухэтажных амбара и завозня с сеновалом над ней; над ними огромная кладовая, а под амбарами два каменных погреба. Крыша амбаров и завозня и колонны у подтамбарьев окрашены масляной краской. Кроме того, при доме еще два одноэтажных амбара, конюшни, завозня, три навеса, баня с сенями и комнаткой для одевания и скотный крытый двор. При доме на углу усадьбы большой флигель с тремя комнатами и кухней, имеющей печь с плитой. Кроме того, при главном доме есть еще старый деревянный двухэтажный дом, но жилой с тремя комнатами как и в нижнем, так и во втором этаже. При нем: амбар, баня и скотный двор.

Ограда около главного дома и ограда более 60-ти сажений новая из плах, вышиною выше сажени. Под всею усадьбой дома имеется земли 1429 квадратных сажений, а длины по главной Успенской улице 24 сажени, по улице Телеграфной 57 сажений, по меже соседей — Хотьатовского и Безсонова 57 сажений и по улице Лазаретной 13 1/2 сажений. При сем прилагается: план и фасад дому и планы всем строениям при доме находящимся. Дом этот со всеми означенными при нем постройками и землею под ними продается, вследствие край-

ней необходимости, за пять тысяч рублей, хотя и стоит мне до шести тысяч рублей, не считая моих многочисленных трудов и хлопот при его постройке и при посадке и поливке деревьев. Коллежский Ассесор Федор Алексеевич Булгаков, 8-го ноября 1888 года»⁷.

Прошло очень много лет. И вот в 1959 году после длительного отсутствия два брата Булгаковых Вениамин и Валентин вновь встречаются с родным, но уже совсем незнакомым городом. Они посетили наш музей, познакомились со старейшими работниками музея. Впоследствии после длительной переписки с сотрудниками музея они передают в архив семейные документы, фотографии дореволюционного периода.

Архивный фонд семьи Булгаковых включает в себя следующие документы:

1. АТТЕСТАТ ОБ ОКОНЧАНИИ воспитанника Тамбовской семинарии Федора Булгакова Тамбовской Епархии Кирсановского округа, сына дьяка Алексея, имеющего от роду 22 года. Обучался с низших классов в Тамбовском Духовном училище, поступил в семинарию в 1840 году и совершил в ней учебный курс. «При способностях довольно хороших, прилежании довольно изрядном, поведении честном на окончательном испытании оказался успевающим по классу — чтения Священного писания — довольно хорошо, богословия — довольно хорошо, медицины — весьма порядочно, философии — очень хорошо, физико-математическому — хорошо, словесному — очень хорошо, гражданской истории — хорошо, латинскому, греческому — довольно хорошо. Принадлежит ко второму разряду воспитанников в Тамбовской семинарии Высшего первого отделения. ...сей аттестат за № 697 выдан июля, 30-го дня, 1846 года. Подписи — исполняющего обязанности директора монаха Макария, исполняющего должность инспектора (не ясна). Аттестат на гербовом типографском бланке, заполнен от руки. Заверен красной сургучной печатью Тамбовского семинарского правления. В центре герб Российской империи»⁸.

2. СВИДЕТЕЛЬСТВО № 340 на гербовой бумаге, просматривается водяной знак, на котором изображен двуглавый орел. Справа в углу штемпель денежного сбора, достоинством 90 копеек. Текст свидетельства: «По указу Его Императорского величества, из Тамбовской духовной консистории, уволенному из духовного звания, кончившему курс, воспитаннику Тамбовской семинарии Федору Булгакову, в том, что рождение их крещено по метрическим книгам Кирсанов-

ского округа села Верхней Оржевки, по данным церковно-священным поступлениям за 1824 год значится так: «У дьячка Алексея Алексеева родился сын Федор, февраля 20-го и крещен 20-го числа священником Алексеем Архиповым... В удостоверении чего сие свидетельство. Января 13 дня 1850 года. Подписи неразборчивы. Заверено печатью Тамбовской Духовной консистории».

3. УВОЛЬНИТЕЛЬНЫЙ ВИД № 16274. Текст: «По указу Его Императорского Величества из Тамбовской Духовной консистории, кончившему курс Тамбовской семинарии воспитанику Федору Булгакову в том, что он согласно его прошению, в следствие представления Тамбовского Епархиального начальства, по указу Святейшего Правительствующего Синода, от 2 минувшего ноября за № 11397 уволен из Духовного звания в светское. В удостоверении чего сей увольнительный вид, ему Булгакову на основании 200 ст. свода законов том 2 устава о службе... За нижеследующими подписями с казенной печатью красной сургучной гербовой (изображение и надписи утрачены). Документ на типографском бланке, слева в углу фабричный оттиск «Медянская фабрика Первушина в Вятке 4»¹⁰.

4. КОПИЯ С ПРОТОКОЛА № 41 на типографском бланке. Фабричный оттиск слева в углу. Текст: «В заседании педагогического совета Томской губернской гимназии 20 марта 1853 года было произведено частное испытание в русском языке уволенному от службы канцелярскому служителю Федору Булгакову на звание домашнего учителя с правом в случае желанья и необходимости быть учителем этого предмета в уездном училище. На испытание предложены ему предметы — 5 словесных вопросов, затем написана пробная лекция. Педагогический совет признал его, Булгакова, достойным звания учителя домашнего. Подписи членов педагогического совета»¹¹.

5. СВИДЕТЕЛЬСТВО № 1693. Отпечатано в типографии, текст заключен в фигурную рамку. Текст: «Дано сие оставшему канцелярскому служителю Федору Алексеевичу Булгакову в том, что он, как из представленных нам бумаг видно, подданный Российской империи, уроженец Тамбовской губернии Кирсановской округи, села Верхней Оржевки, сын дьячка, родился 10 февраля 1824 года и крещен в веру Христианскую православного исповедания, окончил в 1846 году полный курс науки по второму разряду в Тамбовской семинарии, от которой имеет одобрительный аттестат об успехах в науках и поведении, по увольнении из духовного звания в свет-

ское, согласно поданному прошению, с разрешения правительствующего Синода, изъясненного в указе от 30 января 1851 года за № 7442, Господином Томским гражданским губернатором определен в штат Томского губернского правления 5 марта 1851 года. В штрафах и под судом не был, к продолжению службы аттестован способным, и достойным, женат первым браком на Вере Архиловой и имеет дочь, рожденную 20 июня 1852 года. Вследствие поданного им, Булгаковым, прошения о желании вступить в домашние учителя, и по рассмотрении представленных им, на основании §§ 14—17 Высочайше утвержденного в 1 день июля 1834 года, положения, удостоверительных свидетельства, которые найдены удовлетворительными, допущен он был к испытанию в Томской Губернской гимназии и оказал в Русском языке хорошие семейными и преимуществами, заключающимися в означенном положении... При сем поставляется ему в неперемennую обязанность:

1. На точном основании § 25 и 26 вышеупомянутого положения, при определении в частные дома для воспитания детей, также при переходе с этой же целью из дома в дом и при переезде для постоянного жительства из одной губернии в другую предъявлять настоящее свидетельство Директору училищ и уездному предводителю Дворянства тех мест, где водворится, в противном же случае время это, хотя бы и находился при должности, не будет зачтено ему в действительную службу, и

2. Согласно § 9 дополнительных правил о домашних наставниках и учителях, утвержденных г. Министром народного просвещения 2 августа 1834 года, предъявлять Директору училищ, с окончанием каждого года отчеты в своих трудах, занятиях и одобрительные о себе свидетельства от уездных Предводителей дворянства и от лиц, у коих исполнять будет обязанность своего звания. Апрель 4 дня 1853 года.

В верности всего здесь сказанного свидетельствую с приложением печати Канцелярии Томского Общего Губернского Управления, Попечитель учебных заведений Томской губернии, Томский гражданский Губернатор, Генерал-майор (роспись), исправляющий должность начальника отделения (роспись)».

Документ заверен сургучной печатью. На оборотной стороне есть приписка Валентина Федоровича Булгакова от 25 февраля 1965 года о том, что его отец был сыном дьячка Алексея Алексеевича, который дослужился до сана священника¹².

6. КОПИЯ ФОРМУЛЯРНОГО СПИСКА О СЛУЖБЕ штатного смотрителя училищ Кузнецкого и Бийского округов, коллежского асессора Федора Алексеевича Булгакова. Составлен по 1883 году.

Документ заполнен от руки на бланке типографии Орловых г. Томск на восьми листах. Листы прошнурованы синей тесьмой и заверены сургучной печатью Томской Губернской классической гимназии. На печати изображен герб Российской империи. Копия формулярного списка заполнена согласно графам, из которых следует, что коллежский асессор Ф. А. Булгаков, штатный смотритель училищ Кузнецкого и Бийского округов, 59 лет, вероисповедания православного, имеет ордена Св. Станислава III степени, Св. Анны III степени, Св. Владимира IV степени и бронзовую медаль на Владимирской ленте в память войны 1853—1856 годов, получает штатного жалования 450 рублей, за выслугу лет в Сибири 450 рублей и пенсии 540 рублей, а всего 1440 рублей в год. По выходе в 1881 году в отставку получает пенсию в 540 рублей в год. Происходит из духовного сословия по указу Его императорского Величества, изъясненного в указе Священногo Правительствующего Синода от 2 ноября 1849 года за № 11397, уволен в светское звание.

Имеется в городе Кузнецке Томской губернии деревянный дом в 6 комнат и флигель в 2 комнаты.

По окончании в 1846 году полного курса наук в Тамбовской Духовной семинарии и по увольнению из духовного звания в светское, с разрешения Правительствующего Синода, изъясненного в указе от 30 января 1851 года за № 7442, определен канцелярским служителем в штат Томского Губернского Управления 5 марта 1851 года. По прошению его, на основании № 1177 статьи 3 от свода законов Устава о службе гражданской (изд. 1842 г.), за болезнью уволен от службы. По испытании в педагогическом совете Томской Губернской гимназии, 1853 г. 5 марта, признан достойным звания домашнего учителя по предмету русского языка, с правом занять место учителя этого предмета в уездном училище и получить на первое звание свидетельство за № 1693 от попечителя учебных заведений Томской губернии. 4 апреля 1853 года поступил домашним учителем в дом Томской 2-й гильдии купца Мефодия Серебренникова. В 1854 году в ноябре определен учителем русского языка в Кузнецкое уездное училище с выдачей ему не в зачет прежнего жалования... По предписанию господина Директора училищ Томской губернии от 3 апреля 1856 года за № 125, исправлял должность Штатного Смотр-

теля Кузнецкого уездного училища вместе с должностью учителя русского языка. Указом правительственного сената от 28 июля 1860 года за № 6700 произведен за выслугу лет в чин Губернского секретаря со старшинством. По распоряжению Генерал-губернатора Западной Сибири, изъясненному в предписании господина Директора училищ Томской губернии от 22 октября 1860 года за № 719, определен исправляющим должность Штатного Смотрителя Кузнецких училищ. При этом он исправлял безвозмездно должность учителя русского языка с 6 октября 1860 года по 15 апреля 1861 года. За пятилетнюю усердную службу в классной должности в Сибири прибавлено к жалованию четверть оклада. Указом Правительствующего сената от 17 августа 1861 года за № 7186 произведен за выслугу лет в чин коллежского секретаря. На основании Всемилостливейшего Манифеста 26 августа 1856 года получила предписание г-на Директора народных училищ от 18 апреля № 227 бронзовую медаль на Владимирской ленте в память войны 1853—1856 годов. Указом Правительствующего Сената от 20 ноября 1863 года за № 255 произведен в чин Титулярного Советника. Указом Сената от 7 октября 1865 года за № 370 произведен в чин коллежского асессора. По распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири изъясненному в предписании и. д. Директора училищ Томской губернии от 31 августа 1866 года за № 691 за усердную и полезную службу утвержден в должности Штатного смотрителя Кузнецких училищ. Пожалован в 1871 году 29 января орденом Святого Станислава третьей степени при грамоте за № 1204. В 1877 году 4 мая пожалован орденом Святой Анны 3-й степени при грамоте за № 1913. В 1883 году 14 января пожалован кавалером ордена Святого равноапостольского Князя Владимира четвертой степени при грамоте за № 541. Из этого документа видно, что Ф. А. Булгаков был в отставке без награждения чином с 22 января 1852 года по 3 ноября 1854 года. Состоял в отставке с 1881 года с мундиром и пенсией. Женат третьим браком на бывшей учительнице Кузнецкого приходского мужского училища девице Татьяне Никифоровне Исаковой. Имеет от первого брака дочь Агриппину, находящуюся в замужестве, от второго брака — сына Николая, от третьего — сыновей Валентина. Венчанина и дочь Надежду. Копия была выдана из архива Томской губернской гимназии сыну коллежского асессора Ф. А. Булгакова — Валентину Булгакову, намеревающемуся поступить в число студентов Императорского Московского Университета. Она заверена росписями директора и письмоводителя¹².

7. Грамоты коллежскому ассессору, штатному смотрителю Кузнецких училищ Федору Булгакову. На типографских бланках о награждении его Указом от 29 дня января 1871 года кавалером Императорского и Царского ордена нашего Святого Станислава третьей степени. Указом дня 4 марта 1877 года кавалером Императорского ордена нашего Святой Анны третьей степени. Указом от дня 22 сентября 1822 года кавалером Императорского ордена нашего Святого Равноапостольского князя Владимира 4-й степени. Грамоты подписаны Вице-президентом и заверены гербовыми печатями Императорского двора¹⁴.

Прожил Ф. А. Булгаков 73 года. Умер в 1897 году. Его сыновья передали в музей выписку из метрической № 85 об умерших за 1897 год, ч. III, выдана градокузнецким земским Собором Томской епархии. Выписка на бланке Московской синодальной типографии с водяным знаком. Выписка свидетельствует, что под № 35/31 мая умер коллежский ассессор Федор Алексеевич Булгаков от старческого маразма. Погребение было совершено 2 июня священником Николаем Рудичевым и псаломщиком Сергеем Богатыревым на гражданском кладбище, вследствие заключения Кузнецкого городского врача Матвеева от 31 мая 1897 г. № 74. Выписка подписана священником Николаем Рудичевым и псаломщиком Сергеем Богатыревым, заверена сургучной гербовой печатью Спасо-Преображенского Собора¹⁵.

Архивный фонд Татьяны Никифоровны Булгаковой включает в себя следующие документы:

1. МЕТРИЧЕСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ Т. Н. ИСАКОВОЙ — матери В. Ф. Булгакова за № 440. Текст гласит: «По указу Его императорского Величества Томской Духовной консистории, на основании записи в метрической книге Градо Томской Воскресенской церкви за 1876 год, в первой части о родившихся по № 72 женского пола сим свидетельствует, что 1865 г. 30 декабря родилась, 22 августа 1876 года присоединена в поморскую секту. Родители: временно отпускной Томского продовольственного магазина служащего Никифора Васильевича Исакова и законная его жена Мария Михайловна, православного вероисповедания, дочь девица из поморской секты, присоединена к православию, через миропомазание. Воспримянки томский мещанин Петр Федорович Прянишников и иркутская, гильдии купеческая жена Татьяна Артемовна Чернова. Таинства миропомазания совершено священником Николаем Сосновым с дьяконом Дмитрием Воскресенским, псаломщиком Федором Благосто-

вым и исправляющим должность псаломщика Киприяном Спасским».

Удостоверение за подписями члена консистории архимандрита и секретаря и печатями Томской Духовной консистории¹⁶.

2. СВИДЕТЕЛЬСТВО № 586 ТАТЬЯНЕ НИКИФОРОВНЕ БУЛГАКОВОЙ, выданное членами педагогического совета Томской Марининской женской гимназии, что дочь рядового, девица Т. Н. Исакова, на основании Высочайше утвержденного 22 апреля 1868 года мнения Государственного Совета о специальных испытаниях по министерству народного просвещения, подверглась полному испытанию и выдержала его удовлетворительно. Удостоена звания учительницы сельского, приходского и начального народного училища.

Удостоверение засвидетельствованно подписями дирекции училищ Томской губернии, членами педагогического совета гимназии — инспектором гимназии, законоучителем священником, учителями. Свидетельство заверено гербовой печатью дирекции училищ Томской губернии с изображением двуглавого орла в центре¹⁷.

3. УВЕДОМЛЕНИЕ ЖЕНЕ ЧИНОВНИКА Т. Н. Булгаковой от 7 февраля 1887 года № 69 от штатного смотрителя училищ Кузнецкого и Бийского округов К. А. Батюшкина. Текст уведомления: «При этом препровождаю Вам, милостивая государыня, Ваши документы: 1 — метрическое свидетельство № 3440, 2 — свидетельство на звание учительницы № 586, и уведомляю вас, милостивая государыня, что вы постановлением господина директора Томской губернии от 15 августа 1886 года уволены от должности учительницы Кузнецкого Марининского приходского училища»¹⁸.

4. РОДОСЛОВНАЯ Т. Н. БУЛГАКОВОЙ, РОЖДЕННОЙ ИСАКОВОЙ (1865—1922 гг.) В родословной крестьянское родство, составленное Валентином Федоровичем Булгаковым со слов бабушки Марфы Михайловны Исаковой в селе Каурак Томской губернии летом 1906 года.

Из родословной видно, что род Исаковых пошел от Марка Сизевича Семенова, у которого один из сыновей был Осип. У Осипа родилась дочь Марфа, впоследствии вышедшая замуж за Никифора Васильевича Исакова, отца Татьяны Никифоровны, участника турецких походов. В архиве музея хранятся документы, связанные с именем Никифора Васильевича: 1 — свидетельство от 1879 г. по воинской повинности¹⁹, 2 — удостоверение № 3406 о том, что Исаков Н. В. является рядовым лейб-гвардии гренадерского полка²⁰, 3. — сви-

детельство № 1311 о выполнении воинской повинности, о том, что предъявитель сего документа служит в запасном батальоне лейб-гвардии гренадерского полка²¹.

Все дети Булгаковых учились в Кузнецком уездном училище. Это же училище закончил и Валентин Федорович. В архиве музея хранятся:

1. СВИДЕТЕЛЬСТВО УЧЕНИКА 1-го КЛАССА Кузнецкого уездного училища Булгакова Валситина на 1897/98 учебный год. Из свидетельства видно, что в 1-м классе Валентин изучал следующие предметы: закон божий, русский язык, арифметику, геометрию, географию, историю, черчение, рисование, чистописание. В свидетельстве даны аттестационные отметки за уроки и поведение. Свидетельство заверено классным наставником, учителем географии гр. Черепановым²².

2. УДОСТОВЕРЕНИЕ № 384. Текст: «Предъявитель сего, Булгаков Валентин, сын чиновника, вероисповедания православного, имеющим ныне от роду 11 лет, обучался в 1-м классе Кузнецкого уездного училища с 8 августа 1897 года по 4 июня 1898 года, во время обучения поведение было отличное, в преподаваемых предметах за учебный год и на испытании показал успехи. В законе божьем, русском языке, арифметике, географии, чистописании на хорошо, в черчении удовлетворительно». Что удостоверяется подписью и приложением печати Кузнецкого уездного училища. Город Кузнецк, Томской губернии, июня 4 дня 1898 года. Подписи штатного смотрителя училища Ивана Шункова. Заверено печатью Кузнецкого уездного училища²³.

3. СВИДЕТЕЛЬСТВО № 39. Текст: «Дано сыну дворянина Валентину Федоровичу Булгакову для представления при поступлении в Томскую Губернскую гимназию, в том, что предохранительная оспа ему привита была. Что удостоверяется подписями с приложением должностной печати 5 июня 1898 года, г. Кузнецк Томской губернии. Красная сургучная печать Кузнецкого городского врача²⁴.

4. Прошение вдовы коллежского асессора Т. Н. Булгаковой за № 696. Текст: «Его Высочайшему господину директору Томской классической гимназии и училищ Томской губернии.

Желая дать образование сыну моему Валентину Булгакову в вверенном Вам учебном заведении, имею честь просить распоряжения Вашего Высочайшего господина о том, чтобы он был подвергнут надлежащему испытанию и медицинскому освидетельствованию, помещен в 1 класс и принят на казенный

счёт: при чем имею честь сообщить, что он приготовился к поступлению в 1 класс и до сего времени обучался в Кузнецком уездном училище. При прошении прилагается свидетельство о прививке ослы за № 39 и удостоверение господина штатного смотрителя Кузнецкого уездного училища от 4 сентября за № 384, метрическое свидетельство, находящееся в настоящее время в Томском губернском по опекунам делам присутствии, будет представлено ко времени приема на прошение изложена резолюция директора гимназии Виктора Петровича Шепетева²⁵.

В архивном фонде музея хранятся документы Николая Федоровича Булгакова, сына Федора Алексеевича от брака его со второй женой Анастасией Яковлевной Булгаковой²⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Г. Ф. Мяллер. История Сибири. Т. 1. М., 1937.
2. Н. Костров. Историко-статистический очерк, г. Кузнецк. — Томск, 1880, с. 20—23.
3. Новокузнецкий краеведческий музей, НФ, оп. 1, раздел 9, д. 4.
4. Новокузнецкий краеведческий музей, НФ, оп. 1, раздел 9, д. 4.
5. Новокузнецкий краеведческий музей, НФ, оп. 1, раздел 9, д. 4.
6. Новокузнецкий краеведческий музей, НФ, оп. 1, раздел 2, д. 64.
7. Новокузнецкий краеведческий музей, НФ, оп. 1, раздел 2, д. 65.
8. Новокузнецкий краеведческий музей, Д-Ф 1561.
9. Новокузнецкий краеведческий музей, Д-Ф 1560.
10. Новокузнецкий краеведческий музей, Д-Ф 1563.
11. Новокузнецкий краеведческий музей, Д-Ф 1583.
12. Новокузнецкий краеведческий музей, Д-Ф 1580.
13. Новокузнецкий краеведческий музей, Д-Ф 1582.
14. Новокузнецкий краеведческий музей, Д-Ф 1583, 1588, 1584.
15. Новокузнецкий краеведческий музей, Д-Ф 1530.
16. Новокузнецкий краеведческий музей, Д-Ф 1534.
17. Новокузнецкий краеведческий музей, Д-Ф 1538.
18. Новокузнецкий краеведческий музей, Д-Ф 1543.
19. Новокузнецкий краеведческий музей, Д-Ф 1541.
20. Новокузнецкий краеведческий музей, Д-Ф 1542.
21. Новокузнецкий краеведческий музей, Д-Ф 1553.
22. Новокузнецкий краеведческий музей, Д-Ф 1549.
23. Новокузнецкий краеведческий музей, Д-Ф 1551.
24. Новокузнецкий краеведческий музей, Д-Ф 1548.
25. Новокузнецкий краеведческий музей, Д-Ф 1548.
26. Новокузнецкий краеведческий музей, Д-Ф 1544.

СПОРНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ КУПЧИХИ ФАМИЛЬЦЕВОЙ,
ИЛИ... ПОЕДИНОК ИЕРЕЕВ

Архивные документы тем ценны, что по крупницам помогают составить психологический портрет человека. Который, как известно, очень разный. Как нет ангельски совершенных (какими порою рисуются люди, если судить по послужному их списку, изобилующему орденами и почестями), так нет и совершенных злодеев, как бы ни аттестовали их опять-таки служебные формуляры с педантичным подсчетом опущений, опозданий, небрежностей. Человек раскрывается неожиданно, в маленьком штришке, случайно зафиксированном документально, да и то — это лишь начало попытки «прочитать» человека, потому что можно и нужно найти множество стимулов «за» и «против», подсказывающих тот или иной поступок...

Могла ли канская купчиха Ирина Фамильцева, прожившая жизнь в достатке и процветании, предвидеть, что, не вписав лишних два-три слова в текст своего завещания, поможет через сто с лишним лет выявить нам, «последующим», еще одну грань характера кузнецкого священника Евгения Тюменцева. Тем для нас интересного, что, будучи, очевидно, личностью незаурядной, свискал доверие великого психолога Федора Достоевского, пожелавшего именно с ним поделиться размышлениями о самом себе (не таковым ли является письмо-автобиография, письмо-исповедь?).

Если обратиться к архивным документам, то на одной чаше весов окажется блистательный послужной список Тюменцева, а на другой — 1872 года июня 8 дня в журнале Томской Духовной Консистории (в дальнейшем ТДК — авт.) под № 5: «Принимая во внимание, что по смыслу духовного завещания пожертвованные Фамильцевою деньги, за исключением почтового расхода, всего 288 руб. действительно должны принадлежать кузнецким церквам, коих там оказывается приходских две, Духовная Консистория полагает разделить эти деньги пополам между Собором и Одыгитриевской цер-

ковью по 144 рубля. Посему предписать благочинному Захарью Кроткову распорядиться, чтобы следуемая на Одигитриевскую церковь часть ныне же была отчислена из наличных сумм Кузнецкого Собора и передана в Одигитриевскую церковь, а когда это будет исполнено, Консistorии до сведения довести и по получении донесения в свое время сдать в архив...

Что и было исполнено, как следует из рапорта благочинного Соборной церкви Кроткова, сменившего отправленного в отставку Павла Трофимовича Стабникова.

Добавим, все это — в результате чуть не четырехлетней тяжбы и вовсе не в доказательство торжества логики, а скорее — особого отношения «свыше» к священнику Тюменцеву, в чем он, видно, с самого начала уверен и потому отстаивает, пользуясь более чем шаткими аргументами, доход с «Завещания Канской 1-й гильдии купчихи вдовы Ирины Ивановны Фамильцевой», оставленного на церкви Кузнецка.

Дело началось 17 июля 1868 года. Когда Евгений Исаакович Тюменцев обращается в ТДК, с завидной убежденностью доказывая, что названная купчиха Фамильцева «в числе прочих церквей, триста рублей завещала и в Кузнецк» (подчеркнуто в документе, — авт.). Томская же Духовная Консistorия еще ранее, Указом от 5 февраля того же года сделала распоряжение о поступлении этих денег именно в кузнецкую Соборную церковь. «Но эти триста рублей должны поступить в кузнецкую Одигитриевскую церковь, а не в кузнецкую Соборную, — увещевает Тюменцев, — потому что я 7 ноября 1866 года посылал страховое письмо означенной купчихе Ирине Фамильцевой с деверем ее Кузнецким мещанином Петром Фамильцевым и просил их пожертвования на необходимые поправки Градокузнецкой Одигитриевской церкви, а обращался к ним с этой просьбой потому, что муж купчихи Ирины Дмитрий и брат его Петр Фамильцевы состояли прежде в приходе означенной Одигитриевской церкви, когда проживали в Кузнецке. Посему покорнейше прошу Т. Д. К. сделать распоряжение о поступлении трехсот рублей серебром в Кузнецкую Одигитриевскую церковь».

Такая наивная аргументация — я написал письмо, что хорошо бы сделать пожертвование и, стало быть, деньги завещаны именно моей церкви, — по первости, очевидно, справедливо озадачила и Консistorию. Е. Тюменцев получает вежливое «одергивание»: «так как каждое духовное завещание должно использоваться по точному разумению его и никакое начальство не в праве отменить или изменять волю за-

завещателя, то в просьбе Кузнецкому Священнику Евгению Тюменцеву отказать... о чем послать указ... Исполнено 27 июня 1869 г.»⁶.

Итак — конкурентная борьба между двумя храмами и двумя священниками, — Евгением Тюменцевым, причтом Одигитриевской церкви и Павлом Стабниковым, причтом Кузнецкого Собора. Но — Павел Стабников — тесть Е. Тюменцева. Не пристало, казалось бы, зятю, да еще священнослужителю, идти насупротив родственника, причтом всеми уважаемого, каким был Павел Стабников. О чем свидетельствует хотя бы описание юбилейных торжеств, устроенных кузнецанами в честь 50-летнего его служения в сане в 1879 г. Причем невзирая на увольнение за штат, вопреки его собственному желанию, и, похоже, не без помощи собственного зятя. Напомним, первый рапорт Тюменцева в Консисторию и разбирательство дела о несостоятельности Стабникова совпадают — 1868 г. К слову сказать, именно Тюменцеву было поручено разбирательство по делу Стабникова, в результате чего в июне 1868 г. и последовало его увольнение с должности Благодящего «за несправное ведение приходорасходных книг, недочет сумм и нерекондуемое поведение; но узнав, что Тюменцев — зять Стабникова, томский епископ Платон дело перепоручает священнику Кузедеевского стана Алтайской духовной миссии Василию Ивановичу Вербицкому, известному этнографу и просветителю. Причем в 1869 г. Стабников вообще увольняется из штата.

Итак, «дело Фамильцевой» наделало, похоже, много шума. Ибо Томская контрольная палата 17 октября 1868 г. по-пути сообщает любопытные детали: «Из документальной отчетности Кузнецкого Окружного Казначейства за август сего года, видно, что из депозита Кузнецкого Окружного Полицейского Управления выдано 16 августа священнику Градокузнецкой Одигитриевской церкви Евгению Тюменцеву 4356 р. 81 коп. и присланных в оное из Канского окружного суда Енисейской губернии следующих по имеющемуся в Томском губернском Правлении духовному завещанию умершего Кузнецкого мещанина Зиновия Фамильцева, на благоуукрашение означенной Одигитриевской церкви в пользу священно- и церковнослужителей ее, которые, согласно завещания Фамильцева, должны пользоваться за вечное поминовение Фамильцева и родственников его процентами с завещанной капитальной суммы, а сама казначальная сумма должна храниться навсегда в Кредитном учреждении. Но с ведома ли Консистории распорядился Канский Окружной суд вы-

дать помянутые деньги священнику Тюменцеву, из приложения к отчетности Казначейства, не видно...»

Далее Томская Контрольная палата требует, чтобы Канский суд предъявил объяснение. Откуда такие строгости? А 27 июня Консистория, оказывается, спросила с Одигитриевской церкви отчет о ее денежных делах.

Священно- и церковнослужители смиренно и подробнейше рапортуют Консистории: «4356 р. 81 коп. серебром действительно получены священником Тюменцевым 16 августа 1868 г., суммы, удержанные казкой за свидетельствование духовного завещания были дополнены... Викентием Фамильцевым (сыном завещателя, — авт.)». Итак, 2000 рублей серебром на украшение церкви, 2500 серебром в пользу причта, — все так. И обо всем было доложено протонерею Павлу Стабникову 2 сентября 1868 г., и благочинному дереву Гавриилу Малышеву 19 ноября того же года, и названные деньги, которые на украшение церкви, записаны в соответствующую книгу пожертвований. А 2500 рублей, что в пользу самого Тюменцева, «отосланы в Скопинский общественный банк 19 августа 1868 года, сроком на 5 лет, с получением ежегодно 6½% на рубль, банком выслан билет в 2500 рублей с 19 сентября 1868 года № 6968. Билет записан в Клировые ведомости Кузнецкой Одигитриевской церкви».

Под «коллективным письмом» — подписи: священник Евгений Тюменцев, дьякон Василий Курбаковский; дьякон Владимир Красносельский и пономарь Дмитрий Огороков (для нас особо интересна подпись последнего — именно с ним встретится в 1904 году Валентин Булгаков и от него услышит подробности о пребывании Ф. М. Достоевского в Кузнецке).

Итак — отстранен от должности и от штата Павел Трофимович Стабников (как ни странно, выходит, с «подачи» такого выдающегося человека как миссионер и просветитель Василий Иванович Вербицкий). Дело о завещании Фамильцевых «затухло» и, наверно, не разгорелось бы вновь, уже в 1871 году, кабы не злосчастные спорные 300 рублей серебром, которые настойчивый и, скорее всего, весьма памятный Е. Тюменцев, решительно для своей церкви отстаивает.

«Бой за наследство» начинается с очередного рапорта священника Захария Кроткова, смелившего Павла Стабникова. Добавим, что Захарий Матвеевич Кротков известен как автор летописи Градокузнецкого Спасо-Преображенского собора (безвозвратно утраченной, возможно, во время налетов отряда Рогова на Кузнецк в 1919 г.). 22 июля 1871 г. он ра-

портует в Консисторию, что по указу оной от 5 февраля 1868 г. тогдашний протоиерей Павел Стабников должен был «иметь наблюдение за поступлением завещанных в пользу Кузнецкого Собора 300 рублей серебром». Но до сих пор эти деньги так в Собор и не поступили, так что ни он, Кротков, ни здравствующий, хоть и в отставке, Стабников, ничего о них не знает и затрудняются — «сама ли Консистория востребует откуда следует эти деньги или предпишет Кузнецкому Собору снести с каким-либо судебным местом»...

Не молчит и священник Тюменцев. Сам ли по себе, или в ответ на запрос Консистории, но через месяц, 20 августа 1871 г. он пишет, минуя Консисторию, самому Томскому епископу Платону, причем напоминает «дело о завещании Фамильцевой», что называется, «от Адама», особо подчеркивая: «из копии с духовного завещания означенной Ирины Фамильцевой, препровожденной к бывшему Благочинному Протоиерею Павлу Стабникову при указе Т. Д. К. от 5 февраля 1868 г. № 663, видно, что между прочими церквами завещено ею и в Кузнецк 300 рублей».

Т. Д. К., несмотря на неопределенность слов: *и в Кузнецк* (таковы, собственно, слова завещания) тем же указом назначила деньги 300 рублей в Кузнецкий Преображенский Собор, хотя в Кузнецке еще две церкви. Рапортом моим от 17 июня 1868 года № 62 я покорнейше просил Т. Д. К. назначить те деньги в Кузнецкую Одигитриевскую церковь, как без всякого основания назначенных в Кузнецкий Преображенский Собор, причт которого в половине сего августа уже действительно не получил оные деньги».

Тюменцев не оспаривает резонный первоначальный ответ Консистории, что, де, не положено вторгаться в волю завещателя; он, Тюменцев, на то и не покушается. Однако, опять же, — ввиду названной неопределенности, «не видно никакого основания назначать те деньги и в Кузнецкий Преображенский Собор». Посему он просит епископа Платона «сделать распоряжение опросить на месте тех, кто писал самое духовное завещание и кто были свидетелями при этом. Они вернее всего могут решить — какую церковь имела в виду сама завещательница».

Кто свидетеля? А вот дьякон Василий Курбаковский, например. На него, видно, вполне можно положиться. Это он, вместе с Тюменцевым и Огороковым писал в 1868 году точнейший рапорт, куда и как распределена крупная сумма, попавшая от Фамильцевых в Одигитриевскую церковь и лично Тюменцеву. Ныне «дьякон Василий Курбаковский священник

села Кетского, бывший в селе Тарбышнинском Енисейской Епархии в 1870 г., слышал там от многих, в том числе и от священника того села о. Максима, который и писал самое духовное завещание, что 300 рублей завещаны именно в Кузнецкую Одигитриевскую церковь. Кроме сего, чиновник Дмитрий Евгениев Бабушкин, доверенный по делам Фамильцевых, меня извещал, что 300 рублей назначены и будут высланы по решению дела в Одигитриевскую церковь...»

Прошел почти год. Очевидно, обе стороны не дремлют — обеспечивают тылы. 25 мая 1872 г. благочинный Захарий Кротков вновь обращается в Консисторию, напоминая, что по ее, Консистории, указу от мая же, он посылает выписку из спорного завещания и сообщает, что злосчастные «300 рублей завещанные Фамильцевой», Кузнецким Преображенским Собором по силе Указа оной Консистории от 6 февраля 1868 г. за № 663 (Помните? Сама Консистория рассудила передать деньги Стабникову!) в августе месяце 1871 г. получены». И не только получены (kozyрь у Тюменцева выбит — деньги, де, еще не получены, так можно их адрес и изменить)», но и записаны в шнуровую книгу и в настоящее время по Указу Консистории от 30 марта с. г. за № 1146, употреблены уже на покупку плащаницы».

Однако благочинный Кротков не только отбивает атаку — уступить деньги Тюменцеву уже нельзя, не плащаницу же отдавать, он идет в наступление: «при сем имею покорнейше объяснить оной Консистории, что священник кузнецкой Одигитриевской церкви Евгений Тюменцев без всякого основания пытается присвоить эти деньги к своей церкви. Он за основание берет 1-е то, что муж завещательницы Фамильцевой когда-то был прихожанином Одигитриевской церкви, но жители города Кузнецка, при счастливых обстоятельствах, при избытках своих жертвуют и в ту и в другую церковь, считая обе церкви своими и Фамильцевы, в признательность того, что они принадлежали и принадлежат к Одигитриевской церкви, пожертвовали в свою церковь 2000 рублей, на которые сделана пристройка, и причту 2500 р., с которых пользуется процентами, а в соборную церковь только 300 р., и 2-ое то, что будто он, Тюменцев, письмом своим просил Фамильцеву пожертвовать на церковь денег, но это никак не оправдывается: а) если бы Тюменцев просил своим письмом Фамильцеву о пожертвовании, то она в духовном своем завещании не забыла бы упомянуть о церкви Одигитриевской, имея под руками письмо, но этого в завещании нет и б) что еще невероятнее и ни с чем не сравнимо то, что священник

Тюменцев, зная о завещанных в его церковь 4500 р., еще решился просить Фамильцеву о пожертвовании. Священник Тюменцев старается усвоить эти 300 р. своей церкви более потому, что он подметил в духовном завещании не совсем точное выражение, где не прямо сказано: в Соборную церковь» или «в Собор», а «в Кузнецк». Священник Тюменцев и ранее рапортом своим от 17 июня 1868 г. за № 52 просил Консисторию, чтобы она переименовала неправильное, по его разумению, распоряжение свое, но в то время Консистория, найдя неосновательным его прошение указом своим., копию с которого при сем прилагаю, отказала ему. В настоящее же время священник Тюменцев подал рапорт в Консисторию по тому поводу, что отставной чиновник Бабушкин, бывший 1871 года осенью в городе Кузнецке, он же и поверенный по делам Фамильцевых, которого Тюменцев просил подлопотать о 300 р., дал обещание просить Преосвященного, как слышно было, доказать принадлежность этих денег церкви Одигитриевской тем, что он, Бабушкин, будто был свидетелем, как Фамильцева назначала эти деньги в Одигитриевскую церковь, но если бы он был свидетелем при назначении денег этих, или был в то время в Канске, то он, как свидетель, должен был бы подписаться в духовном завещании Фамильцевой...»

Ничего не скажешь, — читатель, наверное, не может не присоединиться к неоспоримой логике доводов Кроткова, тем более, что вот она и копия с завещания столь неточной в изъяснении последней воли купчихи Фамильцевой. Владея большими капиталами, она в завещании не обошла и щедро благодетельствовала кровную родню, и супруга, и свою, равно и прочих лиц, и подробно расписала, каким церквам и какие суммы ею назначены. При такой точности вряд ли могла она ошибиться и не вписать Одигитриевскую церковь. Тем более завещание написано 12 января 1867 г., а «вспоминание» Тюменцева, по его словам, ей было 7 ноября 1866 г., т. е. всего двумя месяцами ранее.

Но очевидность перестает быть таковой при вмешательстве отношений «высшего порядка». Можно полагать, отставной чиновник Бабушкин к Томскому Преосвященному был вхож и обещанный попусту не давал. Уверен в отношении к себе Томского епископа Платона и Тюменцев, и именно потому обращается с последним рапортом именно к нему, минуя Консисторию. Так или иначе, а 8 июня 1872 г. Консистория, как бы вовсе позабыв о своем же указе от 5 февраля 1868 г., однозначно позволившем Павлу Стабникову считать многоспорные триста рублей завещанными его церкви, и как бы

вовсе запямятовав, что указом от 17 июня 1869 же года Тюменцеву напрочь отказывает в его притязаниях, потому что никому, де, не дано менять смысл завещания — та же Консистория велит спорные деньги разделить пополам между обеими церквами. И — более того. С удивлением читаем: «что же касается до умолчания соборным причтом о лице жертвователя 288 рублей, что дозволил себе в рапорте от 19 ноября 1871 г. за № 105 о разрешении произвести исправление по Собору, то внушить ему, причту, что на будущее время за подобный поступок как возбуждающий подозрение в хитрости, он будет подвергнут законному наказанию...».

Подготовила к печати АЩЕУЛОВА Г. С.

Источники

Литературные:

1. В. Ф. Булгаков, Ф. М. Достоевский в Кузнецке //Сибирская жизнь.— 1904. — 29 октября.
2. Вез, Булгаков, В том давнем Кузнецке... /Лит. обработка М. Кушниковой. — Кемерово, 1991.— С. 196—202.

Архивные:

1. ГАТО, ф. 170, оп. 1, д. 1099, л. 2.
2. ГАТО, ф. 170, оп. 1, д. 805, л. 3.
3. ГАТО, ф. 170, оп. 3, д. 436, лл. 3—5, 8, 10—12, 18—19, 27—28.
4. ГАТО, ф. 170, оп. 3, д. 990, лл. 1, 4.
5. И. С. Колохов. Памятная историческая записка, или летопись, о городе Кузнецке с начала его основания и о некоторых событиях и о прочем, учиненная в 1867 году и последующих за оным, и прочие записки, к ней для памяти принадлежащие //ИЗ ТГУ—ОРК. — Вытр. 783.—Л. 63.

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РУКОВОДСТВА ОХРАНОЙ ПАМЯТНИКОВ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Охрана культурного наследия в первые послереволюционные годы является интересной, но малонисследованной страницей сибирской истории.

Процесс становления государственной системы охраны памятников в масштабах всей страны и конкретные мероприятия в этом направлении нашли отражение в трудах некоторых исследователей и практических работников¹. Перечисленные работы, безусловно, не исчерпывают всего списка литературы по этому вопросу, однако в них отражены основные этапы, главные мероприятия, намечена периодизация.

Первая научная работа, посвященная этому процессу в Сибири, была опубликована профессором Томского университета В. Ф. Смолиным в 1920 г.² Свою небольшую статью он посвятил не столько истории, сколько наиболее сложным и актуальным проблемам в деле охраны памятников. Отмечая в нескольких словах неудовлетворительное состояние памятников в Сибири в досоветское время, он считает, что эта работа здесь началась только в 1919 г. При этом основные недостатки он видел в том, что не налажен учет памятников, изучением и сохранением охвачены преимущественно лишь только памятники искусства, не привлекается к этой работе научная общественность, вопросы охраны памятников занимают люди не квалифицированные. В связи с этим выдвигается проблема скорейшей перестройки всей памятниковохранительной работы.

В статье М. Г. Худякова, посвященной археологической деятельности сибирского областничества, имеется краткое упоминание о том, что созданное и возглавляемое Н. М. Ядринцевым в годы гражданской войны реакционное общество археологии и этнографии продолжало некоторое время свои исследования и при Советской власти³. Некоторые факты по вопросу охраны памятников в Сибири отражены в работе

О. В. Ионовой, посвященной истории музейного строительства в РСФСР⁴. В книге В. Л. Соскина о культурном развитии Сибири также имеются упоминания об организации охраны памятников⁵.

Однако перечисленные работы — это не специальные исследования по истории охраны памятников. Лишь только в 1986 г. появилась первая работа В. С. Познанского, специально посвященная этому вопросу⁷. В ней автор приводит некоторые неизвестные ранее факты и дает им соответствующее историческое толкование. В 1989 г. вышел большой труд Ю. Н. Жукова⁶ о становлении органов охраны памятников в первые годы Советской власти в масштабах всей страны. Приведены здесь некоторые факты и по Сибири.

Безусловно, что многие аспекты становления и развития памятниковохранительной деятельности в Сибири в первые послереволюционные годы остались еще не исследованы и не освещены в печати. Требуется проработки и введения в литературу большой фактический материал, находящийся в архивах, запечатленный в реальных памятниках, хранящийся в памяти участников тех событий. Совершенно не исследованной остается тема формирования структуры государственных органов по охране памятников и деятельности общественных организаций. Не приведены в известность имена многих энтузиастов движения за сохранение историко-культурного наследия, благодаря усилиям которых не погасло тлеющее его пламя в сложные годы первых послереволюционных лет. Не воздано должное тем силам, которые препятствовали сохранению национального культурного достояния.

Целью настоящей статьи является попытка проследить формирование государственной системы охраны памятников в Западной Сибири в первые годы Советской власти.

Западная Сибирь в силу определенных причин представляла некоторое своеобразие в своем историческом развитии. Здесь всегда наблюдалось некоторое отставание от центральных районов России в научном и культурном развитии, а вместе с тем и в деле охраны памятников.

Первым, известным нам документом, свидетельствующим о начале работы по охране памятников в Западной Сибири в советское время, является постановление Совета Кузнецкого уезда от 22 марта 1918 г. о сохранении дома, в котором жил писатель Ф. М. Достоевский, об увековечивании его памяти в городе и изыскании средств для этого⁸, а также публикация в томской губернской газете 17 апреля 1918 г. правительственного Декрета от 12 апреля 1918 г. «О памятниках Респуб-

лики»⁹ и постановление губернского Совета от 28 апреля 1918 г. об образовании художественной галереи в г. Томске¹⁰. Но, разгоревшаяся здесь вскоре война приостановила эту работу.

После восстановления Советской власти в Западной Сибири дело охраны памятников стало вновь налаживаться. При этом главная роль в организации охраны памятников принадлежала Сибревкому. Через посредство существовавшего при нем Отдела народного образования он проводил в жизнь все главные правительственные мероприятия в этом отношении.

В первые же дни после восстановления власти Советов в Омске (14 ноября 1919 г.), а затем в Томске (17 декабря 1919 г.) были образованы подотделы искусств с секциями охраны памятников¹¹.

В соответствии с Постановлением Наркомпроса об образовании губернских подотделов по делам музеев и охране памятников в Сибири также начала оформляться памятникоохранительная система. Однако в Западной Сибири ее структура несколько отличалась от общероссийской. Здесь вместо губернских подотделов по охране памятников создавались подотделы по делам искусств с секцией по охране памятников. Они впервые были созданы, как было сказано, в Омске и Томске, а затем в июле 1920 г. секция по охране памятников была «сорганизована» и в Тюмени. При этом в печати было объявлено (сначала Тюменским Губревкомом¹², а затем Томским Сибнаробразом¹³) о том, что всю заботу по регистрации, учету и охране памятников отделы народного образования берут на себя.

Организационная работа по оформлению системы охраны памятников продолжалась и впоследствии. Так, уже в мае 1920 г. по мере своего развития и укрепления секция по охране памятников при Томском Губнаробразе преобразуется в подотдел с тремя секциями: художественных памятников (зав. секцией — художник Берингов); археологических памятников (зав. секцией — В. Ф. Смолин); музейная (зав. секцией — профессор Б. Л. Богаевский). Общее руководство подотдела осуществлял Л. И. Шиловский. А после его смерти 28 февраля 1921 г. — художник А. Н. Тихомиров¹⁴. 19 мая 1920 г. губернская газета сообщила о создании также и городского подотдела искусств в г. Томске, в структуре которого имелась секция охраны памятников¹⁵. Но самостоятельность губернского подотдела, видимо, была недолгой. Так, уже в сообщении от 1 июня говорилось о том, что при Губнаробразе

существует не подотдел, а секция охраны памятников при подотделе по делам искусств¹⁷. Тут же сообщалось о завершении организационной работы Губнаробраза.

Тем не менее, видимо, организационное оформление органов охраны памятников продолжалось. Уже в августе, на основании поступившего из Москвы циркуляра, здесь вновь был оформлен подотдел по делам музеев с подсекциями: музейной и охраны памятников¹⁸. А из доклада заведующего Томским Губнаробразом, опубликованного в ноябре 1920 г., следует, что в это время существовал отдел охраны памятников¹⁹. Если это не терминологические ошибки, то можно уверенно предполагать, что в мае—октябре 1920 г. в г. Томске произошло реоформление местной системы охраны памятников и приведение ее в соответствие с общегосударственной.

В это же время идет не только активное выстраивание государственной местной памятникоохранительной системы, но и осуществляются конкретные практические мероприятия. 6 июля 1920 г. в губернской газете сообщалось о развертывании широкой программы работ Губнаробраза по выявлению и изучению памятников, впервые ставилась задача по сохранению памятников коренных народов Сибири, население призывалось к бережному отношению к историческому и культурному наследию: «Под грохот войны, в треске разрушающегося мирового капитала, — писала газета, — бесчисленно погибали драгоценнейшие достижения человеческого духа. Горели, разрушались, расхищались сокровища, накопленные веками... Утраченного не вернуть. Но тем бережнее, тем любовнее мы должны хранить теперь все уцелевшее, чем мы еще владем»²⁰.

5 августа 1920 г. было опубликовано Постановление Сибревкома, принятое на основании Постановления Наркомпроса от 5 октября 1918 г., в котором говорилось о том, что все художественные ценности, находящиеся в пределах Томской губернии, Губнаробразом принимаются под охрану. От домовых комитетов и учреждений требовались точные сведения обо всех памятниках, принадлежащих как частным лицам, так и общественных²¹.

12 августа 1920 г. было опубликовано постановление Томского Губревкома, по которому воспрещались самовольные раскопки археологических памятников²². На уездной конференции работников народного образования, состоявшейся 12 августа 1920 г., с докладом выступил В. Ф. Смолин, в котором призывал к усилению краеведческой работы в школах, к охране памятников. Он говорил: «Сибирь очень богата па-

мятниками истории и старины. Вся эта древняя культура рассеяна по разным местам Сибири и гибнет или от хищнического расхищения невежественных масс или «святой простоты»²³. В течение лета-осени в местной губернской газете неоднократно появлялись статьи об охране памятников. Это и публикации отдельных авторов, призывающих сохранять историческое и культурное наследие прошлого, и постановления местных органов по охране памятников, выступления и доклады ответственных работников госаппарата²⁴.

В январе 1921 г. в целях совершенствования работы Томский Губнаробраз был разбит на три сектора: социального воспитания, профобразования и политпросветительный. При последнем был создан подотдел искусства и охраны памятников²⁵.

В январе 1922 г. в стране было закончено формирование центральных органов системы охраны памятников созданием при Наркомпросе Главного управления научными, художественными и музейными учреждениями (Главнаука). При нем была создана разветвленная всеобъемлющая система централизованного руководства местными органами охраны памятников, осуществляемого через Отдел по делам музеев и охраны памятников. В соответствии с этим на местах, при отделах народного образования, создавались губернские комитеты по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, народного быта и природы²⁶. 22 января 1922 г. такой комитет был создан в Томской губернии²⁷.

Однако в таком виде общегосударственная централизованная система охраны памятников просуществовала недолго. Вскоре она начала распадаться. Уже в 1925 г. губмузеи были расформированы. В Западной Сибири, в частности, в Томской губернии, негативные тенденции в памятниковоохранительной деятельности стали проявляться, видимо, еще раньше. Так, уже в июне 1922 г. по распоряжению ГубОНО комитет по охране памятников был упразднен, а его функции были переданы секции краеведения при Доме политпросвещения²⁸. Но охрана памятников в деятельности Дома политпросвещения стала занимать второстепенное место, а секция не могла справиться с губернским масштабом работ. Такая форма работы не оправдала себя, и прежняя система была восстановлена. 23 апреля 1924 года секция при Доме политпросвещения была распущена. 19 мая был вновь учрежден Комитет по делам музеев и охране памятников. В него вошли: председатель ГубОНО З. С. Гайски, М. Б. Шатилов (впоследствии репрессирован), Б. П. Юхневич²⁹. С возрождением Губ-

музей работа по охране памятников в Томской губернии значительно активизировалась. Губисполком обязует местные Советы взять на учет и принять все меры для сохранения памятников, находящихся на подведомственных территориях. Информировать население о памятниках и их ценности. Так, было сообщено о памятниках г. Кузнецка и Кузнецкого уезда, в том числе и о каменной крепости, доме Ф. М. Достоевского и других³⁰. 20 октября Томская губернская газета обращает внимание на неудовлетворительное состояние памятников и дальнейшее их разрушение. Особое беспокойство вызывало состояние интересного архитектурного памятника — мужского монастыря, который разбирается Губкомхозом на строительный кирпич³¹.

В государственную сеть, ведавшую охраной историко-культурных памятников, входили также архивные учреждения. Особенно большое внимание созданию архивов придавалось в Тюмени, где архивные бумаги продавались на вес как упаковочный и оберточный материал, сдавались как макулатура. В своем первом постановлении об охране памятников Тюменский губревком указывал на запрещение передачи архивных материалов на бумажные фабрики³². А 22 апреля 1920 г. Сибархивом была дана специальная телеграмма Тюменскому губревкому с целью принять самые решительные меры для охраны архивных дел³³.

6 октября 1923 г. Омский губернский совет издает приказ о передаче архивных материалов всех ныне действующих учреждений в губернское архивное бюро. Запрещалось самовольное распоряжение местными архивами³⁴. Этой мерой была положена основа централизованного архивного дела в Омской губернии. Впоследствии неоднократно предпринимались меры по улучшению архивного дела и, самое главное, прекращению уничтожения местными организациями архивных материалов³⁵. 20 июля 1925 г. было проведено крупное совещание по вопросам состояния архивов³⁶. Оно способствовало упорядочению архивного дела, прекращению разбазаривания архивных фондов.

В государственную систему охраны памятников были также включены и местные краеведческие музеи. В Западной Сибири в 1920 г. существовало всего несколько музеев: в Омской губернии — 3, в Алтайской — 2. В последующее десятилетие возникли новые краеведческие музеи в городах Омске, Томске, Новосибирске (Новониколаевске), Камне-на-Оби³⁷, Прокопьевске, Новокузнецке, Кемерово и других городах. Это значительно меньше, чем в центральных районах

страны. Но, тем не менее, новые музеи вместе с уже существовавшими включились в памятникоохранительную деятельность.

Одним из старейших западносибирских музеев был Омский краеведческий музей, созданный в 1878 г. Западно-Сибирским отделом Русского Географического общества. В 1921 г. он был выделен в самостоятельное государственное учреждение, а в 1923 г. переименован в Государственный Западно-Сибирский Краевой музей. 29 декабря состоялось торжественное открытие музея в новом здании и в новом качестве. На открытии музея присутствовали все члены губернского съезда Советов, открывшегося 1 января 1924 г. Посещение музея было бесплатным³⁹.

При музее была образована специальная научно-художественная экспертная комиссия по охране памятников природы, искусства и старины. Работа комиссии проходила в тесном контакте с Губисполкомом. Первыми мероприятиями комиссии были составление списка памятников г. Омска, нуждающихся в немедленной реставрации, учете и охране⁴⁰, а также распространение анкеты с целью сбора сведений о памятниках, находящихся в губернии⁴¹. Комиссия уделяла внимание и археологическим памятникам. Были произведены раскопки скелета мамонта на берегу Иртыша, который был впоследствии выставлен в музее⁴². Для прекращения грабительских раскопок древних курганов в Барабинскую степь была направлена сотрудница музея В. П. Левашова, ставшая впоследствии известным археологом⁴³.

Другим губернским музеем, осуществлявшим большую работу по охране памятников, был Томский Краевой музей, возникший в 1922 г. Одним из инициаторов создания краеведческого музея в Томске был Л. И. Шиловский. В своей статье, опубликованной в газете «Знамя революции», он писал: «Без музея жизнь города действует наполовину. Никто, как пролетариат, не заинтересован в создании нового искусства. Но нового искусства не может быть без основательного знания старого, как социализм не мог родиться без капитализма и научного марксистского знания его.

Музей нужен пролетариату, как нужен солнечный луч для растения, как нужна атмосфера критики крепнущему таланту»⁴⁴.

14 декабря 1920 г. специальная комиссия осмотрела состояние бывшего архiereйского дома Асташева, где сохранялась старинная мебель стиля «Ампир». Было принято решение открыть в этом здании — памятнике архитектуры первой

половина XVIII в. — «Музей старины и революции»⁴⁵. Однако потребовалось еще более года, чтобы в марте 1922 г. музей был действительно открыт. Первым заведующим музеем стал А. Н. Тихомиров⁴⁶. С первых дней музей приступил к сбору музейных коллекций и охране памятников. Производились зарисовки старинной архитектуры, собирались фотографии памятников. В мае 1922 г. А. Н. Тихомиров совершил поездку в старинное село Семилужное с целью обследования архитектурных памятников.

В 1923 г. музеем была устроена выставка «Памятники архитектурной старины Западной Сибири». На ней было представлено более 600 экспонатов — планы, обмеры, фотографии, зарисовки памятников. Выставка сопровождалась докладами А. Н. Тихомирова, инженера Молотилова о памятниках, истории родного края. Выставка имела большой успех. За две недели ее посетило более 1700 человек⁴⁸.

Музей уделял внимание и археологическим памятникам. С 1922 г. под руководством И. М. Мягкова стали проводиться раскопки у с. Иштана⁴⁹. Сотрудник музея Б. П. Юхневич в 1924 г. совершил поездку на хутор Степановка, где обследовал ряд построек, возведенных декабристом Г. С. Батеньковым. По результатам поездки Губмузеем были приняты меры к охране этих строений⁵⁰.

Однако в июне 1922 г. после ликвидации Губмузея и передачи музейной и памятниковоохранительной деятельности Дому политпросвещения, музей потерял свою материальную основу и самостоятельность. И только после упразднения секции краеведения при Доме политпросвещения в 1924 г. музей вновь обрел самостоятельный статус.

Первые послереволюционные годы отличались большим подъемом творчества широких народных масс. Это нашло отражение, в частности, в резком подъеме краеведения, музейного дела и охраны памятников. Повсеместно возникали краеведческие общества, способствовавшие своей деятельностью выявлению, изучению и пропаганде памятников истории и культуры. Руководство краеведческими обществами взяло на себя Центральное бюро краеведения. Вместе с тем, определилась и общественная организация по охране памятников. Это был оформившийся в феврале 1918 г. Комитет по охране культурных и художественных ценностей. Его можно рассматривать как прообраз будущих республиканских обществ охраны памятников.

Одной из местных губернских общественных организаций являлась созданная 20 апреля 1924 г. памятниковоохранитель-

ная комиссия в г. Омске при Западно-Сибирском отделе Русского Географического общества (ЗСОРО) ⁵¹, которая поставила перед собой целью выявление, учет и пропаганду памятников, а также вовлечение в это широких народных масс. Председателем ее был избран профессор В. Ф. Семенов.

Однако с первых дней своего существования эта общественная организация встретила непонимание и нежелание сотрудничать со стороны Комиссии по охране памятников, существовавшей при музее. «Организацию в Омске параллельной комиссией считаем нецелесообразным», — писал Совет музея В. Ф. Семенову. Не поддержала создание новой общественной памятникоохранительной организации и Комиссия по охране памятников при ГубОНО ⁵².

Тем не менее памятникоохранительная комиссия ЗСОРО начала свою работу. И имела успех. С нею, как с авторитетной научной организацией сотрудничали Российская Академия Истории Материальной Культуры ⁵³, Управление Главнаука при Наркомпросе ⁵⁴. За короткий период своего существования, больше заполненный драматическими столкновениями, чем конкретной работой, памятникоохранительная комиссия ЗСОРО провела значительную работу. Было составлено воззвание к населению об охране памятников, сделаны фотоснимки некоторых архитектурных памятников, обследован Воскресенский собор в г. Омске, оказана помощь молодому краеведческому обществу в г. Улале (Горно-Алтайск), приняты меры к охране и исследованию археологических памятников ⁵⁵. Однако в условиях бойкота она работать не смогла, и 16 октября 1925 г. было заявлено о ее самороспуске ⁵⁶. Вновь она возобновила свою деятельность в марте 1927 г. под руководством профессора П. Л. Драверта ⁵⁷.

Рост общественного интереса к истории родного края в Омской губернии привел к возникновению в 1925 г. Омского общества краеведения, которое поставило одной из своих задач охрану памятников ⁵⁸. Обществом проводились археологические раскопки, на его заседаниях заслушивались доклады о памятниках ⁵⁹.

Приведенные лишь некоторые факты позволяют увидеть основные структурные принципы организации охраны памятников в Западной Сибири в первые послереволюционные годы. Кроме того, просматриваются общие тенденции в памятникоохранительной политике, характерные для всей страны ⁶⁰, а также особенности ее местной реализации.

В Западной Сибири, как и по всей стране, наблюдается

послереволюционный подъем творческой активности значительной части населения и, в первую очередь, интеллигенции, что привело к оживлению краеведения, музейной деятельности, охраны памятников. В то же время усиливается памятникоохранительная деятельность государства, как части его культурной политики, проявляющаяся в трех направлениях. Первое — спешная национализация всего культурного достояния и его строгий учет. Второе — стремление национализированное культурное богатство поставить на службу политике и идеологии. С этой целью новая власть массированно принимает серию мер, направленных на создание единой централизованной системы государственного управления музеями, охраной памятников, архивного дела. Внешне это выглядит как резкое усиление заботы о сохранении общенационального культурного достояния. Третье — Советская власть усиленно пытается подчинить государственной системе инициативу энтузиастов из общественности, наввно поверивших в освободительную миссию революции. Это привело к конфликтам между ними⁶¹, а впоследствии и к репрессивным мерам со стороны первой⁶².

Другая тенденция — это стремление нового государства использовать охрану памятников, музеев, краеведение для сохранения и пропаганды лишь своих идеологических ценностей. Поэтому повышенное внимание уделялось памятникам, связанным с революционными событиями, гражданской войной, с установлением Советской власти. Вместо снесенных памятников «в честь царей и их слуг» устанавливаются памятники теоретикам и практикам революции, партийным и государственным руководителям⁶³. Охрана памятников подменяется монументальной пропагандой. В то же время остальная часть культурного наследия разрушалась, уничтожалась, расхищалась, ветшала.

По мере укрепления новая власть все активнее стала подчинять под себя ранее сформировавшиеся органы охраны культурного наследия. Они вводились в структуру безвластных государственных учреждений (музеев, наробраз) или становились частью идеологических органов, где занимали второстепенное место и вынуждены были идти в фарватере своего покровителя. Отсюда частое реформирование системы охраны культурного наследия.

В итоге мы видим, что на фоне больших многочисленных письменных мероприятий, свидетельствующих, якобы, о подъеме памятникоохранительного дела в Западной Сибири, мы почти не видим конкретных фактов их реальной охраны, т. е.

сохранения, реставрации, использования в научных целях, для развития культуры, истинного исторического и эстетического просвещения народа, а не идеологического его оболванивания.

В целом же можно сказать, что охрана памятников в новое время не ухудшилась; ее как не было, так и нет, естественное обветшание продолжалось. Но возникла новая форма отношения к памятникам — это их целенаправленное разрушение. Эти тенденции продолжались вплоть до последних лет.

Наиболее крупные памятничкоохранительные мероприятия в основном повторяли общегосударственные. Местные постановления принимались, как правило, на основании правительственных директив или в связи с ними. Однако своеобразие состояло в том, что в Западной Сибири мероприятия по охране памятников стали осуществляться позже и разворачивались медленнее. Шло отставание и в организации местной памятничкоохранительной системы. Основные мероприятия были направлены не на реставрацию и использование памятников в культурнопросветительных и научных целях, а на попытки организации учета, прекращение уничтожения, пропаганду идеи необходимости сохранения памятников. Изучению подвергались в основном памятники археологии. В этом, видимо, проявился пассивный протест ученых, не желавших участвовать в пропаганде неприемлемой идеологии.

В Западной Сибири в силу общей культурной отсталости в послереволюционные годы сильнее ощущалось негативное влияние отсталых взглядов на значение дела охраны истинных культурных ценностей. В государственных органах не всегда находила поддержку инициатива общественности, роль прогрессивной интеллигенции в организации памятничкоохранительной работы. Это сдерживало налаживание дела охраны памятников в Западной Сибири в первые годы Советской власти и оказало отрицательное влияние на состояние дела в последующие периоды.

Все это привело к перекосу в памятничкоохранительной деятельности: резкому усилению идеологической обработки населения средствами монументальной пропаганды и утрате большого количества истинных культурных ценностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Например: Ятманов Г. Деятельность Петроградского Отдела музеев по охране памятников искусства и старины и музейного строительства // *Музей*, 1923, № 1; Горданов В. К. Музейное

строительство и охрана памятников в первые годы Советской власти (1917—1920). //История музейного дела в СССР. М., 1957; Вишegradов Н. Д., Малиновский Ю. П. Охрана памятников культуры в первые годы Советской власти. //Архитектура СССР, 1958, № 4; Булыгин И. А., Троицкий С. М. Из истории первых мероприятий Советской власти по охране памятников культуры и искусства. //Вестник истории мировой культуры, М., 1958, № 3; Разникович Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917—1967). //История СССР, 1967, № 2; Вайман Н. А. Охрана памятников старины и искусства. //Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, М., 1939, т. III; Якоби О. Я. Итоги 30-летней работы. //Художник, 1975, № 10; Жуков Ю. Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры. 1917—1920 гг. М., 1969.

2. Смирнов В. Охрана памятников искусства и старины в Сибири. //Кавказский музейный вестник, 1920, № 78.
3. Худяков М. Г. Дореволюционное сибирское областничество и археология. //Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 9—10.
4. Иконова О. В. Создание сети краеведческих музеев в РСФСР в первые десять лет Советской власти. //История музейного дела в СССР, 1957.
5. Соскин В. Л. Очерки истории и культуры Сибири в годы революции и гражданской войны. Новосибирск, 1965.
6. Жуков Ю. Н. Указ. соч., с. 214—216.
7. Позанавский В. С. Первые мероприятия по охране памятников в Советской Сибири. //Памятники истории и архитектуры Сибири. Новосибирск, 1936.
8. ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 436, л. 36—41.
9. Знамя революции (Томск), № 75(255), 1918, 17 апр.
10. Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919). Томск, 1967.
11. Омск. Очерки истории города. Новосибирск, 1965, с. 192; Иконова О. В. Указ. соч., с. 41.
12. Из истории культурного строительства в Тюменской области (сб. док. 1918—1975). Свердловск, 1980, с. 65.
13. Там же, с. 48.
14. Красное знамя (Томск), 1920, 7 мая.
15. Шаловский Л. И. Художественные сокровища города Томска. Тр. Томского краевого музея, т. 1. Томск, 1927, с. 83.
16. Красное знамя (Томск), 1920, 19 мая.
17. Там же, 1 июня.
18. Иконова О. В. Указ. соч., с. 41.
19. Красное знамя (Томск), 1920, 3 июня.
20. Знамя революции (Томск), 1920, 9 июля.
21. Там же, 12 авг.
22. Там же, 5 авг.
23. Там же, 17 авг.
24. Там же, 22 авг., 24 авг., 9 сент., 26 окт., 3 нояб.
25. Там же, 1921, 13 янв.
26. Шалов М. В. Исторический очерк и обзор Томского краевого музея. Тр. Томского краевого музея, т. 1. Томск, 1927.
27. Шалов М. В. Указ. соч.
28. Красное знамя (Томск), 1922, 30 дек.
29. Шалов М. В. Указ. соч., с. 11.

30. Красное знамя (Томск), 1923, 8 окт.
31. Там же, 20 окт.
32. Из истории культурного строительства в Тюменской области... с. 47.
33. Там же, с. 49.
34. Рабочий путь (Омск), 1923, 12 окт.
35. Рабочий путь (Омск), 1925, 14 янв., 28 марта, 25 июня.
36. Там же, 21 июля.
37. Сибирский революционный комитет (1918—1923). Сб. док. Новосибирск, 1959, с. 424.
38. Иконова О. В. Указ. соч., с. 62, 63, 70.
39. Рабочий путь (Омск), 1923, 29 дек.
40. ГАОО, ф. 1078, оп. 1, д. 9, л. 3.
41. ГАОО, ф. 1075, оп. 1, д. 57, л. 28.
42. ГАОО, ф. 1078, оп. 1, д. 9, л. 110.
- 43.
44. Знамя революции (Томск), 1920, 1 дек.
45. Шаталов М. В. Указ. соч., с. 8.
46. Красное знамя. (Томск), 1922, 11 марта.
47. Шаталов М. В. Указ. соч., с. 4.
48. Там же, с. 8.
49. Там же, с. 10.
50. Там же, с. 11.
51. ГАОО, ф. 1075, оп. 1, д. 57, л. 10.
52. ГАОО, ф. 1075, оп. 1, д. 57, л. 12, 18.
53. ГАОО, ф. 1075, оп. 1, д. 57, л. 23.
54. Там же, л. 28.
55. Там же, л. 29, 30.
56. Там же, л. 32.
57. Там же, л. 48.
58. ГАОО, ф. 1075, оп. 1, д. 6, л. 16.
59. ГАОО, ф. 1078, оп. 1, д. 6, л. 13, 16; Рабочий путь (Омск), 1925, 3 окт.
60. Куделева А. М. История охраны памятников в РСФСР, Красноярск, 1992, с. 55—70.
61. Китова Л. Ю. Из истории развития краеведения в Сибири в 1830—30 годы. //Современные проблемы исторического краеведения: Тез. докл. Кемерово, 1993, с. 68—70.
62. Крайнова Л. П. Музей Кемеровской области. //Современные проблемы исторического краеведения: Тез. докл. /Кемерово, 1993, с. 77.
63. См., например: Декрет «О памятниках республики» от 12 апреля 1918 г.; Постановление СНК «Об ассигновании одного миллиона рублей на сооружение памятника на могиле К. Маркса» от 1 июля 1918 г.; Постановление СНК «О постановке в Москве памятников великим людям от 30 июня 1918 г.; Циркуляр Президиума ВЦИК «О выделении и охране памятников революционных движений» от 16 мая 1927 г. и др.; Охрана памятников истории и культуры. Сб. док. М., 1973.

У ИСТОКОВ КРАЕВЕДЕНИЯ И АРХЕОЛОГИИ ЗЕМЛИ КУЗНЕЦКОЙ

(памяти Ф. И. Александрова)

Имя Федора Ильича Александрова (1896—1981), почетного гражданина г. Гурьевска, хорошо известно кузбасским краеведам. Он был организатором и первым директором краеведческого музея в Гурьевске. При его непосредственном участии в течение многих лет проводились археологические разведки и раскопки древних поселений и курганов на территориях Беловского и Гурьевского районов Кемеровской области. Однако до настоящего времени не известны причины, приведшие Ф. И. Александрова на стезю кузнецкой археологии и краеведения, а имя этого исследователя древностей земли кузнецкой, за ее пределами, многим специалистам остается мало известным. Пример Ф. И. Александрова является наглядным подтверждением необходимости бережного отношения к творческому наследию личностей, стоящих у истоков кузнецкой археологии и краеведения. Вклад известных кузбасских краеведов М. Г. Елькина и П. Н. Мушкетя, соратников Ф. И. Александрова, в развитие археологии Кузнецкой котловины уже получил предварительное освещение в литературе¹. Прделанная работа по восстановлению творческого наследия Ф. И. Александрова позволяет наметить вехи на его жизненном пути и обозначить вклад этого исследователя в развитие кузнецкой археологии.

Ф. И. Александров родился 21 февраля 1896 года в городе Луге Петербургской губернии. Его отец, Илья Александрович, всю свою жизнь посвятил железной дороге. Ему довелось поработать на многих российских магистралях. В 1889 году семья Александровых выехала в Сибирь, где Илья Александрович работал на узловых станциях Сибирской железной дороги — Зима, Томск-1, Тайга. С 1902 года Александровы обосновались в Омске².

В 1908 году двенадцатилетний Федор поступил в Омскую мужскую гимназию. Но на третьем году обучения из-за материальных трудностей гимназию пришлось оставить. Свое об-

разование он продолжил в Омской железнодорожной школе, окончив которую поступил в Омскую центральную фельдшерскую школу. Выпуск пришелся на 1915 год, когда уже повсюду бушевала 1-я мировая война. В августе того же года молодой фельдшер Александров был призван в армию. Строевая подготовка заняла всего лишь три месяца, и Федор получил назначение к новому месту службы — в Томский местный лазарет.

В июне 1916 года Ф. И. Александров был арестован. Хотя ни к каким партиям он не принадлежал, но посещал кружок солдат, имевший отношение, как потом выяснилось, к подпольной организации большевиков. Лучшее, на что мог рассчитывать в этой ситуации Ф. И. Александров, был штрафной батальон. Задумав побег, Федор Ильич бежал с единомышленниками — двумя арестантами и постовым солдатом.

Через Монголию в Китай — таков был маршрут четверых беглецов. До Бийска они добрались по железной дороге, а дальше пошли пешком. Монголия в это время была ненадежным убежищем, так как всюду встречались казачьи разъезды, вылавливавшие дезертиров. Без денег, без знания монгольского языка, голодные беглецы были вынуждены вернуться обратно.

1917 год Ф. И. Александров встретил в Омске, а после февральских событий явился в военно-санитарное управление и был вновь направлен в Томский лазарет. Там он был вскоре избран членом Совета солдатских депутатов и гарнизонного комитета. В июне 1917 года он вступил в РСДРП(б)³.

Майские события 1918 года застали Федора Ильича в Омске, куда он был отправлен Томским губисполкомом для решения ряда хозяйственных вопросов. Восстание Чехословацкого корпуса заставило местные власти срочно создать оперативный штаб станции Омск, в состав которого вошел и Ф. И. Александров. Ему пришлось участвовать в организации военно-санитарных отрядов и санитарного поезда. В начале июня 1918 года в составе медицинской части одного из железнодорожных полков Ф. И. Александров участвовал в боях с колчаковцами у станции Мартыановка, в 40 км от Омска. После поражения красновардейских отрядов некоторое время он скрывался на станции Карагат, а затем вернулся в Омск и устроился фельдшером в железнодорожный приемный покой.

В июне 1919 года за связь с подпольной организацией Ф. И. Александров был арестован колчаковской контрразведкой и этапирован сначала в Омскую тюрьму, а затем отправлен в Томск. В Томской тюрьме он находился до освобожде

ния города от колчаковцев. В декабре 1919 года Федор Ильич вернулся в Омск.

В марте 1921 года Ф. И. Александров был избран делегатом от станции Омск на 1-й Всероссийский съезд железнодорожников, на котором выступал В. И. Ленин. С 1927 по 1939 годы Федор Ильич работал на партийной и профсоюзной работе в Кемерове и Новосибирске, а в 1939 году был направлен на работу в Гурьевск. С начала Великой Отечественной войны он занимал должность первого секретаря райкома партии, а с 1954 года работал председателем планового отдела при горисполкоме⁴.

Уже с начала 50-х годов Ф. И. Александров принимал участие в полевых археологических исследованиях, проводившихся на территории Гурьевского района М. Г. Елькиным и начал собирать краеведческий материал. В 1956 году Федор Ильич сумел создать инициативную группу из местных краеведов, которая поставила перед Гурьевским горисполкомом вопрос о создании краеведческого музея. Идея создания музея связывалась со следующими обстоятельствами: Гурьевск — один из старейших населенных пунктов в Кузбассе, возникший в связи со строительством в 1816 году сереброплавильного завода, ставшего впоследствии предприятием черной металлургии; Салаирские серебродобывающие рудники еще задолго до своего открытия в 1782 году использовались древним населением Кузнецкой котловины. Все это не могло не заинтересовать краеведов и людей, интересующихся вопросами истории.

Благодаря усилиям Ф. И. Александра и его сподвижников в мае 1959 года музей в Гурьевске был открыт и получил статус народного, а в 1968 году музей был преобразован в государственное учреждение. С начала функционирования музея и до последних дней жизни Ф. И. Александров работал директором Гурьевского краеведческого музея, отдавая этой деятельности весь свой жизненный опыт и организаторские способности, веря, что история — это всегда ступень в будущее.

Большой вклад Ф. И. Александров внес в комплектование археологической коллекции, хранящейся в фондах Гурьевского краеведческого музея. Он добивался выделения средств на проведение археологических раскопок в Гурьевском районе, организовывал группы из преподавателей и школьников в эти увлекательные экспедиции. И сам он был глубоко заинтересован этим делом, успевая не только участвовать в раскопках, которые с 1952 года на территории Гурьевского района прово-

дил М. Г. Елькин⁵, но и самостоятельно проводил разведки и раскопки, без Открытого листа, составлял археологические карты, вел подробные полевые дневники. Эти документы и материалы полевых исследований, сохранившиеся в фондах Гурьевского краеведческого музея и личном архиве Ф. И. Александрова, дают возможность восстановить его археологическую практику.

С созданием Гурьевского народного краеведческого музея в 1959 году начала ежегодно работать его археологическая экспедиция под руководством Ф. И. Александрова. Активными помощниками в работе этой экспедиции были преподаватель истории школы № 2 Гурьевского совхоза П. Н. Муштей, а также многие преподаватели и учащиеся разных школ г. Гурьевска. За время работы экспедиции с 1959 по 1965 годы была обследована территория между городами Гурьевск и Белово общей площадью 780 км². В результате археологических разведок были выявлены четыре поселения — Гурьевское, Бачаты-1—III и четыре курганных могильника вблизи населенных пунктов Челухоево, Беково, Октябрьский и Шанда, а также удалось собрать большую коллекцию подъемных археологических материалов, датируемых эпохами неолита, бронзы и железа⁶. Силами гурьевских краеведов, объединенных археологической экспедицией, эти памятники в разные годы были подвергнуты полному или частичному исследованию. С 1960 по 1965 годы были раскопаны семнадцать из восемнадцати зафиксированных курганов на могильнике Шанда⁷. В 1967, 1968 и 1972 годах на могильнике Беково были раскопаны пять курганов из двенадцати зафиксированных на площади памятника⁸. А в 1968—1973 годах, ежегодно, на поселениях Бачаты I—III проводились систематические раскопки и сборы подъемного материала. Площадь раскопок на этих памятниках превышает 1000 м².

В 1959, 1961—1963 и 1966—1973 годах археологическая экспедиция Гурьевского краеведческого музея проводила совместные полевые исследования с археологической экспедицией Прокопьевского краеведческого музея, которым руководил М. Г. Елькин, являющийся держателем Открытого листа в 1953—1965 годах. В ходе совместных полевых работ Ф. И. Александров принимал участие в раскопках курганных могильников Саратовка, Ур-Бедари, Усть-Канда, Дегтяревка-1 и Октябрьский, расположенных в долинах рек Ур и Бачаты. При этом необходимо отметить как заслугу Ф. И. Александрова, что он первым в 1961 году открыл уникальный андроновский курганный могильник Дегтяревка-1 и раскопал на нем три пер-

вых кургана. В 1966—1967 годах совместная экспедиция Гурьевского и Прокопьевского краеведческих музеев проводила раскопки Гурьевского поселения⁹.

Подводя итог археологической практике Ф. И. Александрова, можно заключить, что опыт полевых работ первоначально черпался им из наблюдений за раскопками М. Г. Елькина и специальной литературы. С 1959 по 1973 годы он руководил археологической экспедицией Гурьевского краеведческого музея, не имея официального разрешения Отдела полевых исследований Института археологии АН СССР и Министерства культуры РСФСР на право ведения самостоятельных полевых археологических исследований. Однако, несмотря на то, что Ф. И. Александров не получил специального исторического образования, уровень его раскопок был достаточно высок, о чем свидетельствуют многочисленные полевые дневники, чертежи и фотодокументы. Не имея возможности публиковать материалы своих раскопок в специальной литературе, Ф. И. Александров активно пропагандировал археологические знания в местной прессе и через экспозицию Гурьевского краеведческого музея. Все это позволяет констатировать большой вклад Ф. И. Александрова в дело развития кузнецкой археологии и краеведения, у истоков которого он был одним из ключевых звеньев.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Илюшин А. М. М. Г. Елькин — исследователь древностей Кузнецкой котловины. // Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Докл. республ. науч. конф. Омск, 1982, с. 13—14; Илюшин А. М. П. Н. Мушкетей — исследователь древностей земли Кузнецкой. // Современные проблемы исторического краеведения. (К 375-летию основания Кузнецка и 50-летию образования Кемеровской области): Тез. докл., рег. науч.-практ. конф. Кемерово, 1993, с. 24—28.
2. ИАНО, ф. 4, оп. 18, д. 185, л. 8, 7.
3. Там же.
4. Архив Гурьевского краеведческого музея, ф. 1, д. 9.
5. Илюшин А. М. М. Г. Елькин — исследователь..., с. 18.
6. Мушкетей П. Н. Отчет археологических разведок, проведенных Гурьевским народным музеем в 1985 году. Гурьевск, 1987, с. 43. // Архив ИА РАН, д. № Р-1/3029.
7. Илюшин А. М., Сулейменов М. Г. К вопросу о тюркских древностях в Кузнецкой котловине. // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Посвящается 100-летию Н. К. Ауэрбаха; Кратк. содрж. докл., т. 2. Красноярск, 1991, с. 58—60; Илюшин А. М., Сулейменов М. Г. Хронология и этнокультурная принадлежность средневекового могильника Шада. // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. Томск, 1992, с. 73—74.

8. Илюшкин А. М., Судейменов М. Г. Курганный могильник Бекенов. (новые материалы о времени появления телеутов в Кузнецкой котловине). //Материалы по археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. к XXXIII рег. археологической студенческой конф. Абакан, 1993, с. 48—49.
9. Ельчина М. Г. Поселение позднего железного века у г. Гурьевска //Известия лаборатории археологических исследований. Вып. 5. Кемерово, 1974, с. 119—129.

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ В КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЯХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ

«Без корня и полынь не растет», — гласит народная мудрость. Представление в музейных экспозициях традиционного народного быта, знакомство посетителей с сибирскими обычаями и обрядами по праву являются одним из ведущих направлений деятельности краеведческих музеев. Для совершенствования научно-экспозиционной, фондовой и просветительской работы необходимо активнее использовать источники и результаты исследований по истории материальной культуры русского населения Сибири.

Учеными проведен сравнительно-исторический анализ судеб материальной культуры русского населения Европейской России и Сибири¹. В связи с изучением социально-экономических, демографических, языковых процессов к материальной культуре русских сибиряков обращались в своих трудах М. М. Громько, Т. С. Мамсик, Н. А. Миненко, Л. Г. Панин. Имеются конкретные исследования по истории сельского жилого комплекса, крестьянского костюма в разных районах Западной Сибири и в регионе в целом². Материальная культура горожан представлена в книге А. А. Люцидарской «Старожилы Сибири»³.

Поскольку вещественных источников — музейных предметов, характеризующих жилище, хозяйственные постройки, одежду, утварь русского населения Сибири, сохранилось крайне незначительное количество, следует привлекать архивные и опубликованные источники. На основе имеющихся в нашем распоряжении материалов и опыта работы в Новосибирском областном краеведческом музее покажем некоторые варианты включения подобных источников в экспозицию.

Представление о технике, качестве и условиях выполнения работ по возведению жилища в XVIII в. могут дать договоры на постройку. Приведем в качестве примера один из них:

«1798 года ноября 24 дня Тырыщенской волости деревни

Малого Оешу крестьянин Родион Максимов Черных дал сей договор Чаусской волости, Чаусского острога крестьянину Лаврентию Галанцову в том, что подрядился я, Черных, у него Галанцова хоромну постронть пятнстенную, а в исподе под оною сделать два анбара и при них двой двери с полотеницами и косеками. В прихожей забрать казенку бревенчату кою вытесать, а также и в горнице стены вытесать и выскоблить. Лавки сделать у дверей, сделать угловой шкалик. В ней (горнице — О. Ш.) сделать четыре окошка колодные. При оном (верхнем жилье — О. Ш.) сделать крылец. Верхнее жилье покрыть как у его советвевного Галанцову дому. Также перед анбарами выслать пол через два аршина и покрыть оной его тесом готовым. Покрыть же оную хоромину шатром и на гвозди, под крышкою внизу положить карниз и положить олушни. Три улешные стены у оной выскоблить. За что рядил пятьдесят рублей. Во время ж сей постройки мне и моим работникам питать меня ему Галанцову своим кочтом...»⁴. Включенне подобного документа в экспозицию даст возможность акцентировать внимание посетителей и на особенности вертикальной и горизонтальной планировки, интерьера жилища.

Иллюстрациями в музейном комплексе о крестьянских жилых постройках XVIII—конца XIX в. могут служить, в частности, планы на постройку отдельных домов, планы типичных сельских домов, выполненные Ф. Зобниным, а также планы по устройству селений, отдельных дворов и жилищ, внедряемые администрацией в приписных деревнях. Некоторые из них впервые опубликованы в книге О. Н. Шелегиной «Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX в.)»⁵.

Как установлено исследователями, в первой половине XIX века во всех районах Западной Сибири самым распространенным типом дома у сибиряков-старожилов становится т. н. «связь»: «изба — сени — горница». Она в наибольшей степени соответствовала условиям деревенского быта, труда и отдыха. В случае реконструкция ее в экспозиции музея с включением подлинных предметов в качестве научно-вспомогательных материалов значительную ценность представляет детальное описание подобного жилища с рисунками и схемами, составленное тюменским краеведом Ф. К. Зобниным. Оно хранится в Государственном музее этнографии (г. Санкт-Петербург)⁶, секция рукописей. Фрагменты из него приведены в статье А. А. Лебедевой.

По возможности следует дать в экспозиции и представление об организации крестьянской усадьбы в динамике и у раз-

ных имущественных групп или рассказать об этом в экскурсии, используя конкретные примеры: «... жилая изба с сенями, одна светлица с сенями, против ее клеть, а в светлице три слюдяные окончины, скотские два двора, два пригона, во дворе клеть, подле жилой избы ветхая скотская избушка: против двора баня, хлебный один двойной анбар, во двери внутренней замок, два анбара особлковых, вокруг всего строения ограда» — так выглядела одна из усадеб в деревне под Кузнецком в 1762 г.⁷. В первой четверти XIX в. по данным В. И. Семевского один из приписных крестьян д. Березовой Верхотомской волости имел дом, который «резко отличался от остальных, как величиною своею, так и красивым наружным видом, богатое же убранство комнат делало его похожим на дом знатного помещика. Подле него находились два сада, правильно распланированные, с фигурными беседками и цветочными грядами...»

По архивным и литературным источникам нами выявлено 83 вида одежды, обуви, дополнений к костюму, бытовавших в Западной Сибири в XVIII в. и 130 — в первой половине XIX в. Изготавливались они из тканей 54 видов, 19 наименований меха, 8 сортов кожи. В результате количественного анализа данных о более 2 тыс. единиц одежды выяснилось, что 41,1% от их числа были из домотканых материалов: льняных (холст, пестрядь, кежа) — 35,5%, шерстяных и полушерстяных (сукно крестьянское, коломянка, сермяга) — 5,6%. Среди тканей фабричного производства преобладали хлопчатобумажные (китайка, бумага, бахта, верверет, даба, кумач, выбойка, набойка, ситец, александрийка, нанка, полуситец, кисей, бязь, саржа, тик, крашенная, зедець) — 32,1%. Далее следовала группа шелковых тканей (шелк, тафта, грантур, шелк барсовый, канават, голь, фанза, грезет, камка, атлас, бархат, полушелк, шанка, штоф) — 16,6%. Шерстяные (сукно фабричное, сукно корновое, сукно солдатское, стамед, камлот) составляли 10,2%. (В скобках ткани перечислены в порядке уменьшения их доли в группе). О тенденциях в развитии крестьянского костюма в период феодализма говорят следующие показатели, полученные нами при классификации элементов одежды. В костюме западносибирских селян было представлено 74% (66), традиционных для сельских жителей России видов, в том числе древнерусских — 7, общерусских — 50, имеющих в европейской части страны локальное бытование — 17. У городского населения было заимствовано 18 видов одежды, у аборигенных народов — 14, что составляло в сумме 28,6%. 6 видов одежды (5,4%) были распространены в этот период только на территории Западной Сибири. На наш взгляд, пред-

ставление таких статистических материалов в пояснительных текстах даст посетителям музеев расширить свое представление об одном из важнейших элементов народной материальной культуры — одежде.

Традиционный показ подлинных крестьянских костюмов можно дополнять рисунками, дающими представление об облике той или иной этнографической группы. Так, в работе С. В. Максимова⁸ имеются интересные рисунки сибирских старожилов, старообрядцев, казаков и казачек.

Очень показательны описи имущества крестьян, которые составлялись по разным поводам и в большом количестве имеются в архивных фондах. Эти документы дают комплексное представление об уровне состоятельности земледельцев и горожан, имеющих у них жилых и хозяйственных построек, одежде, утвари. В экспозиции подобные документы могут быть представлены в виде копий, воспроизведений. При сравнении нескольких свидетельств можно говорить о влиянии социальной дифференциации на состояние материальной культуры русского населения Сибири.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Коллективные монографии «Этнография русского крестьянства Сибири XVII — середина XIX вв.», М., 1981; «На путях из Земли Пермской в Сибирь...», М., 1989.
2. Монографии В. А. Липинской, Л. М. Русаловой, О. Н. Шелегной, диссертационные работы и публикации П. Е. Вардинов, Е. Ф. Фурсовой.
3. Историко-этнографические очерки. XVII — начало XVIII вв. Новосибирск, 1982.
4. ГАНУ, ф. 110, д. 15, л. 802 об.
5. Новосибирск, 1982, с. 40, 46, 49, 54.
6. Серия рукописей: ф. 1, оп. 2, д. 739, л. 1—56.
7. ЦГАДА, ф. 517, оп. 1, д. 681, л. 13 об.
8. В земной стране // Исторический вестник, 1884, № 2.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Огурцов А. Ю. Русская экспансия в Южной Сибири (постановка вопроса) 3
- Шадрин А. С. Градостроительная структура Кузнецка 18—20 вв. и его памятники 15

АРХЕОЛОГИЯ

- Черная М. П. Проблемы сибирского археологического городоведения 28
- Скобелев С. Г. Развитие хозяйства местного населения Среднего Енисая и Томи в 17 в. 34
- Клауфман А. О. Ремесло и торговля Кузнецка 17 века (предварительное сообщение по письменным и археологическим источникам) 47
- Воброва А. И., Яковлев Я. А. К вопросу о роли и значении погребального инвентаря позднесредневекового населения Нарымского Приобья: пояс 61
- Илюшин А. М., Сулейменов М. Г. Комплексы вооружения предмонгольского времени на курганах кладбища Салогово-2 91
- Худяков Ю. С. К вопросу о ильгмазах в Кузнецкой котловине 97
- Матвеева Н. П. Погребения середины 1 тыс. н. э. в Приишимье 107
- Ширин Ю. В. Новые исследования многослойного памятника Степной Чумыш-2 132
- Кузнецов Н. А. Раскопки кургана конца 1 тысячелетия до н. э. на р. Чумыш 130

ИСТОЧНИКИ, ПРОБЛЕМЫ КРАЕВЕДЕНИЯ И МУЗЕЕВЕДЕНИЯ

- Гмелин Иоганн Георг. Поездка по Рудному Алтаю в августе — сентябре 1734 года (из книги «Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733—1734»). (Перевод . . . . .) 140
- Хандорина Л. А. Архивный фонд семьи Булгаковых в Новокузнецком краеведческом музее 170
- Кушикова М. М., Тогунов В. В. Спорное заглавие купчих Фамильцевой, или... поединок верев. (Подготовила к печати Т. С. Ащеулова) 185
- Куламанн А. М. Формирование системы государственного руководства охраной памятников в Западной Сибири в первые годы советской власти 193
- Илюшин А. М., Перминова Л. А. У истоков краеведения и археологии земли кузнецкой (памяти Ф. И. Александрова) 206
- Шелегина О. Н. Об использовании в краеведческих музеях источников по истории материальной культуры русского населения Сибири 212

Издательство «Кузнецкая крепость»,

854007, г. Новокузнецк, пр. Кузнецкостроительский, 1.

Сдано в набор 12.10.84 г. Подписано в печать 12.01.85 г.

Ф-т 60×84^{1/2} Тир. 2.000. Зак. 407.

ИПП «Советская Сибирь».

